

И 1
0-83
5-7кв

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

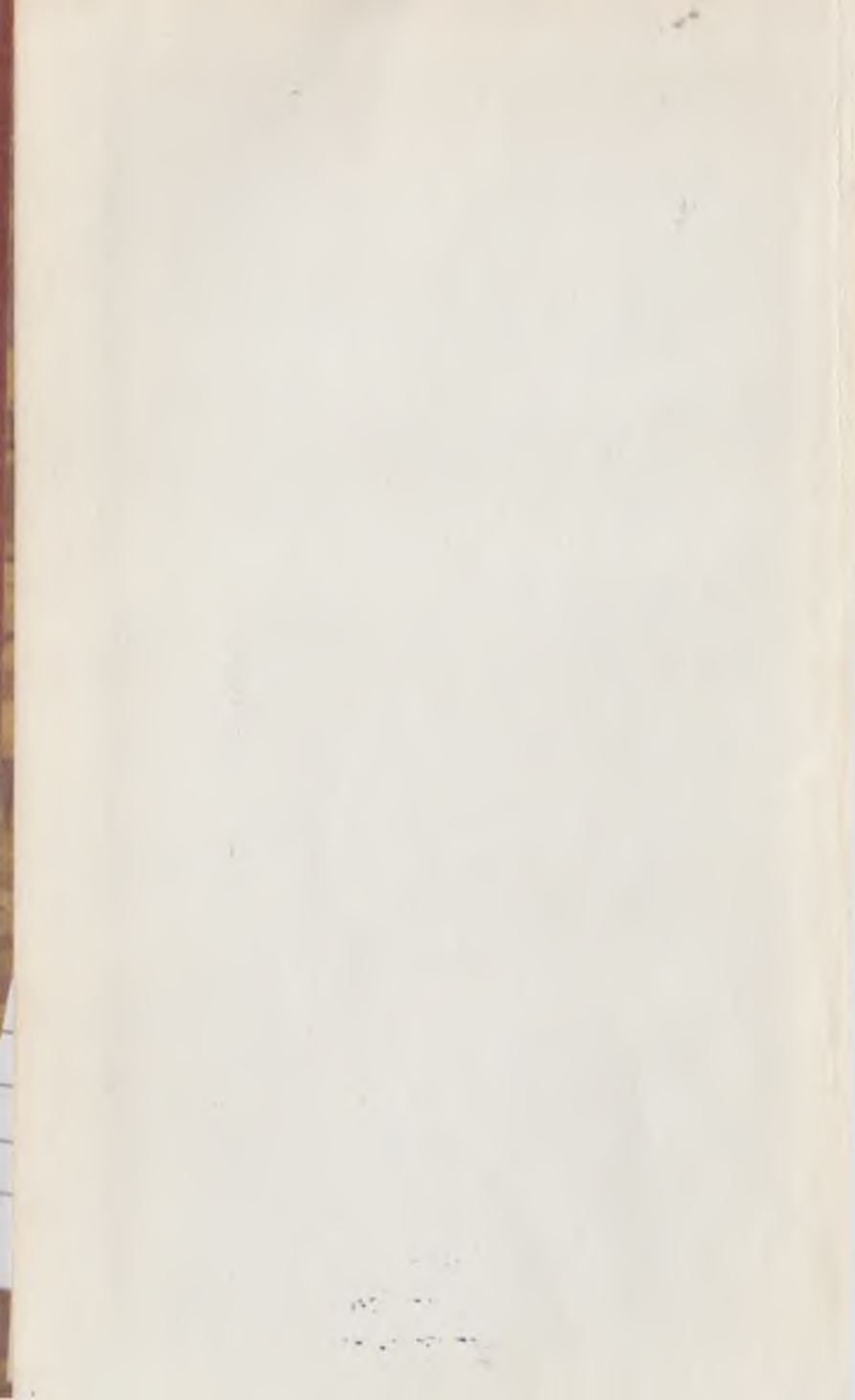
Количество предыдущих выдач _____

--	--

--	--

Библиотека _____

И (АНГЛ)

50

0-53

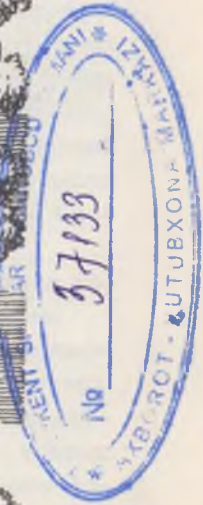
5-7кл

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

2

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

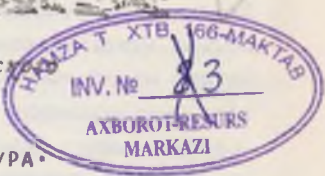
ПОВЕСТЬ

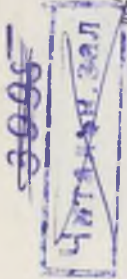
mp-15

16946

Перевод с английс

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

2005

И (Англ)

О-53

James Aldridge
A SPORTING PROPOSITION
London. Michael Joseph, 1973

Повесть прогрессивного английского писателя, посвященная жизни маленького австралийского городка в начале 30-х годов нашего века. Герой повести — двенадцатилетний Скотти Пири, сын бедняка из шотландских иммигрантов, оказавшийся в центре острого социального конфликта, в котором были замешаны почти все жители города.

Перевод
К. Федоровой и Л. Чернявского

Рисунки
Е. Попковой

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1975 г.

ОБ АВТОРЕ И ЕГО ПОВЕСТИ „СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ“

С именем современного английского писателя Джеймса Олдриджа вы, наверное, уже знакомы по книге, которую выпустило издательство «Детская литература» в 1971 году. Называлась она «Последний дюйм». В нее вошли рассказы Джеймса Олдриджа, написанные в разные годы, в том числе рассказ «Последний дюйм», и повесть «Мой брат Том».

В предисловии к этой книге, обращенном к советским школьникам, Джеймс Олдридж писал:

«Повесть эта посвящена жизни маленького австралийского городка, где прошло мое детство. В каждом эпизоде этой книги — что-то от моей собственной жизни. И в то же время ни один эпизод не является точной записью действительного события».

Правда переплетается с вымыслом на каждой странице, хоть всякий раз по-иному. Почти любой персонаж имеет свой живой прототип, почти любой эпизод основан на реальном происшествии. Но факты служат мне сырьем, и, когда сырье переработано, на месте фактов возникает литература.

И литературными средствами я всегда стараюсь создать некое новое целое, а не просто нанизывать хорошо отшлифованные детали.

Вот почему судить нужно по тому впечатлению, которое производит вещь в целом. Должно быть, детство и ранняя юность — лучшая пора в нашей жизни. Те склонности, чувства и реакции, которые в дальнейшем составят основу зрелого характера, складываются рано. Задача писателя — раскрыть этот процесс формирования человека, уловить миг пробуждения, когда мы из детей становимся юношами и девушками, чтобы потом стать стариками и старухами.

Сейчас, когда я оглядываюсь на свое детство и юность, мне особенно привлекательным кажется дар наблюдательности, которым я тогда обладал, сам того не подозревая. Думаю, что все юные наделены этим даром. Он — основа основ их восприимчивости, и здесь часто нужно искать причину их недовольства старшими, которые уже успели растерять это качество.

Однако судить о людях я теперь умею лучше, чем умел тогда. Многие из тех, кто стал персонажами этой книги, всплыли в моей памяти лишь двадцать — тридцать лет спустя. Понадобился опыт долгой и сложной жизни, чтобы вернуться к этим людям, пересмотреть свои ранние представления о них и правильно оценить их и понять».

Мы вспомнили эти слова автора по поводу написания им повести «Мой брат Том», поскольку они имеют прямое отношение и к повести «Спортивное предложение», которая сейчас перед вами. Действие в ней происходит все в том же австралийском городке, где прошло детство автора. И снова вы встретитесь на ее страницах с адвокатом Квэйлом

и его двумя сыновьями — Китом, от имени которого ведется повествование, и его братом Томом. Только братья в этой повести чуть моложе, чем в предыдущей повести, и, следовательно, события в ней относятся к началу 30-х годов нашего века.

Главный герой повести — подросток по имени Скотти Пири. Но хотя ему совсем немного лет, он, как большинство героев в произведениях Джеймса Олдриджа, человек независимый, с определенным чувством собственного достоинства, которое отстаивать ему совсем не просто, так как он — сын бедняка из бедняков и вынужден преодолевать босиком по пыли долгие мили, чтобы попасть в школу, где, как это ни горько, ему приходится подвергаться насмешкам сверстников, поскольку одежда на Скотти почти всегда нелепая, старая, перешитая из материнских кофт и платьев.

Но Скотти отстаивает свое равноправие не только с помощью кулаков и насмешек, с их помощью, пожалуй, меньше всего. Внутреннее согласие с жизнью он находит в дружбе со своевольной и озорной лошадкой — пони по имени Тэфф. Собственно, в повести два героя — Скотти и Тэфф. Из-за них и разыгрался серьезный драматический конфликт, расколовший население всего города на два лагеря. И конфликт этот отразил социальные противоречия, характерные для жизни австралийского общества в целом в силу «различия материального положения и общественного честолюбия» разных его представителей, а главное, потому, что среди них всегда есть «богатые и бедные, образованные и невежественные, скупые и великодушные, добрые и злые, прогрессивные и старомодные, и так далее и так далее...». В июне 1975 года в Англии вышла третья повесть Олдриджа о городе его дет-

ства и о тех же героях, называется она «Джули сам по себе».

Джеймс Олдридж родился в 1918 году в небольшом австралийском городке — вроде Сент-Хэлен, изображенного в повести, — в семье редактора местной газеты. Начал он свою творческую деятельность тоже в качестве журналиста — был военным корреспондентом в годы второй мировой войны, посетил много стран, был свидетелем наступательных боев Советской Армии на Берлин в 1945 году, посылал с фронта репортажи и очерки.

Первые романы Джеймса Олдриджа — «Дело чести» (1942) и «Морской орел» (1944) — посвящены героической борьбе греческого народа с фашизмом. В романах «Дипломат» (1949), «Герои пустынных горизонтов» (1954), «Не хочу, чтобы он умирал» (1957), «Последний изгнанник» (1961) события разворачиваются на фоне национально-освободительной борьбы Арабского Востока. Борьбе курдов за независимость посвящен один из последних романов Олдриджа «Горы и оружие» (1974).

В 1972 году Джеймс Олдридж за свою писательскую, публицистическую и общественную деятельность был удостоен звания лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

От редакции

ОТ АВТОРА

В июне 1975 года я совершил большое путешествие вверх по реке Дон до больших шлюзов канала, соединяющего Дон с Волгой, затем по каналу Волга-Дон и наконец вверх по Волге до Казани, откуда уже вернулся в Москву. Путешествие было необыкновенно интересное и увлекательное, но, пожалуй самым ярким впечатлением останутся в моей памяти мальчишки, которые плавали в водах тихого Дона и удили рыбу на его берегах.

Я увидел свое собственное детство! Загорелые тела, самодельные плотины, удилица, отражающиеся в прозрачной воде заветных местечек. Я знал, о чем эти мальчишки думают, что они чувствуют. Вместе с ними я полюбил тихий Дон, как я любил когда-то реку Муррей в Австралии, на которой я вырос.

Моя книга — яркий осколок той, австралийской моей жизни. В ней наша река и, что еще важнее, в ней люди, дети, мальчики и девочки нашего городка, стоящего на реке Муррей. В ней моя глубокая нежность к ним и моя верность дням детства, которые никогда не изгладятся из моей памяти.

В основу книги лег рассказ об одном мальчине из бедной семьи, по-своему гордом и мужественном, ко-

торому пришлось столкнуться со сложной социальной проблемой, когда его лишили самой большой радости в его жизни. И все же нельзя сказать, что это грустная история. В ней есть грустные эпизоды, но, по существу, это просто рассказ о мальчике и девочке, которым нужно разрешить между собой самую важную человеческую проблему.

В книге весь город вовлечен в коллизию, возникшую между детьми, и, излагая эту историю, я должен был рассказать и о том времени и о людях, окружавших их, и о подспудных социальных конфликтах, и о различиях в условиях жизни двух семей.

Я надеюсь, что книга получилась захватывающей, потому что захватывающей была в те годы сама наша жизнь. Я надеюсь, она скажет вам больше, чем в ней написано, и вы останетесь довольны ее концом. А главное, я очень надеюсь, что мои советские читатели найдут для меня место на берегах Дона среди скачущих, хохочущих и весело орущих мальчишек, которые переживают здесь самые счастливые минуты своей жизни.

John K. Adams.

ГЛАВА I

Не так-то легко рассказать, что же произошло в то лето со Скотти Пíри и его пони Тэффом, потому что речь идет не только о судьбе мальчика и его лошади. И не случайно события эти остались заметной страницей в летописях нашего городка. Сопоставляя обстоятельства, я не раз испытывал искушение выйти за пределы сюжета и описать заодно и другие драматические события, которые выпали на долю нашему городу. А их было достаточно в тот год.

Один из двух частных самолетов, находившихся в нашем городе, разбился при попытке пилота пролететь

под аркой городского моста; пожар в буше подобрался почти вплотную к обширным полям пшеницы — источнику доходов всего населения; наконец, несколько человек пострадало от несчастных случаев — на уборке урожая, при железнодорожной катастрофе и во время прогонов через город рогатого скота и лошадей.

Однако все эти события никакого отношения не имели к Скотти и его Тэффу, из-за которых наш город раскололся на два лагеря: на тех, кто был за Скотти, и тех, кто против него; на защитников и обвинителей; короче говоря, на поборников справедливости и тех, для кого справедливость — пустой звук.

При этом надо учесть, что Скотти в тот год было всего тринадцать. Правда, сам он предвидеть всех событий не мог, и все-таки мне, его сверстнику, всегда казалось, что с ним непременно случится что-нибудь подобное. Таков уж он был по натуре — своевольный, упрямый, беспокойный. К нему нельзя было относиться безразлично: одни ему симпатизировали, других он возмущал.

Впрочем, может быть, таким он казался только мне. Для наших сограждан Скотти Пири был просто одним из неотесанных иммигрантских¹ мальчишек из буша, которые всегда в чем-нибудь виноваты.

Может быть, отсюда все и пошло — ведь все наши местные драмы порождались своеобразием нашей жизни в замкнутом мирке, ограниченном с одной стороны зарослями кустарника — бушем, с другой — сотнями тысяч акров пшеницы и разрезанном как раз посередине замечательной нашей рекой, быстрой и полноводной в зимние месяцы, а летом пересыхающей до размеров ручейка. Собственно, у нас было две реки: вторая, меньшая, повыше города впадала в большую, образуя полу-

¹ Иммигрантский — здесь: переехавший в Австралию из Англии.

остров, который у нас назывался островом и на котором мы, мальчишки, любили играть в бродяг.

Скотти знал каждую пядь земли на берегах обеих рек, и это сыграло важную роль в описываемых событиях.

На том берегу реки раскинулась обширная скотоводческая ферма «Риверсайд». Хозяйство ее в те времена было богатейшим в штате Новый Южный Уэльс, и ее владелец Эллисон Эйр как раз и оказался главным противником Скотти, когда произошло разделение горожан на два враждующих лагеря.

Итак, мы были всего лишь маленьким австралийским городком на краю буша, где, однако, было несколько неплохих школ, кинотеатр, газета (единственным репортером которой я стал впоследствии), гостиница, шесть пивных, два частных самолета, ипподром, площадка для гольфа и, конечно, Главная улица под сенью перечных деревьев с их клочковатой листвой.

Мы жили под гнетом самых разнообразных житейских обстоятельств и в силу различия материального положения и общественного честолюбия никогда не были единым, сплоченным целым. Среди нас были богатые и бедные, образованные и невежественные, скупые и великодушные, добрые и злые, прогрессивные и старомодные, и так далее и так далее. Я думаю, что именно поэтому город и раскололся на два лагеря во время процесса по делу Скотти.

Что же касается самой истории, то я затрудняюсь сказать, с чего она, собственно, началась. Для моих сограждан, как я уже сказал, Скотти был обыкновенным мальчишкой из буша (он жил в пяти милях от города, где его родители, выходцы из Шотландии, владели фермой, стоявшей на сплошном солончаке).

Когда я вспоминаю Скотти, мне всегда представляется, как он, низко пригнувшись к гриве своего валлийского пони Тэффа, неожиданно возникал откуда-то и так же

неожиданно исчезал. Как правило, в город он въезжал по Главной улице, но, возвращаясь домой, почему-то мчался в объезд, переулками, словно от кого-то удирая. Мальчик и пони мелькали среди камедных деревьев и тут же пропадали из виду, словно растаяв в воздухе. Никакой особой хитрости тут не было. Просто Скотти умел использовать особенности нашего ландшафта. У него это здорово получалось. Право, я не знаю никого, кто умел бы так ловко возникать ниоткуда и пропадать неизвестно куда.

За Скотти числилось немало проделок. Кое-какие сохранились в моей памяти и помогут мне воссоздать обстановку, среди которой развернулись последующие события. Был, например, такой случай.

От реки, там, где она приближалась к городу, отходил довольно длинный, пересыхающий летом рукав. Линия железной дороги огибала его, а затем шла вдоль реки. И как раз здесь, где машинист на повороте замедлял ход, Скотти любил устраивать скачку верхом на Тэффе в обгон поезда.

Это было, конечно, опасно, приходилось скакать сломя голову по рыхлому песку, но Скотти и Тэфф словно срастались в одно существо. Рывины, кроличьи норки или пучки травы — все им было нипочем.

Более серьезным препятствием была загородка из колючей проволоки, поставленная в том месте, где рельсы ближе всего подходили к берегу. Здесь Скотти предстояло либо, обогнав паровоз, проскочить у него под носом на другую сторону полотна, либо сбить загородку, иначе пришлось бы лететь кувырком вместе с пони с высоты в двадцать футов прямо в реку.

Обычно он ухитрялся буквально впритирку проскользнуть перед паровозом, и всякий раз машиниста Джона Т. Кримэна и кочегара Энди Андерсона, по их собственным словам, «пот прошибал до костей»: по-

ни пересекал полотно в нескольких дюймах от паровоза!

Но на этот раз поезд шел со скоростью двадцать пять миль в час вместо обычных двадцати. Джон Кримэн высунулся из кабины, размахивая какой-то тряпкой, и кричал во всю глотку:

— Не смей, Скотти! Слышишь, не смей! Я иду слишком быстро...

Но Скотти уже так разогнал пони, что лошадь словно взбивала воздух всеми четырьмя копытами. И всадник только еще ниже пригнулся и чуть ослабил локти. Тэфф вытянулся в струнку и летел, прижав уши, с развевающейся гривой. Но уже было ясно, что им не проскочить.

— Давай тормоз! — заорал кочегар.

— Поздно! Мы уже на повороте! — крикнул в отчаянии машинист.

— Они расшибутся о загородку!

— Нет! Полетят в реку!

Оба не угадали.

Тэфф внезапно на всем скаку уперся всеми четырьмя копытами в сухую, спекшуюся землю и стал намертво, как вкопанный. Скотти выбросило через голову лошади в воздух, он пролетел двадцать футов вниз и с громким всплеском ушел под воду.

Джон Кримэн и Энди Андерсон, высунувшись из кабины, смотрели назад до тех пор, пока не убедились, что Скотти вынырнул. Они еще успели увидеть, как он поплыл к берегу.

Тут они решили, что с них хватит, и написали рапорт начальнику станции, а тот сообщил в полицию. Полицейский сержант Джо Коллинз явился в школу, и Скотти вызвали к директору. После суровой отповеди и строжайшего предупреждения на будущее он получил положенные четыре крепких удара кожаной плеткой по пальцам левой руки и был отпущен с миром.

Мы хорошо знали, как больно бьет старая кожаная плетка и по рукам и по самолюбию. Скотти же наказания будто вовсе не задевали. Вернее, он не подавал виду.

Он вообще был суровый парень, абсолютно чуждый легкомыслия, столь свойственного многим из нас, не любил показывать свои чувства и тем более обсуждать их. Вот и на этот раз он больше переживал коварство Тэффа, чем наказание.

— Хоть убей, не подойдет близко к воде! — возмущался Скотти. — Даже к самой жалкой луже! Зимой, когда вода затопила ферму, он взобрался на кучу навоза, и стащить его оттуда невозможно было никакой силой. Скорее издохнет, чем прыгнет в реку. А так лошадка хоть куда.

И Скотти недоумевающе пожал плечами.

«Под стать хозяину», — подумалось тогда мне.

Если глубже вникнуть в эти гонки с поездом, они раскрывают многое в характере Скотти. Это был как бы акт самоутверждения, вызова городу, протеста против неравенства и несправедливости, против всего, что словно бы предостерегало его: «Это не для тебя».

Не последнюю роль здесь играла и беспросветная нищета, в которой жила его семья.

Родители Скотти ходили на него по крайней мере в одном: им никогда не изменяло чувство собственного достоинства и постоянная готовность к отпору. И это затрудняло общение с ними.

Энгус Пири и его жена (ее имени мы так и не узнали) приехали к нам в Сент-Хэлен в начале 20-х годов прямо из какой-то мрачной трущобы в Глазго. Их вывезла (другого слова не подберешь) из Англии в Австралию общественная организация, именовавшаяся «Движение больших и малых соседей». Организация помогала британцам эмигрировать, чтобы фактически сменить английскую нищету на австралийскую. Она отправляла за океан

людей, которые не могли сделать этого сами. Но что могла им предложить Австралия? Только фермерство. Поэтому «малые соседи» из трущоб Англии, Шотландии или Уэльса вынуждены были заниматься у нас сельским хозяйством, хотя, может, раньше и мотыги в руках не держали. К тому же селили их на бросовых землях, настолько бесплодных, что на них не прокормиться и кошке.

Так и Энгус Пири с женой осели в пяти милях от нашего города, на низинном участке засоленной земли, полученном от местной организации «Больших соседей». Летом земля превращалась в железо, зимой — в болото. Для человека, ничего не смыслящего в хлебопашестве или огородничестве, не имеющего представления о пыльных бурях, наводнениях, о рогатом скоте и лошадях, фермерствовать здесь было все равно, что для маленького ребенка водить самолет.

Правда, Энгус Пири, тощий, вечно голодный шотландец, все-таки изо всех сил старался «вести свой самолет». Вместе с тонкорукой, светлоглазой грустной маленькой женой они как-то ухитрились перебиваться, хотя никто не мог понять, как именно.

Все жалели их, но они никогда не искали жалости и особенно не терпели, когда эту жалость выказывали им в лицо. И все же в городе их иначе не называли, как «эти бедняги Пири». А Энгус Пири с годами как бы становился все ниже ростом, все мрачнее, хуже и молчаливее. В Сент-Хэллене он показывался все реже, занятый отчаянной борьбой с неподатливой землей, с непогодой, чтобы получить хоть немного молока от четырех коров да люцерны с луга им на корм.

О том, что у них родился Скотти, никто в городе не знал, пока полиция не привлекла Энгуса Пири к ответственности за уклонение от регистрации ребенка в законный двухмесячный срок. От штрафа Энгуса избавил

мой отец, городской адвокат и юрисконсульт (в Австралии эти профессии объединяются в одном лице), сославшись на «смягчающие обстоятельства», которых в жизни незадачливого шотландца было более чем достаточно: в страдную пору отлучиться в город для регистрации сына было Энгусу просто немыслимо.

Отец подал сердитую петицию в суд, где описал ежедневный — от зари до зари — трудовой день Энгуса Пири на клочке бесплодного солончака, который навязали ему на шею «Большие соседи». Вдобавок он пригрозил возбудить расследование, кто и как вообще имел наглость дать иммигранту такой бросовый участок.

Судья, сам бывший ходатай по делам и к тому еще агент по продаже недвижимости, решил, что с отцом лучше не ссориться, и прекратил дело, сняв обвинение с Энгуса Пири.

Так состоялось оповещение города о рождении Скотти. Увидели мальчика, правда, лишь когда ему исполнилось четыре года. Однажды в солнечный летний день миссис Пири вместе с супругом и сыном пожаловали в Сент-Хэлен, пройдя пешком все пять миль. Никто не знал, что привело их в город. Мы подумали, что, может, они устроили себе праздник. Сам-то Пири временами наведывался в Сент-Хэлен закупить зерна или продуктов или сдать молоко на маслозавод. Но миссис Пири была у нас редким гостем.

Была суббота, базарный день, и город заполнили грузовики, фургоны и повозки приезжих фермеров. По Главной улице разгуливала местная и сельская молодежь. Магазины не закрывались до девяти часов.

Энгус Пири отправился по каким-то делам, оставив жену с сыном одних. Они прошлись по Главной улице, останавливаясь перед каждой витриной и даже перед окнами ресторана «Алмаз». Потом уселись на скамейке под перечным деревом и стали ждать отца.

Миссис Пири, худенькая, с тонкими руками, сидела молча, ее светлые глаза горожанки упорно глядели куда-то вверх, словно она вспоминала о сумрачной улице большого города, всегда окутанного туманом с морского залива, дымом и копотью.

Другое дело Скотти. Этот был весь — любопытство. Он не очень походил на своего худого черноглазого отца да и на мать тоже — у нее лицо было бледное, веснушчатое, простодушное и какое-то отрешенное.

Скотти взял, наверно, понемногу от обоих, но тем он и отличался от каждого из них. У него были живые, пытливые, настороженные голубые глаза, смешной рыжеватый хохолок и ярко-розовые уши; он молча, пристально рассматривал каждого прохожего, словно стараясь решить: свой или чужой?

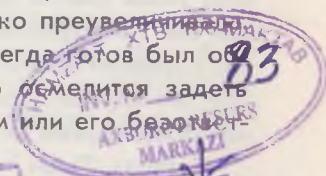
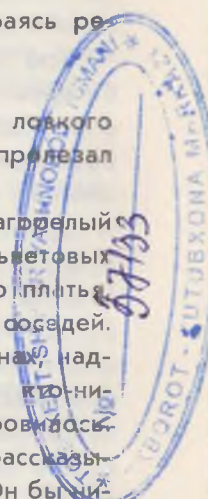
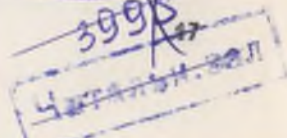
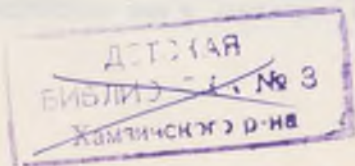
Моя мать видела их в тот день.

«Никогда не встречала такого проворного и лодкого малыша, — говорила она. — Видел бы ты, как он пролезал под скамейкой!»

По словам матери, это был коренастый загорелый мальчуган с крепкими ножками и в черных вельветовых штанишках. Они были, верно, сшиты из старого платья пожертвованного миссис Пири кем-нибудь из соседей. Я помню, что в школу он пришел в тех же штанах, надставленных и залатанных. Но попробовал бы кто-нибудь посмеяться над ними. Ему бы не поздоровилось.

«Скотти очень заботился о своей маме, — рассказывала мать. — А она, видно, нуждается в заботе. Он бы никому не позволил даже сесть с ней рядом. На его упрямой рожице так и было написано: «Не тронь!»

Мать, конечно, по-женски несколько преувеличивала. Но мы знали, что Скотти и впрямь всегда готов был обрушиться с кулаками на любого, кто осмелится задеть его самого, посмеяться над его отцом или его бедной матерью.

И ему приходилось это делать. Отец его был из того сорта людей, которых наши молодые оболтусы (да и взрослые тоже) считали подходящим объектом для развлечения. Бывая иногда по субботам в городе, Энгус Пири неизменно направлялся в пивную, выкладывал на цинковую стойку четыре шиллинга, заказывал пива на всю сумму, сразу же выпивал и уходил, слегка пошатываясь. Наши городские лоботрясы были тут как тут. Они шли за ним по шоссе, передразнивали его походку, подражали его малопонятному шотландскому говору и веселились от души.

Когда Скотти немного подрос и увидел это собственными глазами, он стал встречать Энгуса у пивной и провожать его до дому.

Всю дорогу он в бессильном гневе смотрел, как бездельники измываются над его отцом, и лишь когда они подходили к отцу слишком близко, он яростно бросался на них, хотя молодчики были вдвое старше и намного сильнее. Уже тогда в нем зрела мечта о мести. А однажды, когда братья Саутби подобрали где-то старую соломенную шляпку вроде той, что носила миссис Пири, и, взявшись под руку, попытались изобразить супругов Пири, Скотти молча запустил в них куском засохшей грязи, потом стал кидать камнями, конским навозом — всем, что попадалось под руку, и наконец ринулся на ближайшего из братьев, пытаясь тяжестью своего семилетнего тела сбить его с ног. К счастью, братья Саутби были не худшими из городских бездельников — у них просто была страсть к глупым шуткам. Они лишь слегка потрепали Скотти и посмеялись. Больше они не позволяли себе подобных выходок, но Скотти, случайно встретаясь с ними на улице, никогда не упускал случая посмотреть на них в упор ненавидящими, не прощающими глазами.

Супруги Пири числились у нас «свободными австра-

лицами», но это были просто нищие крестьяне, опутанные долгами по рукам и ногам. Кредиторов у них было двое — торговец зерном и фуражом Дормен Уокер и мясник Фленниген.

Пири никогда не покупали одежды, не пользовались электричеством. Энгус настолько увяз в долгах, что жена его месяцами не держала в руках и жалкого пенни.

Она сама пекла хлеб из муки, взятой в кредит, сама сбивала масло из нескольких литров молока, оставляемых на неделю для семьи...

Во второй раз Скотти появился в городе в тот день, когда Энгус Пири в восемь часов утра привел сына к школе и оставил его там одного. Скотти предстояло самому объяснить директору, кто он такой. Занятия начинались в девять. Скотти прождал этот час молча, прислонившись к калитке, ни словом не отвечая на наши заигрывания и поддразнивания, потом вошел в класс, и с этого началась его школьная жизнь.

В школу он добирался с фермы верхом на неоседланной старой кобыле вместе с Биби Данси, таким же мальчиком из буша, жившим на ферме немного дальше по шоссейной дороге.

Биби был на три месяца старше Скотти. С полдюжины мальчиков приезжали с ферм вот так же верхом или в фургоне, но Биби и Скотти были самыми младшими и самыми бедными, да и ростом были так малы, что могли взобраться к кобыле на спину только со школьной ограда. Кобыла же давно разучилась бегать рысью, и поездка отнимала у ребят по часу времени в каждый конец.

Никого это не удивляло. В те годы условия жизни большей части населения были исключительно трудными, на фермах подчас царила нищета, хотя наш округ был одним из богатейших по овцеводству, пшенице и цитрусовым не только в Австралии, но даже по сравнению с другими странами.

А до школы Скотти приходилось потрудиться еще часок-другой на ферме: наколоть дров для кухни, орудия полновесным колуном, убрать в хлеву, натаскать воды в корыта, вымыть молочные бидоны. Завтрак, который мать давала ему с собой в полотняном мешочке, состоял из двух ломтей домашнего хлеба и яйца, иногда огурца или помидора.

С первых школьных лет Скотти, как и все мы, попадал во всякие переделки, часто опасные.

В девять лет он едва не утонул, затеяв переплыть разлившуюся реку. В десять чуть не умер от укуса игуаны; его спас учитель Кэг Кинзер, вырезав ему целый кусок мяса вокруг ранки.

Как и положено мальчику из буша, Скотти приносил и совал в стол учителям ящериц с гофрированным воротником на шее — устрашающих на вид, но безвредных. Он жестоко дрался за кузней со всяким, кто задевал его.

Скотти не носил башмаков (как и все мы в этом возрасте), и большой палец на ноге у него всегда был распухшим от этих драк. Немало случалось у него стычек из-за насмешек школьников над его залатанными вельветовыми штанами и рубашками, перешитыми миссис Пири из старых платьев.

Так оно и шло, пока не погиб Биби Данси. Старая кобыла испугалась игуаны, бросилась через канаву и упала, подмяв под себя Биби. Биби не вернулся из больницы, а кобылу пришлось пристрелить, у нее были сломаны обе передние ноги.

Скотти остался без средств передвижения. Ежедневно одолевать пешком по пять миль от дома до школы и обратно было ему не под силу. Он стал все чаще пропускать занятия, и директор по долгу службы поставил в известность школьного инспектора штата, а тот передал дело городской полиции.

Энгус Пири вторично предстал перед судом, на этот

раз за уклонение от обучения сына в школе. И снова мой отец выручил его из беды, заявив суду, что подаст жалобу правительству штата на то, что не принимаются меры для обучения Скотти на дому, как это предусмотрено законом штата в случае отдаленности места жительства ученика.

От штрафа Энгуса освободили, но Скотти это не помогло. Тогда мой отец обратился к «Большим соседям» и потребовал оказать мальчику помощь, а «Соседи» в свою очередь обратились к Эллисону Эйру, владельцу скотоводческой фермы «Риверсайд», известному любителю и знатоку лошадей.

Кроме рабочих лошадей и породистых верховых рысаков отличной выездки, которых он продавал по всему штату, у Эллисона был еще небольшой табун валлийских пони. Коренная валлийская порода была скрещена с чистокровной арабской — получились прекрасные выносливые животные с красивой головой, свисающим до земли хвостом и густой гривой золотистого оттенка...

Пони паслись в буше и на берегу реки, одинаковые, как близнецы, все цвета серой замши; отличить их друг от друга было невозможно. И все они были норовистые, независимые, хитрые, упрямые, своевольные. Прирученные, они годились для любой работы — в упряжке или под седлом, для поездок по городу и по сельским проселкам, для перевозки тяжестей и для беспечального житья в роли забавной игрушки в богатых семьях.

С десятков прирученных пони, похожих друг на друга как две капли воды, держали в городе, и каждый год один или два исчезали, вслед за гуртовщиками, прогнавшими через город стада овец, или табунщиками. Пропадали пони и из дикого стада, но эти, считалось, тонули в бурной зимней реке.

Вот такого пони Эллисон Эйр и предложил «Большим соседям» для Скотти. Энгус Пири сначала заявил, что не

примет от них пони даже в подарок. Хватит с него благодарений! Лучше его сын будет ходить в школу пешком за сто миль, чем примет от них эту подачку.

И опять-таки мой отец уговорил Энгуса купить пони за три фунта — сумма для семьи Пири баснословная. Новый долг еще крепче привязал семью к Дормену Уокеру — больше им брать займы было негде.

Так Скотти стал владельцем маленькой лошадки, которую назвал Тэффом. Два месяца ушло на то, чтобы приручить дикое, своенравное, упрямое животное. Наконец Скотти рискнул выехать на нем в город, а потом и в школу. В первый же день пони свалил летний навес. Двадцать весело орущих школьников бросились к Тэффу, пытаясь поймать его. Он стал отбиваться копытами, двоих укусил, но тут Скотти удалось накинуть уздечку и вскочить ему на спину, вернее, на шею, потому что пони не дожидался, пока седок займет положенное место, и пустился вскачь что было духу.

Таким манером Скотти первое время ежедневно отбывал из школы — галопом, крепко прижимаясь к спине строптивного животного.

ГЛАВА II

Благодаря пони «мальчишку из буша» стали больше замечать в городе. Они всегда были вместе. Их связывала своеобразная дружба, может быть грубоватая, но и грубость была взаимная.

Добиваясь от лошади беспрекословного послушания, Скотти заставлял Тэффа выкидывать самые невероятные номера. Тэфф в отместку пускался вскачь, не дожидаясь, пока всадник удобно устроится у него на спине. Он часто упрямялся, кусал хозяина, убегал и вообще резвился как

мог. Но именно потому, что они были неразлучны, у обоих выработался как бы инстинкт взаимопомощи и взаимной выручки в беде.

Мистер Джеклин, торговец лесом, однажды пожаловался в парикмахерской, что его чуть было не сшиб на улице мальчишка на пони, когда он мирно шел по тротуару, направляясь на свой лесной склад.

— Едва не растоптал меня! Скачет прямо по тротуару, потом свернул на мостовую, промчался по газону перед больницей, махнул через изгородь, через другую. Да еще повернулся, сорванец, и крикнул мне, что опаздывает в школу! Вот я скажу его старику!

— Ну да, шотландец вам тоже скажет пару слов, да только вы все равно ничего не поймете,— сказал парикмахер, и все засмеялись.

Действительно, Скотти никогда не пользовался проезжей частью улицы.

— Шпарит прямо по задворкам,— подтвердил мистер Стоун, развозчик льда.— И выскакивает из таких закоулков, о которых ты и знать не знаешь. Недавно я видел, как он вылетел со двора редакции «Стандарта». Как он туда попал, скажите на милость?

— Может быть, через задний двор скобяной лавки?

— Потом проскочил мимо пожарной вышки и вынырнул возле дома, что рядом с Роллсом, агентом по продаже тракторов...

— И главное: вот он здесь, а не успеешь оглянуться, его и след простыл!

Отметим, что во время великого раскола парикмахер был на стороне Скотти, а лесоторговец Джеклин, разумеется, горой стоял за богача Эллисона Эйра.

В общем-то, Скотти вел себя как и положено «мальчишке из буша». В городе таких считали дикарями, от которых только и жди каких-нибудь неприятностей.

Однажды Скотти застали с поличным во дворе типо-

графии «Стандарта»: он рылся в ящике, где попадались кусочки свинца от набора. Из них получались отличные грузила для его удочек, и Скотти набивал этим добром полные карманы.

— Ты чего тут воруешь? — спросил наборщик Филлипс, хватая Скотти за ворот.

— Я не знал, что это называется воровать, — огрызнулся Скотти и покрепче уперся босыми ногами в землю, не выпуская из рук поводьев.

— Так я тебе и поверил! — проворчал наборщик и чуть-чуть ослабил хватку.

Скотти только того и ждал. Он молниеносно взвился вверх, на спину пони, и Тэфф уже летел вперед, сам зная, что от него требуется. Они промчались по аллее и исчезли за баптистской церковью.

— Вот чертенюк! — сказал наборщик моему отцу, который как раз проходил мимо.

Но отец-то видел, что Филлипс сам его отпустил. Надо ли говорить, что наборщик оказался потом в рядах сторонников Скотти?

Дело в том, что Скотти, как и все мы, не был ни особенно хорошим, ни совсем уж плохим. У каждого были свои трудности, вызванные нашими местными условиями. У Скотти это были бедность семьи, проклятая богом ферма, необходимость мотаться между бушем и городом, наконец, врожденное тяготение к проказам, постоянное желание подергать город за его respectable хвост. Но я никогда не знал за Скотти подлости или склонности к воровству, хотя он и не упускал случая «прихватить» какую-нибудь ничейную мелочь, подвернувшись под руку. У него были отчетливые пристрастия и антипатии в отношении города: например, он никогда не делал чего-либо во вред семьям горожан таких же бедных, как его собственная семья.

Однажды в субботу Скотти верхом на Тэффе появил-

ся у ворот нашего дома с двумя большими мешками. Он въехал во двор, обогнул дом, миновал шпалеры винограда и через заднюю дверь звонко крикнул:

— Миссис Квэйл! Отец прислал вам немного лошадиного дерьма!

Мы в это время завтракали, к тому же отец не терпел грубой «деревенской» манеры выражаться. Он даже задержал в воздухе вилку с омлетом. Но тут мой брат Том расхохотался. Мать, поднявшись из-за стола, тоже едва сдерживала смех: уж очень непосредственно это у Скотти получилось. Даже отец не нашелся, что сказать.

— Одну минуту, Скотти.— Мать вышла на заднее крыльцо.— Сколько я вам должна?

— Ничего,— сказал Скотти, а когда мать стала настаивать, объяснил, что отец не велел ему ничего брать.

Это Энгус Пири благодарил отца за помощь в суде.

— Где вывалить? — спросил Скотти.

Мать немного подумала.

— Вон там у сарая, под персиковым деревом.

Скотти, не расстававшийся с Тэффом без крайней необходимости, предоставил пони самому найти дорогу среди тщательно обработанных отцом грядок с овощами.

Подъехав к персиковому дереву, он вытряхнул из мешков навоз, затем повернул Тэффа так круто, что тот на мгновение поднялся на задние ноги, и поехал обратно между грядками осторожно, точно кот, пробирающийся среди розовых кустов.

В этот момент в дверях появился мой отец.

— Что ты тут вытворяешь? — загремел он.

— Ничего, ничего! — поспешила вмешаться мать.— Он ничего не повредил.

Затаив дыхание, следили мы за Скотти и Тэффом — мы-то знали, какая разразится гроза, если будет сломан хоть один стебелек.

— Разбросайте его на ночь, тогда не будет так сильно пахнуть,— посоветовал Скотти.

— Не хочешь ли помыть руки? — предложила мать.

— Ни к чему, миссис Квэйл. Я ведь поеду мимо реки.

И Скотти исчез, прежде чем мать успела предложить ему груш, или слив, или кусок пирога с джемом.

Назавтра я увидел его с таким же мешком у дома Томпсонов. Миссис Томпсон была вдовой, а сын ее Кейт считался самым близким из друзей Скотти. Только на Кейта временами, как выражались горожане, «находило», и он неделями сидел дома.

Дом у них был маленький, ободранный, покосившийся, но миссис Томпсон окружила его со всех сторон клумбами фиалок, запах которых доносился до самых окраин. Кейт уже неделю болел, поэтому Скотти сам высыпал навоз и сейчас шлепал босиком по двору, помогая миссис Томпсон по хозяйству.

— Осторожней, Скотти, не наклоняйся так низко. И не дыши навозом,— приговаривала миссис Томпсон, маленькая суетливая женщина. Она была уверена, что ее сын заболел от тяжелой работы.

— Не беспокойтесь,— отвечал Скотти, как всегда, грубовато и словно нехотя.— Мне это все нипочем.

Но не всегда Скотти вел себя так великодушно.

В городе были мальчишки, которых он дразнил и травил безжалостно. Была у нас такая улица — Уилсон-стрит. Это была самая богатая улица в городе, она диктовала свои законы всему городу, поэтому Скотти инстинктивно невзлюбил ее.

Дома на этой улице были солидные, вместилильные и прятались за высокими заборами или живыми изгородями. При них были большие сады с густыми газонами, пальмами, фруктовыми деревьями, обычно апельсинowymi, и цветочными клумбами. Почти в каждом дворе

держали злобного пса, который бегал вдоль ограды и лаял, пока кто-нибудь шел мимо.

Скотти то и дело выпускал этих собак на улицу. Сначала раздражит как следует, потом, не сходя с Тэффа, отодвинет задвижку ворот, приоткроет их и пускается наутек, увлекая за собой обезумевшего пса. Одна из богатых семей, Уинстоны, держала в загоне позади гаража молодого кенгуру. Охранял его косматый эльзасский пес. Скотти обычным способом выманил собаку на улицу, выпустил кенгуру и заставил его перескочить через ограду на улицу. Но на улице кенгуру некуда было скрыться! Со всех сторон набежали собаки и с лаем стали наседать на незнакомого зверя. Пришлось Скотти загнать кенгуру обратно во двор.

Хорошо хоть, самому удалось удрать.

А однажды Скотти выпустил на волю целый птичник — около ста буджеригарий¹. Птицы-то хорошо знали, куда им лететь, и с радостными криками потянули через реку прямо к бушу.

Это уже была месть. В доме, где был птичник, жила школьница по имени Клэр Александер. Однажды во время перемены она, сморщив нос, воскликнула:

— О боже мой, от тебя пахнет, Скотти Пири! От тебя воняет!

Девчонки захихикали, а мальчишки ждали, что будет дальше. Скотти расстегнул рубашку, понюхал ее, понюхал рукава и повернулся к Клэр.

— Ну и что! Пахнет фермой! — сказал в ответ Скотти. — А твой папаша делает колбасу из дохлых кошек и собак, а ты ее ешь... О боже мой! — И Скотти скорчил брезгливую гримасу.

Отец Клэр торговал мясом, и Скотти только повторил

¹ Буджеригарии — название птиц, которые водятся только в Австралии.

то, что всегда и везде говорят о мясоторговцах. Поэтому Клэр нисколько не обиделась, и тогда Скотти решил отомстить ей по-другому.

Назавтра он забрался в сад Александра и выпустил его птиц. Отец Клэр не остался в долгу. Встретив Скотти на следующий день, он учинил форменную охоту: в машине гнал его по всей Главной улице, пока Скотти не юркнул на всем скаку в знакомую лазейку.

Естественно, что впоследствии мистер Александр выступал в качестве заядлого врага Скотти вместе со всеми обитателями Уилсон-стрит.

У читателя может создаться впечатление, что Скотти не приходилось рассчитывать на сочувствие или снисхождение богатых. Но это не так. У него были доброжелатели и среди богатых граждан нашего города.

Одно время в нем принимал участие аптекарь Данкэн, завзятый лошадиник. Он даже одолжил Скотти седло, бриджи и ботинки и записал его на скачки. Но в день состязаний, когда выкликнули имя Скотти, его на месте не оказалось. В последнюю минуту ему вдруг расхотелось скакать на Тэффе перед этой огромной, шумной толпой да еще в костюме жокея. Он вывел Тэффа из загона, где седлали пони перед заездом, и исчез. Седло, бриджи и прочее Скотти потихоньку сложил на заднем крыльце дома Данкэна.

Однажды к моему отцу пришел торговец зерном Дормен Уокер и попросил помочь ему привлечь к суду некоего Энгуса Пири за неуплату долгов. Хотя Дормен Уокер и был клиентом, отец мой отказал ему. Он посоветовал Уокеру съездить на ферму и попробовать уладить дело миром, например предложить Энгусу уплатить хотя бы небольшую часть долга.

У отца не было ни малейшего желания помогать Уокеру тащить Энгуса Пири в суд.

Уокер побывал у Пири и выяснил, что единственной

материальной ценностью на ферме, о которой могла идти речь, был Тэфф. Стоимость его к настоящему времени возросла до двадцати фунтов, так как Тэфф был удивительно красивой маленькой лошадкой.

ГЛАВА III

Я не знаю, слышал ли в то время Скотти о намерении Дормена Уокера завладеть Тэффом в счет оплаты безнадежного отцовского долга. Но нам стало известно, что Энгус Пири наотрез отказался отдать Тэффа. А узнали мы об этом потому, что Энгус и Уокер довольно громко пререкались по этому поводу в конторе торговца.

А потом малыш Тэфф исчез! И все перевернулось вверх дном.

Исчезновение пони ошеломило всех. Высказывались самые разные предположения, но ни одно из них не могло объяснить, как же это произошло.

Зима была на исходе, но вода в реке стояла еще высоко, берега были топкие. Возможно, Тэфф ночью выбрался из небрежно запертого загона и направился к берегу в поисках корма. Такие прогулки были для Тэффа не редкость. Как и Скотти, он не любил дисциплины, а главное, почти всегда был голоден. В последнее время Скотти не расставался с сумкой, в которой лежал английский серп, и, где бы он ни приметил клочок травы, пригодной для пони, он срезал ее и привозил домой.

Друзья Скотти тоже не пропускали ни травинки, рвали, сушили и притаскивали прямо в школу. И это было большое подспорье, иначе Тэффу пришлось бы туго.

И вот однажды Скотти вскочил спозаранку и крикнул матери:

— Тэфф поднял задвижку и ушел!

И Скотти помчался по топкой грязи к реке. Он был уверен, что Тэфф пасется на тощих полосках прошлогодней травы. Но Тэффа там не было. А место было ровное, видно далеко, и Скотти встревожился.

Он решил обшарить как следует ферму, ее окрестности и берег реки: вдруг Тэфф лежит где-нибудь со сломанной ногой или, укушенный змеей или игуаной, валяется где-нибудь мертвый! Правда, змеям еще рано было просыпаться от зимней спячки, как, впрочем, и игуанам. Но от этих зловредных уродов всего можно ожидать! Укус игуаны вполне может убить лошадь; мы слышали даже, что от одного только страха перед нападающей игуаной лошади падали бездыханными.

А может быть, Тэфф, проголодавшись, съел гнилую дыню, и его раздуло, и он не может встать и прийти домой?

Скотти облазил прибрежные фермы — ни малейшего следа! Тэфф как сквозь землю провалился.

А может, он каким-то образом упал в реку и утонул?

Скотти бродил вверх и вниз по течению реки, вглядываясь в топкую почву — нет ли где следов копыт? Но ведь Тэфф боится воды! Просто невероятно, чтобы пони даже близко подошел к реке, а тем более очертя голову кинулся в воду и пустился вплавь. Дикая лошадь с фермы Эллисона Эйра убежала и бросалась в реку, но Тэфф ведь пасовал даже перед самой мелкой лужицей.

Оставалось только одно: Тэффа украли. Пири не держали собак, опытный вор мог выманить Тэффа охапкой сена и потихоньку увести. Ведь если бы Тэфф ушел сам, кто-нибудь увидел бы его и привел обратно.

В городе уже почти все знали об этом событии. После двух дней поисков по зарослям Скотти пришел в школу пешком, один, без Тэффа. Мы наперебой гадали,

что же произошло. Но на любое соображение у Скотти был один ответ:

— Вы не знаете Тэффа!

Дорис Даулинг, дочь врача, настаивала на том, что пони никогда не ушел бы с чужим человеком. Но мы-то знали, что от Тэффа — как и от его хозяина — можно ждать чего угодно. Конечно, мало кому удавалось даже приблизиться к нему, а не то что оседлать. Если, например, нашему школьному сорванцу удавалось вскочить на спину Тэффа, тот осторожно выжидал несколько секунд, потом молниеносно оборачивался и кусал смельчака за ногу либо пускался вскачь по кругу и носился до тех пор, пока не сбросит с себя седока.

Мужчин и мальчишек Тэфф не любил, но иногда по приказанию Скотти позволял кому-либо из девочек подойти и погладить его.

Однажды он даже снисходительно позволил Дорис Даулинг поводить себя по берегу под уздцы, пока Скотти купался. Видимо, обаяние Дорис действовало и на Тэффа.

В конце концов мы решили, что, кто бы ни украл Тэффа (а уже не оставалось иного объяснения), этот человек должен быть знатоком лошадей, знать Тэффа, ферму Пири да и иметь какой-то резон совершить эту кражу.

Все эти приметы указывали на Дормена Уокера, которого все мы недолюбливали. Станным, конечно, казалось, что богатый торговец мог украсть лошадь, но таков уж был Уокер: любым способом выколотит у бедняка все, что только можно взять за долги. Случалось, он даже посылал грузовик забрать и увезти с фермы какую-нибудь неоплаченную сеялку, либо упряжь, либо телегу.

Возможно, так он поступил и с Тэффом. Только тайком, потому что он знал, что мой отец пристально следит за судьбой семьи Пири. Так что пришлось обойтись без судебного ордера. Просто он потихоньку увез пони и продал в соседнем городе.

Так что это было возможно... Возможно... Поначалу Скотти не принимал это предположение всерьез. Он был уверен, что Тэфф рано или поздно где-то обнаружится. Но чем больше мы спорили, тем угрюмее и молчаливее он становился.

В конце концов он, видимо, стал склоняться к мысли, что Тэфф и впрямь украден и самостоятельно уже не найдет дорогу домой.

Я никогда не забуду, как Скотти пешком приходил в школу и пешком возвращался домой. Это было печальное зрелище. Говорят, что всадник, потерявший в бою коня, беспомощен, как дитя, оторванное от материнской груди. Я думаю, что спешенный Скотти больше походил на случайно забредшего к нам странника из чужих земель. Все для него теперь стало как бы временным, ненастоящим. Он, видимо, и сам это ощущал. Его словно окружала пустота.

ГЛАВА IV

Эйры были коренными скваттерами. За восемьдесят лет владения фермой «Риверсайд» они разбогатели и приобрели вес и власть, возглавив аристократию нашего города. Строго говоря, они не были гражданами Сент-Хэлена и даже нашего штата. На той стороне реки начинался уже штат Новый Южный Уэльс, а Сент-Хэлен принадлежал штату Виктория. Как и у всех штатов Австралии, у Нового Южного Уэльса была своя полиция, свои законы, администрация, правительство и так далее. Правда, ближайший крупный город этого штата был за пятьдесят миль от «Риверсайда».

Но не одна только река отделяла нас от «Риверсайда», подлинным барьером между нами и Эйрами было,

конечно, их богатство, их высокомерие, их чувство превосходства над всеми прочими нашими согражданами.

У супругов Эйр была дочь Джозефина (Джози) одних лет со Скотти.

В городе Джози видали редко: ее обучала гувернантка, и лишь иногда Эйр, приезжая в Сент-Хэлен на машине, привозил с собой и дочку. Об этих их приездах бесконечно судачили городские кумушки:

— Видели вы маленькую Джози Эйр?

Может быть, Джози была красивой или хорошенькой, может быть, упрямой и своевольной, а может быть, умной и волевой. Мне она помнится сдержанной, но самоуверенной девочкой, всегда в бриджах для верховой езды, с решительными движениями и отрывистой речью, словно она всегда знала, чего хочет, как и ее отец, который, кстати, тоже носил бриджи.

Иногда он приезжал в город верхом на одном из своих великолепных, чистых кровей скакунов, но чаще появлялся на колесах — в «мармоне», и, когда он входил в банк или в контору юриста, у него был тот независимый, безразличный вид, который свойствен богатым людям.

Джози было около одиннадцати лет, когда она заболела полиомиелитом. С тех пор сведения о ней поступали к нам только от Блю Уотерса, старшего скотника из «Риверсайда», который каждую субботу являлся в «Белый лебедь» выпить пива. Кое-что удавалось узнать и от городского врача Даулинга, от ухаживавших за Джози сиделок, наконец, от телефонистки, которая внимательно прослушивала каждый разговор с «Риверсайдом». Казалось, Джози не выжить. В городе все сочувствовали семье Эйров, понимая, что эта богатая девочка по ту сторону реки мучительно борется за свою жизнь.

Сначала к Джози ежедневно вызывали доктора Даулинга. Потом смотреть больную прилетели лучшие спе-

циалисты из большого города. Оттуда же прибыли две сиделки.

Моя мать, как и всякая другая мать в городе, беспокоилась, как бы и мы с Томом не подхватили эту страшную болезнь. Отец успокаивал ее:

— Это все равно, как если бы Джози жила за тысячу миль отсюда. Эйры никак не соприкасаются с жителями Сент-Хэлена. Так что не тревожься, Ханна.

— Да, богач ты или бедняк,— вздыхала наша мать,— но это ужасно, когда такое горе сваливается на семью. Болезнь сделает девочку калеккой, если не убьет совсем.

— Джози воспитывалась как типичная маленькая мисс, дочь богача,— говорил отец,— но, насколько я ее помню, она не сдастся так легко. Она будет бороться.

И Джози действительно не сдалась, она боролась и выжила. Но прошло почти полгода, прежде чем в городе узнали, в каком состоянии она вернулась к жизни: одна нога была полностью парализована, в другой частично сохранилась подвижность. И только через год мы снова увидели ее.

Мы даже стали видеть ее чаще, чем раньше. Она приезжала в город, устроившись на переднем сиденье отцовского «пикапа» или «мармона», но никогда не покидала машину — она ни за что не позволила бы кому-нибудь увидеть ее мертвые, бесполезные ноги. Говорили, что ее лечат новейшими методами, гимнастикой и массажем.

Так или иначе, но и теперь тринадцатилетняя Джози, сидевшая в машине очень прямо, не глядя по сторонам, оставалась в наших глазах все той же маленькой мисс.

Увидев ее однажды в субботу, я поздоровался:

— Привет, Джози! Как дела?

— Все в порядке, спасибо, Кит,— ответила она спокойно, но таким тоном, что я не рискнул спрашивать о чем-нибудь еще.

Она ничуть не изменилась.

Если бы не болезнь, Джози, конечно, устроили бы в какую-нибудь частную привилегированную школу в большом городе. Но это было невозможно, и она по сути дела осталась совсем одна в огромном и богатом поместье.

У Джози почти не было друзей среди городских школьников-однолеток, кроме нескольких девочек, которых приглашали иногда навестить ее.

Это были дочери врачей (но не Дорис Даулинг), землевладельцев, адвоката Стрэппа, а также члена парламента от нашего округа.

Иногда приглашали и мою сестру Джинни.

От них мы узнали, что Джози делает попытки снова ездить верхом. Она с младенчества привыкла к седлу, и теперь можно было иногда видеть ее вместе с отцом и изящной, столичного облика матерью на берегу реки верхом на лошади.

Но однажды Джози упала с лошади, сильно ушиблась, и ей настрого запретили верховые прогулки.

Случилось это примерно тогда, когда у Скотти пропал Тэфф.

Эллисон Эйр, видя, как удручает девочку ее неподвижность, решил найти для нее другой способ передвижения. На одном из наших частных самолетов он слетал в большой город, и через месяц на железнодорожную станцию прибыл чудесный маленький двухколесный экипаж. Блю Уотерс, который приезжал за ним на грузовике, рассказал все подробности.

Он объяснил, что коляска нарочно сделана очень низкой: чем ниже центр тяжести, тем меньше опасность опрокинуться. Из тех же соображений ее сделали очень широкой. Колеса у нее маленькие, но прочные, с толстыми резиновыми шинами. Гибкие полированные оглобли раздвигаются вширь, как у беговой двуколки.

Внутренняя обивка коляски была великолепна — ат-

пасная, на волосе. У глубоких сидений подлокотники отводились в стороны, чтобы легче было входить и выходить. Складная лесенка с перилами приводилась в действие с помощью рычага. Да, это был изумительный, талантливо сконструированный экипаж! Он был окрашен в желтый цвет, чтобы его было видно издалека.

Теперь нужен был только пони, чтобы запрягать его в новую коляску.

Эллисон Эйр послал Блю Уотерса с помощниками отловить трех или четырех диких пони из валлийского табуна и привести Джози на выбор.

Заарканить даже одного из этих ходивших на воле дикарей было делом нелегким. У нас говорили, что поймать можно только того пони, который сам этого захочет, другой предпочтет скорее погибнуть, чем дать себя в руки.

К тому же порой табун забирался в глубь зарослей, в болота, так что даже верховым табунщикам нелегко было добраться до них и выманить на открытое место.

Блю Уотерсу и его помощникам пришлось немало потрудиться. Было начало лета, когда пони особенно пугливы и норовисты. Но все-таки удалось отловить четырех валлийцев и доставить их на ферму.

Джози в кресле привезли посмотреть на них. Блю Уотерс не удержался и спросил хозяина: не проще ли было взять уже прирученного пони со скотного двора.

— Нет,— сказал Эйр.— Джози нужен пони, который будет слушаться ее во всем, когда он будет ходить в упряжке. Хотя я не очень себе представляю, что из этого получится. Во всяком случае коляска у нее специальная, значит, пони должен быть приучен именно к ней. Пусть уж Джози делает, как ей хочется.

— Ну конечно, конечно,— поспешил согласиться Блю.

В субботу он подробно доложил обо всем приятелям в «Белом лебеде», где любой рассказ об Эйрах считал-

ся теперь лучшей закуской к пиву. Блю беззастенчиво этим пользовался, выдавая подробности постепенно, по мере того как возрастало число выпитых кружек. А любопытные слушатели не скупилась на угощение. Все отловленные Блю валлийские пони были из хозяйства Эйра и все одинаковы цветом и ростом, так что и выбирать-то было нечего.

Блю привел всех четырех в загон, и Джози приказала гонять их по кругу.

— Быстрее! Ну быстрее же! — кричала она.

Потом Блю получил приказание погнаться за одним из четырех пони и отделить его от других.

Не так легко пешему состязаться в беге с лошадью. Но наконец пони оказался перед Блю один. Опустив голову, он пятился назад с весьма угрожающим видом.

— Держи его, Блю! — крикнула Джози. — А то он опять убежит.

Эллисон Эйр попытался отговорить Джози:

— Тебе ведь нужен пони в упряжку, а не под седло. Это совсем другое дело...

— Нет! Я хочу этого! Только этого! — настаивала Джози.

— Ты с ним намучаешься, — предупредил отец.

— Все равно. Я хочу только этого!

— Что ж, будь по-твоему, — согласился Эллисон.

Пони поставили дегтем отметину, чтобы его легче было отличить от других, и отпустили к трем остальным.

Говорят, что, выбирая лошадь, человек инстинктивно ищет такую, которая похожа на него самого. Возможно. Но я заметил следующую вещь: если лошадь выглядит коварной, если у нее лукавые глаза и озорные повадки — значит, такая она и есть. Если уши у нее висят, а морда несимпатичная, значит, лошадь плохая. С другой

стороны, лошадь может быть некрасивой, но симпатичной, тогда наверняка и характер у нее вполне приемлемый. Это общее правило. А когда имеешь дело с лошадьми не чистокровными, оно действует безотказно.

Когда Джози отвезли обратно в дом, Эллисон взял меченого пони под уздцы и сам не спеша отвел в загон. Там он начал дразнить пони, стараясь выявить, какой у него нрав: горячий или спокойный, своевольный или покорный, пугливый или бесстрашный. Казалось, пони и боялся и не боялся Эллисона. Он то рысью, то галопом носился по загону, не сводя при этом глаз с человека, сжимавшего рукой длинный кнут.

В конце концов Эллисон загнал его в угол. Когда хозяин осторожно приблизился, пони нервно захрапел и опустил голову, словно собирался боднуть его. Руки и ноги Эллисона он ни на секунду не выпускал из поля зрения.

— Тихо! — повелительным тоном сказал Эллисон. — Стой смирно!

Пони упрямо отмахнулся длинным, спутанным, покрытым репьями хвостом.

— Тихо, тихо, — повторил Эллисон помягче.

— Поглядите на его зубы, — крикнул издали Блю. — Он, наверно, кусачий!

— Они все кусачие, — отозвался Эллисон. — Все в порядке, Блю.

Он шагнул еще ближе. Пони стоял смирно, но, когда рука человека потянулась к его шее, он внезапно вскинул голову, боднул хозяина, свалил его с ног и помчался по загону.

Блю рассмеялся.

— Ладно, он все-таки быстрый и умный, — сказал Эллисон, поднимаясь. — Видишь, он не обороняется копытами, а это очень важно. Ну-ка, придержи его, посмотрим, как у него ноги.

Блю крепко держал пони, а Эллисон принялся ощупывать ноги, плечи, грудь, открыл дрожащий, ощеренный рот.

— Рот у него достаточно мягкий,— сказал Эллисон,— это хорошо: значит, не будет тянуть вожжу, а то Джози с ним не справиться.

— Да, лошадка неплохая,— подтвердил Блю.

— Все в порядке, он нас устроит,— заключил Эллисон.— Джози выбрала по себе. Чересчур резвый, зато умный и знает, чего хочет.

— Смотри-ка!

Пони подбежал к высокой ограде, словно собираясь перескочить через нее. Но в последний момент шарахнулся в сторону. Все рассмеялись. Хозяин был явно доволен.

— Молодец! Отличный пони! Отведи его теперь в стойло и вычисти хорошенько,— приказал он Блю.

Все четверо диких валлийцев были приведены прямо из зарослей. Они были грязны, в их светлых гривах, копытах и длинных хвостах застряли колючки, репей и прошлогодняя сухая трава. Из-за этого они выглядели более дикими и злобными, чем были на самом деле.

Любопытно, что Скотти, когда получил Тэффа, сразу стал делать то, что надо: он не пытался мыть пони водой, а начал терпеливо обрабатывать его старой скребницей, которую подобрал где-то, пока спина, хвост и грива Тэффа не стали блестящими и гладкими. Скоро Тэфф вообще сделался одним из самых красивых скакунов в городе. Скотти очень гордился им и содержал в безукоризненной чистоте.

Однако, по мнению Эллисона Эйра, секрет тут был в ином: дикие пони не просто грязны, но, главное, чувствуют себя грязными, а всякой лошади психологически куда приятнее, когда ее вычешут и вычистят скребницей. А посему, коли уж лошади предстоит менять образ

жизни, всего лучше для ее физического состояния начинать с перемен чисто психологических. Дикого пони прежде всего надо вычистить и вычесать, чтобы он ясно почувствовал, что с ним происходит что-то приятное и из ряда вон выходящее.

Только после этого стоит начинать его выучку.

ГЛАВА V

Мы не видели, как приручали пони для Джози, но многое узнавали от Блю Уотерса и других скотников.

Бо (по-французски «Красавчик», так назвала своего пони Джози) не обнаруживал ни малейшего желания становиться в оглобли. Джози очень хотелось самой заняться его приручением, но это было невозможно.

И все же она каждое утро на заре, когда коровы громко мычат на росистых лугах, подъезжала в своем кресле к загону вместе с шотландской овчаркой Максом и принималась разговаривать с диким, беспокойным пони. Но когда Блю предложил ей угостить его морковкой, Джози решительно отказалась.

— Я не желаю его баловать,— высокомерно заявила она.

Ее саму всегда баловали, может, оттого она и считала, что баловство портит характер. Но длинный хлыст Джози тоже не хотелось пускать в ход. Она полностью рассчитывала на своего лохматого друга Макса, который, как все шотландские овчарки, мог неотступно следовать за пони, постепенно приучая его к послушанию. Макс был обучен этому и прекрасно справлялся со своими обязанностями.

Вскоре маленькая хозяйка вытребовала себе право заезжать в кресле прямо в загон, чтобы Бо мог лучше

глазом, подбежавший на помощь Блю понял, что теперь дело пойдет на лад.

— Подожди,— приказала Джози Блю,— не трогай его!

Она продолжала уговаривать Бо, гладить его и похлопывать его по шее.

— Не слишком доверяйте ему,— предостерегал Блю,— не то он укусит вас.

Едва он это сказал, как зубы Бо щелкнули, точно у злой собаки. Но Джози успела отдернуть руку.

— Это низко! — крикнула она возмущенно.

Бо скривил губы, и Блю решил, что лошадь насмехается над хозяйкой.

— Возьмите да отхлещите его.

— Не надо. Пускай кусает,— сердито глядя на Бо, проговорила Джози и принялась снова поглаживать его.

Она словно изучала Бо. А тот тоже присматривался к ней и, видимо, решил наконец, что ему делать: он изловчился и цапнул ее за другую руку. Правда, это был не настоящий укус, так может укусить хозяйку любимая кошка. При желании это даже можно было принять за ласку.

— Да он и не укусил вовсе,— возражала Джози, когда Блю сообщил об этом хозяину.— Разве это укус!

Дальше все уже было делом только времени. Выяснилось, кстати, что Бо пугает кресло Джози. Вот если бы она могла подбежать к нему на собственных ногах! Обходить его со всех сторон, приближаться к нему, удаляться и при этом с той легкостью, какую дарит человеку пара здоровых ног. Но все, что ей было дано,— это подъезжать к пони в кресле, к тому же даже дотянуться до него она толком не могла, так как кресло было довольно низкое.

Однажды Блю удалось открыть пони рот и вложить ему в зубы мундштук. Пони сопротивлялся, но не очень

активно, и Джози захотелось попробовать сделать это самой. Но тут Бо просто вздернул голову, и она не смогла дотянуться до его морды. Джози даже расплакалась от обиды, однако не сдалась и упрямо добивалась своего.

По субботам Блю рассказывал собутыльникам, что норов у Бо постепенно смягчается, и он уже сам опускает голову, когда Джози хочет вложить ему в рот мундштук.

На следующем этапе обучения Бо запрягли в обычную коляску, но не в ту, которую Эллисон заказал специально для Джози, потому что пони мог ее нечаянно сломать. И в то же время Эллисон не хотел превращать Бо в простую рабочую лошадь. Он велел кузнецу сделать из старой коляски экипаж не выше заказного и с такими же маленькими колесами и длинными оглоблями. Блю сел в этот экипаж и взял вожжи.

Но не тут-то было. Бо не двигался с места.

— Только не смей его бить! — предупредила Джози.

Блю подергал вожжами, стал раскачивать экипаж — пони стоял как вкопанный. Джози сидела в кресле и смеялась. Ей даже нравилось, что Бо не позволяет командовать собою.

— Ну давай же, Бо! — крикнула она. — Вперед, Бо!

Бо оглянулся и снова застыл на месте.

— Так не годится, Джози, — сказал ей отец. — Лошадь должна слушаться.

Он взял бич и несколько раз хлестнул Бо по бокам. Бо в ярости взвился на дыбы, пустился галопом по глинистой дороге и проскакал так больше ста ярдов. Потом, невзирая на то, что Блю сильно натянул вожжи, свернул с дороги и помчался через выгон.

— Не сдерживай его, — кричала вслед Джози, — не рви ему рот!

Блю и не пытался сдерживать Бо. Он думал только

о том, как бы не вылететь из коляски, и ругался последними словами, когда та подскакивала на рытвинах и моталась из стороны в сторону. Мягкий рот подвел Бо: он не мог по-настоящему закусить удила, и Блю удалось в конце концов повернуть и выехать на дорогу.

Когда Бо снова очутился в загоне, у него слегка кровоточили губы. Джози была возмущена: можно ли так жестоко обращаться с животным!

— Раз он уже в оглоблях,— сказал Блю,— нельзя ему уступать ни на волос, иначе лучше отправить его обратно в буш, к сородичам.

Джози понимала, что отец и Блю правы, но ей хотелось все делать по-своему.

— Возьми меня с собой в коляску,— упрашивала она Блю.

Но тот имел строгий приказ от хозяина не позволять Джози садиться в коляску, пока не удастся обуздать своевольный нрав маленькой лошадки.

И Джози оставалось только ездить взад-вперед в своем кресле по глинистой дороге и покрикивать на Блю, который старался удержать Бо, то и дело срывавшегося на галоп. Понемногу Бо приучали бежать ровной, легкой рысцой, чтобы он привык работать в упряжке.

Колли Максу было разрешено бежать рядом с Бо, и каждый раз, когда пони сбивался в галоп, Макс начинал лаять и кусать Бо за передние ноги. И тот возвращался на заданный аллюр. Таким образом, у Бо с Максом вышло настоящее деловое сотрудничество.

В приручении дикой лошади наступает переломный момент, когда она перестает сопротивляться и начинает приноравливаться к тому, чего от нее требуют. Этого и ждали сейчас Блю и Джози. Девочка жадно смотрела, как ровно бежит Бо по дороге, и кричала Блю:

— Он стал совсем другим, говорю тебе! Возьми меня с собой в коляску, Блю!

Наконец Блю решил, что долгожданный момент настал — у Бо началась эта таинственная внутренняя перестройка и пони окончательно забыл о беззаботных днях в буше. Блю сообщил Эллисону, что теперь можно бы прокатить и Джози.

А Джози к тому времени уже сама научилась выпрягать Бо из коляски и уводить в загон, держа за повод. И пони покорно шел за ее креслом. Она научилась даже запрягать его, поднявшись на специально для этой цели построенное возвышение. Пони теперь сразу выходил к ней, когда она подъезжала к загону и кричала: «Бо, иди сюда сию минуту!»

— Все это хорошо,— говорил Блю, когда они с хозяином усаживались в коляску.— Но в нем еще куча всяких сюрпризов. Он уже не такой пугливый и коварный, но, похоже, он только и ждет случая отколоть номер.

Однако рука Эллисона, державшая вожжи, была достаточно твердой, и пони не удалось бы его перехитрить. Бо мирно, слушаясь вожжей, рысил взад и вперед по дороге, точно старый батрак, привыкший беспрекословно подчиняться хозяину.

— Да-а-а,— протянул раздумчиво Эллисон, останавливая пони. Он, конечно, знал, что Бо далеко еще не так послушен, как кажется.— Что ж, давай теперь ты,— предложил он дочери.

Джози подъехала к коляске, Блю поднял ее и посадил рядом с Эллисоном. Она живо выхватила из рук отца вожжи и, прежде чем он успел что-нибудь сказать, крикнула:

— Вперед, Бо! Вперед!

Бо послушно пошел легкой рысью. Но Джози не терпелось ехать быстрее.

— Не гони его. Будь осторожна,— сказал отец.

Все шло хорошо, пока они не поравнялись с деревьями у поворота дороги. Едва они повернули, как навстре-

чу им показался «крейслер» миссис Эйр, возвращавшейся от соседей. Не слушаясь вожжей, Бо спокойно бежал прямо навстречу «крейслеру». Он проскочил мимо машины буквально в нескольких дюймах. Эллисон схватил вожжи и натянул их так, что Бо чуть не сел на задние ноги. Только тут он остановился.

— Что за глупый звереныш! — воскликнула миссис Эйр.

— Ты сама напугала его, мама, — сердито возразила Джози.

— Но ведь это очень опасно!.. — возмущалась мать.

Эллисон молчал и о чем-то думал. Потом он сказал Джози, что, по-видимому, Бо пока еще не чувствует ширины коляски.

— Будь очень осторожна и сама рассчитывай расстояние — проскочишь или нет, потому что он его не чувствует пока. Позже он, конечно, научится сам определять ширину коляски вместе с колесами, а сейчас все это для него сплошная загадка.

— Знаю, знаю, — нетерпеливо отвечала Джози, сгорая желанием ехать дальше. — Он просто растерялся.

— А ты не давай ему теряться. В нем сидит маленький бесенок, и его так и тянет выкинуть какой-нибудь номер. Просто так, для забавы. Ни в коем случае не давай ему воли. Для ездовой лошади это очень опасно.

— Ладно, — отмахнулась Джози.

И наконец Бо впрягли в экипаж, сделанный специально для Джози, с гладко отполированными оглоблями. Но, когда Джози разрешили в первый раз выехать одной, случилось нечто непредвиденное. Коляска оказалась намного легче обычной, а колеса на мягких шинах и шарикоподшипниках катили так быстро, что Бо, почувствовав у себя за спиной вдруг меньшую тяжесть, припустил по дорожной пыли легким аллюром. Эллисон радовался, глядя на него, а Джози была просто в восторге.

— Смотри, как идет! — сказал Эллисон жене.

— Девочка не успокоится, пока не свернет с дороги и не махнет напрямик через выгон,— испугалась миссис Эйр.

Эллисон тоже почувствовал тревогу.

— Да, Пэт,— сказал он.— Но пусть лучше Джози сама увидит, что она может и чего не может.

— Нет, нет! Что ты! — возразила мать.— Если ей что-нибудь не дается, она все равно постарается добиться своего. Смотри, смотри!

Джози на полном ходу проскочила через ворота, находившиеся у выезда на старую дорогу. Расстояние между столбами было достаточное, но отец учил ее в таких случаях придерживать Бо.

— Ладно, не беспокойся, я уж поспежу за ней.

— Да, придется,— со вздохом сказала миссис Эйр.— Она обращается с коляской так, словно скачет на ней верхом.

ГЛАВА VI

С тех пор мы часто видели, как Джози переезжает вброд через реку или же мчится в своей коляске по выгонам Эйров в сторону буша.

Желтая коляска Джози и Бо надолго стали притчей во языцах в городе, как в свое время Скотти и Тэфф.

Сколько ни старался Эллисон Эйр привить дочери осторожность, Джози носилась, где ей заблагорассудится: по зарослям, по вспаханному полю, по берегу реки. Ее коляска все выдерживала. Просто поразительно.

Блю рассказывал в «Белом лебеде», что, когда они отгоняли овец или лошадей, Джози увязывалась за ними

туда, где не проехать и верхом. Приезжие фермеры говорили, что встречали желтую коляску в самых непроходимых местах.

К тому времени Бо уже окончательно освоился со своей работой и выполнял ее весьма охотно. Его приезды и отъезды, то есть появление и исчезновение желтого экипажа, всегда было в центре внимания горожан. Хотя в самом городе его никто не видел.

Чтобы приехать в город, Джози потребовалось бы менее часа, однако она появлялась там не в экипаже, а на переднем сиденье отцовской машины или грузовика. Сидела она всегда очень прямо, закрученные хвосты косиц едва касались плеч, взгляд настороженный и вызывающий — достойная дочь своего отца, Эллисона Эйра. Только ноги были всегда спрятаны. Ни за что она не допустила бы, чтобы кто-нибудь из горожан увидел, как ее относят или сажают в экипаж.

Обычно она дожидалась отца, сидя в машине. А если приезжала с родителями к кому-либо в гости, разрешала отнести себя в дом, только когда никого рядом не было. Носила она только длинные брюки, хотя в городе и поговаривали, что массаж ей пошел на пользу и ноги постепенно начинают служить ей.

Вот и все, что мы знали о Джози и о Бо.

Тем временем Скотти овладело непонятное беспокойство. Ощущение непостоянства в этом мире, пришедшее с исчезновением Тэффа, охватило его с новой силой, и в один прекрасный день он исчез точно так же, как его малыш Тэфф.

Сначала мы подумали, что он просто решил прогулять дня два-три, но потом Энгус Пири явился в полицию и сообщил, что Скотти вот уже четыре дня и три ночи нет дома.

— Бедная женщина! — сказала моя мать.

Она сразу представила себе, в каком отчаянии сейчас

миссис Пири. Наверное, без конца выскакивает на веранду своего жалкого, затерянного среди болот домика, надеясь, что Скотти вот-вот появится на дороге.

Первое, о чем все подумали,— утонул!

Вполне могло случиться, что Скотти во время рыбной ловли, ныряя, зацепился за корягу и утонул. Или же его укусила змея, и он лежит где-нибудь мертвый.

— На Скотти это не похоже! — возражал Том.— Он просто ушел искать Тэффа, вот и все.

— Но ведь пони пропал уже много месяцев назад,— говорила мать.

— И все-таки он отправился его искать,— упрямо твердил Том.

Мы решили, что на месте Скотти и сами поступили бы так же.

А Скотти добрался зайцем в поезде до ближнего города Тэско, где было четыре или пять валлийских пони, и стал искать там по виноградникам.

Потом один виноградарь застал Скотти под навесом, где у него сушился виноград; Скотти поедал недосушенные гроздья. Виноградарь позвонил в полицию, и наутро Скотти доставили в Сент-Хэлен. Наши полицейские называли его маленьким паршивцем, угостили несколькими ударами палкой по заду и отпустили домой.

Но недели через две Скотти пропал снова. На этот раз мы уж и представить не могли, куда он подался.

— Вернее всего, к Эйрам,— решил Боб Рансимэн, низенький левша, который всегда все знал.

— А может быть, махнул на молочную ферму Тэйлоров. Там есть кобылка пони, и хозяин поговаривал, что неплохо бы заняться их разведением,— сказал я.

— Да нет же! — вмешался Том.— Все очень просто. Скотти отправился в Лайа, там живет миссис Стэйн — ну, знаете ее, она без ума от пони, у нее их уже четыре штуки.

А Скотти тем временем обшаривал буш вверх по реке: кто-то сказал ему, что видел бродячего охотника верхом на пони. В городе изредка появлялись такие охотники с большими связками кроличьих шкурок и продавали их Дормену Уокеру и другим торговцам по шиллингу за штуку. Может быть, один из них и увел Тэффа...

Когда Скотти вернулся, он сказал, что никакого такого охотника верхом на пони не встретил.

— Был там один какой-то, так он ездил на велосипеде,— сказал Скотти.

— Как! По зарослям?

— Ну да. У него хорошие покрышки, а велосипед трехколесный. А еще у него двадцатидвухмиллиметровое ружье, и он стрелял разных птиц и ел их. Даже ржанок.

И Скотти рассказал нам, как он день-другой прозел с этим велосипедистом в поисках охотника верхом на шотландском пони, пока не убедился, что такого и в помине не было. Зато в город нет-нет да наведывались разные бродяги, у одного из них вполне мог оказаться пони. И по дороге домой Скотти каждый вечер теперь нарочно проходил городом. Вид у него был очень деловой, словно он спешил куда-то.

В третий раз Скотти исчез во вторник, а в пятницу в город прямо к нам домой пришла миссис Пири и спросила у матери, не могли бы мы с Томом поискать Скотти за рекой в буше, во владениях Эйров. Мать предложила миссис Пири подождать, пока мы вернемся из школы.

Мы нашли ее в гостиной, где они пили чай; на миссис Пири было черное платье, черные чулки и башмаки, неуклюже подбитые кусками от старой покрышки. На голове у нее была черная соломенная шляпка с поломанными полями и двумя вишенками сбоку. Глаза ее смотрели куда-то вдаль, словно не замечая ничего вокруг себя. Это был взгляд человека не только одинокого, но

и постоянно озабоченного то ли прошедшим, то ли будущим, а может, просто чем-то очень далеким от будничной жизни.

Когда мать передала нам ее просьбу, Том тут же загорелся: мы переплывем реку, ходим вокруг фермы Эйров, заглянем в буш, пока еще не стемнело...

— Вы не станете переплывать реку,— прервала его мать,— а перейдете через мост и попросите у Эйров разрешения ходить по их владениям.

Но тут пришел отец и, узнав, в чем дело, сказал:

— Чего уж проще, надо позвонить Эйру и попросить его послать на поиски кого-нибудь из его людей.

Он позвонил Эллисону Эйру и сказал, что из города пропал мальчик, сын Пири, у которого был пони, и скорей всего он находится где-то на его берегу реки. Так вот, не будет ли Эйр так добр, чтобы послать кого-нибудь из своих людей обыскать буш вверх по реке?

— Завтра же отряжу туда Блю Уотерса,— пообещал Эллисон моему отцу.

Повесив трубку, отец спросил, удовлетворена ли миссис Пири. Та кивнула, но взгляд ее не отрывался от телефона, словно этот равнодушный аппарат лишил ее последней надежды.

Потом она поднялась, и мы проводили ее до калитки. Она не плакала, вид у нее был скорее растерянный, чем удрученный.

— Не тревожьтесь, миссис Пири,— сказал Том.— Скотти вернется. Он найдет Тэффа и вернется.

— Но что же он ест там и где спит? — горестно спросила мать Скотти, будто мы могли ей ответить.

Но, видимо, она и сама знала, что Скотти вернется. Просто без Скотти ей было совсем плохо. В ее жизни образовалась пустота, которую ничем нельзя было заполнить. Даже мы с Томом это почувствовали.

— Наверно, он на острове,— высказал я предполо-

жение, хотя сам в это не верил, но надо же было что-то сказать.— Мы с Томом утром пойдем туда и поищем.

— Да, наверно, там,— согласилась она, и взгляд ее устремился вдаль.

На черном платье миссис Пири была приколата брошь — выплетенное из серебряной проволоки имя «Эйлин». «Кто такая эта Эйлин?»— думали мы...

Скотти вскоре отыскался, и именно в городке Лайа.

Там шли очередные состязания, устраиваемые для местных и приезжих лошадников. Пони, конечно, тоже принимали в них участие. На этой встрече в Лайа для пони намечалось три заезда. Скотти быстро просмотрел первую группу пони и стал ждать прибытия остальных — из дальних районов. Ставки в состязаниях между местными пони и гостями колебались от пяти до двадцати пяти фунтов за заезд. Среди прочих были, само собой, и валлийские пони.

Скотти целыми днями бродил возле их загончиков и однажды попался на глаза Эндри Мэгуайру, владельцу гаража, который готовил к состязаниям трех валлийских пони, принадлежавших Эйру. Мэгуайр спросил Скотти, не хочет ли тот заработать шиллинг, другой, ухаживая за одним из пони, тоже готовившимся к состязаниям. Скотти с радостью согласился, тем более что Мэгуайр обмолвился, что после бегов намерен продать этого пони.

— За сколько? — восторженно спросил Скотти.

— Понимаешь, в него словно бес засел. Ничему его не обучишь,— признался Мэгуайр.— У Эйра все пони такие, словно злой бес в них сидит.

Позже Скотти передал нам этот разговор. Мы обсуждали валлийских пони, и Скотти сказал, что сам Мэгуайр ничего в них не смыслит. Он держит пони на привязи под железным навесом, не дает им побегать на воле, обрубаёт им хвосты и стрижет коротко гривы.

— В этом деле он круглый дурак! — с презрением заключил Скотти.

Поэтому он ушел от Мэгуайра и переключился на козлиные бега. Владельцы козлиных упряжек ежегодно являлись в Сент-Хэлен. Ставки в козлиных бегах делались, как в обычных бегах, только не на козла, а на мальчишку, обычно из местных, который вел упряжку. Юные наездники изо всех сил подгоняли рогатых рысаков, накручивая им хвосты и неистово вопя по-козлиному.

Кто выигрывал заезд, получал пять шиллингов — не так уж плохо. Только однажды в козлиных бегах Сент-Хэлена принимал участие мальчишка не из наших, а сын хозяина бегов по имени Босси. Год назад в таких же козлиных бегах принимал участие наш Том, и я был на седьмом небе от счастья, когда букмекер Локи Макгиббон во всеуслышание заявил:

— Ставлю три против четырех на Тома Квэйла!

Но Том проиграл.

В Лайа Скотти вышел победителем и до конца бегов, продолжавшихся еще четыре дня, оставался при козлиных упряжках. Он объяснил нам свой секрет, как ему удалось победить трижды: просто, в отличие от остальных, он начинал крутить козлу хвост только в пятидесяти футах от финиша.

В понедельник Скотти пришел домой вместе с каким-то коммивояжером, продававшим зингеровские швейные машины. Через несколько дней он явился в школу, но, по-моему, это был какой-то другой Скотти, в чем-то неуловимо изменившийся.

Мой отец хорошо понимал, что с ним происходит, и однажды за ужином сказал нам, что, если так будет продолжаться и дальше, мальчишка станет заправским австралийским бродягой на большой дороге.

Мы, как всегда, только вздыхали во время отцовской

проповеди. В душе мы завидовали Скотти и его приключениям, как ни тяжело было вспоминать печальные глаза миссис Пири, ее пальцы, поглаживавшие брошь из серебряной проволоки, и ее маленькую фигурку, сиротливо бредущую по пустынной дороге.

— Энгус Пири тут не виноват,— возразила мать, когда отец отпустил нелестное замечание и в адрес Энгуса.

— Виноват или не виноват, а факт налицо. Если так пойдет и дальше, мальчик может стать профессиональным бездельником.

Недели шли одна за другой.

Скотти вел себя, как все городские мальчишки из бедных семей, как мальчишки из буша, которым город не обещал в будущем ничего — ни работы, ни надежды. Подрастая, они все чаще толпились по субботам возле пивных, состязаясь в количестве поглощенных кружек, напиваясь до потери сознания и вступая в мелкие разногласия с законом. Однако больше похоже было, что Скотти в конце концов отправится бродяжить...

А пока Скотти продолжал искать Тэффа. Этим и объяснялись его исчезновения. Не было в этом распущенности, как думал мой отец, прирожденным бродягой Скотти тоже не был. Но мог им стать.

Он снова ушел, на этот раз далеко, за пятьдесят миль, через весь штат Новый Южный Уэльс, в город Мундоо, где ежегодно бывали скотоводческие ярмарки и где огромное множество лошадей и пони переходило из рук в руки.

Неизвестно, как Скотти добирался туда,— всегда молчаливый и неприступный, он не рассказывал нам об этом. Родители его как будто примирились с его исчезновениями, хотя мы знали, что каждый раз, возвратясь домой, блудный сын получал изрядную порку ремнем от своего изможденного, потерявшего уже почти все зубы отца.

В школе ему тоже доставалось. Скотти отнюдь не был туп или неразвит, ум у него был живой. Но в том положении, в каком он оказался, школа ничем не могла ему помочь.

Однажды директор резко отчитал его перед всеми учениками заодно с еще десятком школьных сорванцов.

— Как сможешь ты найти когда-либо работу, раз ты так себя ведешь? — говорил директор.— Скажи мне сам, Пири.

Скотти Пири ничего не мог ответить ему на это.

Директор действовал, конечно, из лучших побуждений. А вообще учителя смотрели сквозь пальцы на то, что Скотти пропускает занятия, понимая, что тут ничего не поделаешь, и многие ему даже симпатизировали.

На ярмарке в Мундоо Скотти перебивался случайными заработками — поил овец и лошадей, мыл фургоны, подметал загоны для скота. Потом один из тамошних полицейских пронюхал, кто он такой, и Скотти пришлось ночью сбежать, так и не обнаружив никаких следов Тэффа.

Я думаю, что долгий и трудный путь домой (тридцать миль за три дня он прошел пешком, остальные двадцать его подвез какой-то фермер) совершил перелом в душе Скотти Пири. Он наконец осознал, что Тэфф не просто затерялся, а пропал навсегда.

Теперь надо было думать о том, как жить дальше.

ГЛАВА VII

Нужно отдать Скотти справедливость: он ни разу не обвинил Дормена Уокера, не в пример большинству наших ребят. Во всяком случае, не было видно, чтобы его снедала жажда отмщения.

Теперь он больше времени проводил в городе, ища случайных заработков, но чаще всего бродил по переулкам, подбирая, что попадет под руку. Ни к чему хорошему это, конечно, привести не могло. Но в конце концов он сосредоточил свое внимание на складе Дормена Уокера (кстати говоря, этот склад был самым большим строением в городе).

Скотти ничего не стоило пробраться в длинное, темное, прохладное хранилище.

Склад был заполнен мешками с пшеницей, мякиной, овсом, ячменем, отрубями. Дальний конец был заставлен новыми и старыми сельскохозяйственными машинами, тракторами, ящиками, бочками и мешками с удобрением. А как там пахло! От одного этого запаха дух захватывало.

Скотти пролезал в склад, отогнув отставшую полосу рифленого железа в стене, или через слуховое окно, или через заднюю дверь, где стояли большие весы. Обычно он проводил там с полчаса, прохаживаясь среди нагромождения мешков, разглядывая косилки, жатки, тракторы.

Конечно, куда веселее было бы забраться сюда с каким-нибудь приятелем. Но Скотти все больше отдалялся от своих сверстников.

Честно говоря, Скотти забирался в склад с целью как-то навредить Дормену Уокеру и тем разрядить накипевшую обиду и разочарование. Но что он мог там испортить? Скотти вообще не был разрушителем. Он однажды даже отказался устроить бомбардировку камнями по крышам особняков на ненавистной ему Уилсон-стрит. Его удержало то, что камни могли раздробить черепицу.

И все-таки мысль досадить Уокеру в конце концов прочно завладела им.

И вот однажды вечером Скотти ухитрился завести один из стоявших на складе тракторов. Дормен Уокер от-

дышал в помещении своей конторы напротив, когда в складе раздался оглушительный грохот.

Старик до того перепугался, что не решился выйти и посмотреть, в чем дело. Но грохот напугал и самого Скотти — он молнией выскочил через слуховое окно, пробежал по крышам соседних домов и скрылся.

Увы, это бегство испортило ему удовольствие. И он решил придумать что-нибудь еще. Однажды хозяин склада увидел на своей стене большую надпись, выведенную детским почерком: «Дормен Уокер...»

Мы так и не узнали, что должно было следовать за именем: возможно, автора кто-то спугнул, либо же ему просто не удалось придумать достаточно обидное слово. Мы, конечно, единодушно решили, что это работа Скотти.

А вскоре, высмотрев Скотти на улице, торговец зерном устроил за ним такую же погоню, как мясоторговец Александер.

На этот раз Скотти удирал на своих двоих. Вообще Скотти этих дней остался в моей памяти бегущей вприпрыжку маленькой фигуркой, казалось, он все время от кого-то удирает. За ним и правда то и дело кто-нибудь гнался. Но Скотти всегда успевал вовремя свернуть в сторону и исчезнуть, как умел только он один.

Вместе с тем у него было в городе немало доброжелателей, и во время очередной погони с разных сторон раздавались поощрительные возгласы:

— Валяй, Скотти! Быстрей беги, не давайся этому лопоухому!

Скотти удивлялся и даже оборачивался, стараясь разглядеть, кто же это кричит, кто на этих враждебных улицах сочувствует ему.

— Хэлло, миссис Смит! — успевал он крикнуть на ходу в ответ. — Хэлло, мистер такой-то... — и прыгал через ближайший забор.

В общем, было ясно, что нашим согражданам со Скотти не справиться. Им нечем было привлечь его.

Он только еще больше отдалялся от нас. И вот при таких-то обстоятельствах Скотти столкнулся с Джози Эйр и ее пони. Эта встреча дала новое направление всем событиям.

Произошло это на той же ежегодной сельскохозяйственной выставке в Сент-Хэлене, где Скотти должен был в прошлом году выступить с Тэффом на скачках.

Для выставки была отведена постоянная территория, окруженная высокой деревянной стеной. Внутри был довольно просторный ипподром, используемый и как футбольное поле, трибуны и десяток павильонов под экспонаты — образцы пшеницы, шерсти, фруктов, масла, цветов, овощей, всяких джемов и кексов домашнего приготовления. Хватало места на выставке и для проведения различных конкурсов — сторожевых овчарок, рогатого скота, овец...

Но самым большим успехом пользовались конные состязания — скачки и рысистые бега.

Меня интересовали только эти состязания. И Эллисона Эйра тоже, все прочее на выставке он просто презирал. Только чтобы поддержать свой престиж в глазах горожан, он присылал на выставку несколько голов рогатого скота, несколько овец и собак. Зато бега были его страстью. В его конюшнях всегда стояло три-четыре рысак или иноходца. Двух из них он привез с собой и на этот раз.

Привез он на выставку и Джози, которая намерена была участвовать в состязаниях пони, ходивших в упряжке.

Разумеется, Джози прибыла в своей новой желтой коляске. Она позволила перенести себя на трибуну, где могла в ожидании своего заезда посмотреть на бег отцовского призового иноходца Флика.

Мы с Томом и Скотти облюбовали укромное местечко под большой трибуной. Здесь мы могли сидеть, не привлекая к себе внимания конюхов, которые терпеть не могли, чтобы мальчишки вертелись возле лошадей.

Правда, накануне вечером нам оказали честь, поручив обойти песчаную беговую дорожку и аккуратно подобрать все ненужное, что могло валяться в песке,— гвозди, отлетевшие подковы, куски стекла, острые камни. И мы старались изо всех сил, хорошо зная, что бывает, если у беговой двуколки вдруг спустит шина. Только представьте себе, как обезумевшая лошадь волочит за собой наездника вместе с опрокинувшейся двуколкой, а на наезднике от трения о песок начинает дымиться одежда...

Эллисон Эйр уже выехал на дорожку на своем чистокровном иноходце Флике, холеном и очень красивом. Сбруя на рысаке была новая, блестящая, а куртка и сапоги сидели на Эллисоне Эйре как влитые.

Соперниками его выступали приезжие наездники-профессионалы, которых собиралось на бега множество. Рядом с Эллисоном они выглядели старыми и потрепанными, как и их облезлые двуколки и лошади.

Мы с восторгом смотрели на Эллисона Эйра.

— Он придет первым,— решительно заявил Том.

— Ну, эти еще дадут ему прикурить,— с видом знатока возразил Скотти.

Скотти, конечно, был прав, потому что на бегах одного умения хорошо вести кровного рысака недостаточно.

— Будь покоен,— сказал я уверенно,— Эллисон постоит за себя.

Но я думаю, что только из местного патриотизма мы желали победы эйровскому Флику; в душе мы были на стороне профессионалов. Они нам были ближе.

Заезд начался. Профессионалы, конечно, прекрасно знали, как помешать Эллисону Эйру получить на дорож-

ке удобную позицию. Как только его иноходец вырвался вперед, он тут же несколько раз дал сбой — то ли от незаметного удара чужим хлыстом, то ли от тычка в живот.

Старички держались тесной группой. На последнем круге все четыре лошади сбились в кучу. Мы вскочили на ноги и стали неистово кричать:

— Эллисон! Флик!

Эллисон вышел было на полголовы вперед, но тут же был оттеснен назад ловким согласованным маневром двух двуколок, после чего обе они ринулись к финишу.

Профессионалы взяли первый и второй призы, Эллисон остался третьим.

— Я говорил вам! — сказал Скотти. — Они ни за что не пропустили бы его вперед.

— Ему бы тоже надо обмануть их, — сказал Том.

— А как?

Эллисон Эйр, наверное, немало удивился бы, узнав, что трое босоногих мальчишек — пламенные его болельщики и искренне жалеют о постигшей его неудаче. На наш взгляд, он очень мужественно перенес свое поражение. Правда, он был несколько озадачен: богатому человеку не пристало терпеть неудачи.

Однако нам было суждено испытать к нему совершенно другие чувства всего лишь полчаса спустя.

Ближайший заезд ожидался только через двадцать минут, и мы прошли к веревочной ограде загона, где седлали скакунов и готовили лошадей для бега в упряжке. Мы увидели там двух пожилых мисс — сестер Стерн, владелиц молочной фермы, которые запрягали в коляску черного пони. Лошадка была балованная, капризная, и мы смеялись, глядя, как она увертывается от оглобель.

Потом перед нами предстала Джози Эйр в своей желтой коляске, в которую был запряжен вычищенный

до блеска красавчик Бо. Джози тоже была мила в бриджах для верховой езды, блузке и остроконечной шапочке, и мы от души пожелали ей выиграть.

Мы сидели на траве возле ограды и болтали. И вдруг Скотти приподнялся, вскочил на ноги и сдавленным голосом сказал:

— Это Тэфф!

Мы оглянулись.

— Где?! — спросили мы, тоже вскочив.

— Там, это он.

Скотти показывал на Бо. Он прополз под веревками ограды и кинулся напрямик к упряжке Джози. Одной рукой он ухватился за уздечку, другой потрепал аккуратно подстриженную челку — так он всегда приветствовал Тэффа.

— Тэфф,— сказал он.

Говорят, что животные реагируют скорее на звук, чем на слово. Во всяком случае, Бо пригнул одно ухо и откинул голову назад, как бы желая получше разглядеть, кто с ним разговаривает. Мы много раз видели, как это делал Тэфф, правда, и другие пони тоже.

— Убирайся! — крикнула Джози.— Убери руки от Бо!

— Это мой пони,— сказал Скотти, крепко держа Бо за узду и явно не собираясь отпускать.

— Убери руки! — еще громче прозвучал голос Джози.— Ты делаешь ему больно!

Мы с Томом поспешно пролезли под веревками и стали дергать Скотти за рукав.

— Это Бо, Скотти,— сказал я.— Это пони Джози Эйр. Это не Тэфф.

Движением плеча Скотти отбросил мою руку.

— Ничего я не знаю. Это Тэфф! — крикнул он. Он ощупал голову и шею лошади и даже отступил на шаг, чтобы хорошенько рассмотреть ее.— Пари на что угодно, это он!

Джози дернула вожжи, понукая Бо двинуться вперед. Но Скотти вцепился в уздечку так, словно от этого зависла его жизнь.

Бо заволновался и громко, словно жалуясь, заржал. Джози отчаянно звала отца. Тот куда-то отлучился, кажется, покупал ей белые бумажные перчатки. Вот он уже появился с перчатками в руках.

До этой минуты Скотти не думал, с кем он имеет дело. Возможно, он никогда и не видел Джози, хотя, конечно, слышал о ней и ее пони. Для Скотти она сейчас была просто противной девчонкой, которая осмелилась запрячь Тэффа в коляску. Нет, Скотти не даст ей уехать вместе с Тэффом!

В тот момент, когда появился Эллисон Эйр, Скотти уже разматывал ремни упряжки, державшей Тэффа в этих дурацких оглоблях.

— Останови его, останови его! — визжала Джози.

Люди, работавшие в загоне, стали оглядываться, а мы всё пытались оттащить Скотти, убедить его оставить Бо в покое.

Эллисон Эйр подошел и, оторвав Скотти от земли, поднял его в воздух. Он хотел только отшвырнуть его в сторону. Но Скотти держал уздечку мертвой хваткой и яростно вырывался из рук Эллисона, понося его нехорошими словами.

— Отпусти уздечку, проклятый дьяволенок! — кричал на него Эллисон.— Отпусти сейчас же!..

Мы точно замороженные смотрели, как бьется и извивается Скотти в руках у Эллисона. Бо нервничал. Если Скотти не заставят выпустить уздечку, дело может кончиться плохо.

— Заберите Джози из коляски! — крикнул Эллисон.— Отнесите ее куда-нибудь!

— Нет! Не смейте меня трогать! — сердито кричала Джози.

Блю Уотерс, который привел в загон вторую лошадь Эйра, бросил поводья и вскочил в коляску. Но тут напуганный пони стал пятиться, и экипаж поехал назад. Блю, перегнувшись, неожиданно сильным для его роста движением поднял вырывавшуюся у него из рук Джози и передал подбежавшим сестрам Стерн.

В это самое мгновение Эллисону удалось разжать пальцы Скотти и освободить уздечку. Но Скотти успел вытянуть вперед босые ноги и обхватить ими переднюю ногу пони.

Бо принялся злобно отбрыкиваться. Эллисон, потеряв терпение, стукнул Скотти, а пони вскинул голову и сильным рывком высвободил передние ноги, отдавая Скотти в руки его врага.

Скотти извивался и бился и все кричал, не переставая, что это его пони, что это Тэфф.

Эллисон умел обращаться с овцами и жеребятами. Он крепко зажал мальчика под мышкой, предоставив ему кричать и брыкаться, и велел нам с Томом сбегать за констеблем Питерсом.

— Бегите же! — крикнул он.

Но мы вовсе не хотели помогать Эллисону.

— Отпустите его! — храбро потребовал Том.

Тогда Эллисон сказал, что, если мы не приведем констебля, он передаст полиции и нас двоих тоже. На нас смотрели неодобрительно, раздавались возгласы возмущения. А когда появились еще несколько конюхов, мы с Томом поняли, что силы неравны и остается одно — поскорее уносить ноги. Нас торопило и пощелкивание длинного бича в руке Блю. И мы оставили Скотти плененного, лежащего поверженным на земле, громко кричащего.

В другом углу загона сидела беспомощная Джози, а Бо — или Тэфф — был где-то между ними.

Эллисон Эйр был для полиции достаточно влиятельным лицом. По его требованию Скотти посадили в «мармон» и под конвоем констебля Пита Питерса отвезли на ферму к родителям.

Ничего другого им не оставалось. Не сажать же его под замок — он был слишком мал. Всю дорогу Питерс крепко держал мальчика, а он, рыдая, кричал, что все они воры.

Джози позволили сесть в коляску только после того, как увезли Скотти. Она непременно хотела участвовать в состязании — зачем же иначе ей купили белые перчатки? Правда, Бо был по-прежнему беспокоен и пугался, как только кто-нибудь подходил к нему.

— Пожалуй, лучше мне поехать с тобой, — сказал Эллисон.

— Да, да! Пусть отец едет с тобой, — подхватила миссис Эйр.

— Я справлюсь сама, оставьте меня в покое! — твердила Джози.

Мы с Томом, прячась за стогом сена, смотрели, как Джози рысью выехала из загона. Раздался сигнал к заезду. Девочка держалась очень уверенно, хотя щеки у нее еще горели. Мы подобралась поближе, чтобы лучше видеть. За этот час многое изменилось, мы уже больше не знали, желать Джози победы или нет.

Она не выиграла заезда. Бо нервничал и плохо слушался: он пугался флага, когда пробегал мимо, и даже шарахнулся в сторону, когда через дорожку перелетел клочок бумаги.

В конце концов Джози дали утешительный приз. Это окончательно вывело ее из себя.

К концу дня, когда коляску Джози погрузили на гру-

звук, Бо водворили в фургон, а Эллисон Эйр проиграл и третий свой заезд, на выставке уже все знали о выезде Скотти. Больше того: многие уже знали, что он утверждает, будто Бо — это его пропавший пони Тэфф. Народ долго не расходился, на все лады обсуждая создавшееся положение.

Неужели Бо и Тэфф — одна и та же лошадь? По дороге домой мы с Томом спорили до хрипоты. Ведь мы своими глазами видели, как Скотти сразу определил, что Бо — это Тэфф.

— Это он! Это Тэфф! — повторял Том с горячей убежденностью десятилетнего мальчишки. — Я уверен, что это Тэфф!

— Откуда ты можешь знать? — возражал я ему; я никогда не был решителен в своих суждениях. — Как мог Скотти так вот сразу узнать, что это Тэфф?

— Он его узнал. Просто узнал, и все! — сердился Том.

Горячность Тома в этом споре была симптоматична. Спор между нами был только началом тех разногласий, что раскололи впоследствии весь наш город.

Нам с Томом не терпелось поскорее увидеть Скотти. На следующее утро, в субботу, мы поднялись в шесть часов и тут же, одолжив у соседей велосипед, поехали на ферму Пири. Мы застали Скотти за работой: он очищал от грязи дренажные каналы, с помощью которых Энгус Пири пытался осушить хоть часть своей болотистой, засоленной земли. Мы стояли босыми ногами по щиколотку в черной, вязкой грязи и с любопытством смотрели на Скотти, голубые глаза которого еще блестели от злости и негодования. Он рассказал нам, как констебль Питерс привез его в «мармоне» и высадил на глинистой дороге за милю до фермы да еще пообещал упрятать за решетку, если он снова вздумает безобразничать в городе.

— Почему ты так уверен, что это Тэфф?— спросил
и его.

— Почему я уверен? — возмутился Скотти.— Откуда
я знаю, что это Тэфф? — повторил он, еще не представ-
ляя, как понятнее объяснить.— Ну, например, я знаю, кто
вы такие или не знаю?

— Но это совсем другое дело...

— Нет, не другое. Я гляжу на вас и узнаю. Почему же
мне не узнать Тэффа?

— Это никого не убедит,— возразил я.

— А я вот убежден,— вмешался Том.

— Я тоже,— сказал Скотти.

— Ну ладно. Но как же, по-твоему, он к ним попал?

— Почему я знаю! Может, им продал его Дормен
Уокер.

— Нет! Блю Уотерс при всех рассказывал, что привел
пони прямо из табуна.

— Плевать мне на Блю Уотерса!

— А может, Тэфф все-таки переплыл реку и сам при-
стал к табуну? — спросил Том.

Скотти презрительно фыркнул:

— Тэфф никогда не подойдет близко к воде. Они
увели его как-то по-другому. А только я знаю, что это
Тэфф.

Возразить было трудно, и я замолчал, но, когда мы
спросили, что же он собирается предпринять, Скотти
хитро прищурился:

— Не знаю. Что-нибудь придумаю.

— Они ни за что не отдадут его,— с жаром сказал
Том.— Они тебя и близко не подпустят к «Риверсайду».

— А что говорит твой отец? — спросил я Скотти.

— Он говорит, лучше отступить, если даже это
Тэфф. Говорит, что на этом деле надо поставить крест,
вот и все.

— Он прав, Скотти,— сказал я с горечью.— Джози

— Пири должны представить доказательства. Думаю, это безнадежное дело.

— А я не думаю, что это Тэфф,— сказала Джинни.— Вы говорите так потому, что дружите со Скотти. А я сочувствую Джози и считаю, что пони принадлежит ей.

Так начала раскалываться и наша семья, и не на принципиальной основе, на чем всегда настаивал отец, а в зависимости от личных симпатий и влечений.

ГЛАВА IX

Шли последние долгие летние дни, вот-вот должны были начаться занятия в школе.

Река все еще была по-летнему мелководной, даже мельче обычного, но все мы, жившие возле реки, до конца старались использовать ее оскудевшие дары. Мы устраивали состязания в грязноватой и мутной воде: ныряли как можно глубже в донные ямы или прыгали с берега на берег через узкую стремнину, ползали наперегонки по ничтожной глубине в два дюйма между песчаными отмелями.

Ночью, лежа в своей кровати на веранде, я прислушивался к лягушачьему концерту на болотах острова Пен-тал. Лягушачьи трели заполняли собой весь огромный простор, всю пустоту вокруг нас...

Я любил этот простор при дневном свете, но ночью мне казалось, что необъятная пустота и безмолвие уничтожают все, чем богата жизнь. Ночью не было железных дорог, электрического света, ни единого трепещущего огонька, не было автомобилей, телефонов. Это зимой. А летом лягушачьи концерты заполняли эту пустоту и тишину. Поэтому я любил лягушек.

И я думал: а как же Скотти Пири? Ведь он, случается,

по две-три ночи проводит на этом кишасщем лягушками острове.

Последнее время Скотти все больше стремился к уединению. Я знал, что сейчас он как раз на острове. Мы встретили на улице его мать и по ее печальным глазам поняли, что Скотти опять исчез. А потом я как-то ловил рыбу возле Келлиз-Клампа, и вдруг из кустов вынырнул Скотти. Не здороваясь, он спросил, когда начнутся занятия в школе.

— В следующий вторник,— сказал я.— Где ты пропал? Твоя мама с ума сходит...

— А когда будет вторник? — спросил он, не отвечая на мой вопрос.

— Сегодня пятница,— ответил я.— Значит, через четыре дня.

— Значит, сегодня уже пятница...— задумчиво повторил Скотти; он, как всегда, был бос, а это опасно — на острове полно змей.— Наловил чего-нибудь? — спросил он.

У меня были два окуня и небольшая треска.

— Тут нынче почти нет рыбы,— сказал Скотти.— Почему бы тебе не попробовать...

Он, видимо, хотел назвать какое-то другое место, но вдруг осекся; Скотти знал реку лучше любого из нас и всегда готов был поделиться с другими своим опытом, но сейчас что-то ему помешало.

— Ну, так что? — спросил я.— Где мне лучше половить?

— Да нет, теперь везде плохо,— сказал он и пожал плечами.

О Тэффе и Бо не было сказано ни слова. Я смотрел на Скотти и думал, что он, видно, примирился со своим поражением и решил, что, если даже Бо — это Тэфф, ничего тут не поделаешь. Разве под силу ему бороться с Эллисоном Эйром?

— Так ты во вторник придешь в школу? — спросил я. — Или останешься на реке?

— Это зависит...

— От чего?

— Ну, мало ли от чего, — сказал он уклончиво.

В руке у него была дубинка, которую он вырезал на случай встречи со змеей. Он сильно загорел, светлые волосы отросли и давно не расчесывались. По его глазам я видел, что у него что-то на уме.

— Ты рассказал своему отцу про выставку? — спросил он вдруг.

— Не пришлось. Об этом знает весь город.

Скотти удивился:

— Как это «весь город»? Кто им сказал?

— Все друг другу говорят. Ты что ж думал, никто ничего не видел?

— Ничего такого я не думал, — сказал он. — Но все-таки что говорит твой старик?

Для Скотти мой отец, когда дело касалось закона, был почти оракулом.

— Ну, насчет пони, — пояснил он.

— Он сказал, что для суда в таких случаях главное — в чьих руках предмет спора в данный момент находится.

— А что это значит?

— Это значит, что пони у Джоши, а не у тебя. Только это и идет в счет... Что это у тебя в мешке?

Скотти опустил мешок на землю и вынул большого лангуста.

— Хочешь?

— Ты можешь продать его в пивную за десять шиллингов, — сказал я.

— Я не хочу идти в город, — ответил Скотти. — Могу обменять на твою рыбу. Я ее сварю.

— Идет, — сказал я и отдал ему окуней и треску.

Потом уложил лангуста в холщовую сумку, где дер-

жал свои припасы, стараясь не подставлять пальцы и голый живот под огромные цепкие клешни.

— Смотри-ка! — сказал Скотти, показывая рукой за реку.

На дальнем берегу паслись пони Эллисона Эйра. Они медленно бродили среди высоких камедных деревьев, видимо ища тени. Мы смотрели, как табун ходит за вожаком, как пони толкают и кусают друг друга и, сбиваясь в кучу, становятся на дыбы.

— Неужели ты не видел, что тот пони — Тэфф? — вдруг спросил Скотти. — Ты не веришь мне, Кит?

Мне пришлось с минуту подумать.

— Поверю, когда буду знать, что Тэфф переплыл реку и пристал снова вон к тем диким, — сказал я. — Иначе никак не выходит, что Бо — это Тэфф.

— А другие тоже так думают?

— Не знаю. Но я думаю так.

— А может быть, вовсе он и не приставал к дикому табуну?

— Тогда, Бо — это не Тэфф. Бо-то взяли неприрученным... А ты уверен, что Тэфф не мог переплыть реку?

Скотти пожал плечами и ничего не ответил.

Я удивился. Похоже, что Скотти и сам стал в этом сомневаться. Может быть, сейчас он ищет по всей реке, где Тэфф мог перейти на другой берег посуху.

— Ты не нашел места, где он мог бы перебраться через реку, не замочив копыт?

Он покачал головой, поднял свой мешок, сказал «пока» и исчез в кустах.

В следующий вторник Скотти пришел в школу, как и все мы. На нем была новая, вернее, незнакомая нам рубашка, должно быть, перешитая из женской кофты. Мать подстригла ему волосы в кружок, на ногах у него были серые носки и черные башмаки с толстыми подошвами и заплатами из той же автомобильной покрышки,

что и у его матери. Но никто больше не смеялся над его одеждой. Мы привыкли. Да он и не стал бы терпеть насмешки и, как тигр с дерева, бросился бы на обидчика.

Итак, Скотти пришел в школу и вел себя как обычно. А когда занятия кончились, пошел домой вместе со мной и Томом. Спокойно, без прежних проказ, внезапных появлений и исчезновений.

— Может, он заболел,— сказал Том, провожая глазами удаляющуюся по шоссе одинокую фигурку Скотти.

— Подожди, дай срок,— заметил я.— Сегодня еще первый день...

Признаться, я был удивлен, что Скотти в первый же день покорно явился в школу. Это показалось мне очень многозначительным, но о чем это говорило?

Вечером мы всё узнали. За ужином отец сказал нам, что в субботу ночью исчез Бо!

Том прямо подпрыгнул на стуле.

— Он все-таки сделал это! — закричал Том.— Молодец Скотти!

Отец указал ему на неумение вести себя за столом, потом спросил:

— Кто и что сделал?

Отец знал, конечно, что имел в виду Том. Но он всегда требовал, чтобы мы выражали свои мысли четко и логично.

— Скотти Пири вернул себе своего пони,— торжественно объявил Том.— Бьюсь об заклад на что угодно!

— В моем доме ты не будешь биться об заклад, оставь эту австралийскую чепуху за дверью,— сказал отец.

А Джинни предложила Тому успокоиться и дать остальным послушать, что же случилось.

— Ну? — требовательно обратилась Джинни к отцу; ей одной в семье разрешалось чего-то требовать у отца.— Расскажи нам.

— О чем же вам рассказывать? — начал отец, как всегда уверенный, что внимание всех приковано к нему. — Я знаю только, что Эллисон Эйр сегодня утром сделал в полиции заявление о пропаже пони. Вот и все.

— Но, наверное, известно еще что-нибудь! — настаивала Джинни.

— Видимо, пони пропал в воскресенье на рассвете. Они искали его все воскресенье и понедельник, но в «Риверсайде» его не обнаружили. Поэтому Эллисон Эйр передал дело сержанту Джо Коллинзу и попросил принять меры.

Мы все еще нетерпеливо ждали продолжения.

— Что же будет делать сержант Коллинз? — спросила мать.

— Какие-нибудь глупости, не сомневаюсь.

— Обыск на ферме Энгуса Пири? — догадался Том.

— Возможно.

— И они обвинят Скотти в краже? — спросил я.

— Если найдут там пони.

— А пони заберут с собой? — поинтересовалась Джинни.

— Возможно...

Тут вопросы посыпались из Тома, как из рога изобилия:

— Но разве они могут просто так явиться на ферму Пири с обыском? Разве может сержант Коллинз заявить Скотти: «Это пони Джози Эйр» — и увести его к Эйрам?

— Не исключено, что именно так он и сделает, — сказал отец.

— Значит, Скотти обвинят в конокрадстве? — спросил я.

В нашей семье каждый имел уже кое-какие навыки юридического мышления, и мы понимали, что конокрадство — это тяжкое обвинение.

— Возможно, — согласился отец, неторопливо рас-

кладывая по тарелкам куски холодной баранины.— Но покамест они этого еще не сделали.

— Это несправедливо! — возмутился Том.— Как могут они назвать его вором за то, что он вернул себе своего пони?

Я думаю, отца удивила наша горячность. Он положил нож и вилку и внимательно оглядел всех нас.

— Никто не вправе отнять у Скотти пони, если это его пони,— сказал он наконец.— Об этом должен позаботиться закон, и это нетрудно сделать.

— Но как? — не отставал Том.

— Поживем — увидим,— сказал отец, и мы поняли, что сегодня мы от него ничего больше не узнаем.

Но я не мог успокоиться.

— Ты говорил, что владение спорным предметом — это девяносто процентов доказательства для закона,— заговорил я.— Но сейчас-то лошадью владеет Скотти.

Отец не отвечал. Он жевал баранину, челюсти его размеренно двигались, он смотрел прямо перед собой. Но я знал, что это не от отсутствия интереса. Все мы считали, что пони сейчас у Скотти,— значит, по закону девяносто процентов в его пользу...

Я даже думал, а не я ли сам натолкнул Скотти на мысль увести пони из «Риверсайда», когда там, на острове, передал ему слова отца?

Однако пони на ферме Энгуса Пири не оказалось.

Сержант Джо Коллинз и Эллисон Эйр приехали на ферму в «мармоне» хозяина «Риверсайда». Они, конечно, были уверены, что найдут Бо на выгоне или под навесом возле дома. Но там не было его и следа. А больше пони негде было спрятать на этой ферме.

Энгус Пири как раз работал в поле, и миссис Пири пригласила Коллинза и Эйра зайти в дом подождать. Они отказались. Эллисон держался вполне вежливо, он про-

то осматривал ферму, не спрашивая разрешения у хозяйки.

Энгус издали увидел машину Эйра. Он воткнул лопату в иссохший грунт и пошел к дому.

— Что вам, бездельникам, тут нужно? — проворчал Энгус, словно пес, защищающий свою конуру.

— Нам нужен пони, и ты это знаешь, Энгус, — сказал сержант Коллинз.

За сорок лет своей жизни Энгус Пири, видимо, не раз встречался с такой комбинацией, как сержант Коллинз и Эллисон Эйр: деньги и закон идут бок о бок. Но в те времена в Австралии можно было еще огрызаться.

— Какой пони? — спросил он.

— Пони моей дочери, — ответил Эллисон. — Две недели назад ваш сын пытался захватить его на сельскохозяйственной выставке. Вы, наверно, слышали об этом.

— Никакого пони он сюда не приводил, — сказал Энгус.

Непокорная земля и долги выжали из него все соки, и его изможденное лицо почти утратило человеческое выражение.

— Какой смысл прятать? — сказал сержант Коллинз. — Мы все равно его найдем.

Энгус предложил им убираться с его земли.

— Мы уйдем, когда покончим с этим делом, — возразил сержант Коллинз. — Желаете еще раз обойти территорию фермы, мистер Эйр?

— Не надо, Джо, — ответил Эллисон. — Очевидно, пони не здесь.

— Но Пири знает, где он, — настаивал Коллинз.

— Вы знаете, где находится пони? — обратился Эллисон к Энгусу.

Энгус Пири молча смотрел на него исподлобья и не отвечал. Так они и стояли друг против друга, а миссис

Пири застыла на ступеньках крыльца с чашкой и салфеткой в руках.

— Дурак ты, Энгус,— заговорил наконец Коллинз.— Если я найду спрятанного пони, я тебя арестую. И твоего парнишку тоже.

— Оставьте ребенка в покое!— рявкнул Энгус.— И катитесь прочь с моей земли, пусть дьявол дует вам в зад...

Наверное, он так и сказал. Вряд ли Скотти сам это выдумал ради пушного эффекта.

Уходя вместе с Эллисоном, Джо Коллинз пригрозил: — Мы еще встретимся, Энгус, будь уверен!

Так началась вражда между Пири и Эйрами. К концу недели повсюду в городе уже шли споры: увел Скотти пони у Эйров или нет? Если Скотти увел пони, где же он его прячет?

Сержант Коллинз, обшаривший не только ферму Пири, но и все соседние фермы, не нашел никаких следов.

— Послушай, Скотти,— приставали теперь к нему не только в школе, но и на улице, когда он шел домой,— увел ты пони или нет?

— Не суйте нос не в свое дело,— хмуро огрызался Скотти.

Он не пытался отшучиваться, поэтому нам все больше казалось, что он и впрямь где-то прячет Бо. В буше было достаточно укромных местечек. Но, конечно, рано или поздно Эйры при помощи полиции обнаружат его.

И мы наперебой гадали, как же все-таки Скотти сумел увести Бо. В том, что это сделал он, никто из нас больше не сомневался.

Говорили, что один из гуртовщиков Эллисона Эйра в ночь накануне исчезновения Бо видел на берегу какую-то маленькую фигурку. Первой заметила человека собака гуртовщика. Она залаяла, и неизвестный тут же бросился в воду и поплыл к другому берегу. Гуртовщик да-

не считал нужным сообщить об этом хозяину, потому что на берегу частенько можно было наткнуться на бродягу.

Один из школьников, Питер Пэллен, сын владельца гиража, сказал:

— Ну ладно. Допустим, он переплыл реку и пробрался на ферму Эйра. А потом что? Как он пролез в загон, где держали Бо? Это всего в полусотне шагов от дома. Да еще собаки!

Мы долго спорили и решили, что Скотти, переплыв реку, проделал немалый кружной путь, чтобы подойти к ферме Эйров с тыла. Невдалеке от дома был большой загон, в котором содержались лошади. Тогда, соображали мы, Скотти взял одну из лошадей — это было нетрудно, они все прирученные, — вымазался лошадиным навозом, чтобы обмануть собак, и незамеченный прошел с лошадью к ограде, за которой отдельный загончик был отведен для Бо.

Пока все получалось стройно и логично. Но остальное вообразить было труднее, и у нас начались серьезные разногласия: как же все-таки Скотти приманил Бо и, главное, как вывел его наружу?

Большинство согласилось, что Скотти воспользовался уздечкой Тэффа. Отодвинув в ограде планку, он заставил Бо пройти в открывшийся лаз, потом поставил планку на место и дал тягу.

— А как он переправил пони через реку?

Вот на этот-то вопрос и не было ответа. Если Скотти удалось уговорить пони ступить в воду и перебраться через реку, тогда Бо не был Тэффом. Мы ведь знали, что Тэффа никакой силой не заставишь подойти к воде.

— Ты все только путаешь, — сказал мне Боб Батчер, наш «профессор» и шахматный чемпион. — Это потому, что твой старик — юрист.

Возможно, что я и путал. Но, как и мой отец, я любил, чтобы на каждый вопрос был ответ.

Была еще одна-единственная возможность: Скотти нашел брод в реке. Сейчас ведь конец лета, вода стоит низко; у нас даже была такая игра: перебраться через реку, не замочив пяток. Но хотя я знал несколько сухих переправ на малой реке, на большой я таких не встречал. И тут я вспомнил о том, как Скотти хотел посоветовать мне рыбное местечко и вдруг запнулся и замолчал.

— Может быть, то место и было поблизости от найденного им брода?

— В субботу я пойду поищу,— сказал я Тому, поделившись с ним своими соображениями.

Но Том стал возражать:

— Если это место можешь найти ты, то и всякий другой его найдет. Лучше молчать об этом. И даже не думать.

— Полиция все равно будет шарить повсюду,— не соглашался я.— Какой же смысл молчать?

— Ты окончательно спятил! — возмутился Том.— Ты хочешь выдать Скотти полиции?

В конце концов мы решили, что, если даже я отыщу то место, я сохраню это в секрете.

Тем временем полиция официально начала розыски пони. И тут на сцену выступил мой отец.

Однажды сержант Коллинз явился в школу, вызвал Скотти из класса, отвел его в полицейский участок и учинил двухчасовой допрос. После чего он объявил Скотти, что тот предстанет перед судом по подозрению в краже, и укрывательстве пони, и в противодействии полиции при исполнении ею служебных обязанностей.

«Противодействие» Скотти заключалось в том, что он пытался вырваться и удрать от Коллинза еще по дороге из школы в участок и, кажется, нечаянно лягнул его.

Сержант Коллинз отвез Скотти на ферму. Его отцу было изложено обвинение против сына, и, так как в городе не нашлось адвокатов, пожелавших взяться за столь безнадежное дело, Энгус Пири обратился к моему отцу.

ГЛАВА X

Если бы Джо Коллинз с самого начала знал, сколь серьезно взялся мой отец за защиту Скотти, он, может быть, действовал бы иначе. Но он, кажется, забыл, что только такого рода дела мой отец и считал стоящими. Кроме того, в известном смысле отец и сержант Коллинз были старыми противниками — не потому, что мой отец не жаловал полицейских властей; наоборот, уважая полицию, он ожидал от нее многого. Возможно, даже слишком многого.

Для моего отца статьи закона были единственными твердыми и постоянными устоями в жизни. И когда полиция вольно обходилась с законом или неправильно его истолковывала, он кипел негодованием, словно поймав вора с поличным. Впрочем, если тот же Джо Коллинз просил его помочь разобраться в каком-нибудь сложном случае, он всегда шел навстречу.

На этот же раз он был возмущен поведением Коллинза, считая, что тот нарушил два основных правила полицейской службы.

— Во-первых, я не вижу, чтобы у него были какие-либо прямые доказательства, позволяющие выдвинуть обвинение в краже,— говорил нам отец за обедом.— Он просто старается незаконными методами запутать Энгуса Пири и получить от него пони. И, во-вторых, он не использовал всех имеющихся в его распоряжении

средств, чтобы отыскать пони. По сути дела, Коллинз нарушает закон, потому что за спиной у него стоит Эллисон Эйр.

Я достаточно знал, что такое суд, и понимал, что Эллисон легко выиграл бы этот процесс, не выступи против него такой фанатичный поборник законности, как мой отец.

Взявшись за дело, подобное делу Скотти, он становится похож на тигра, готового разорвать на куски любого, кто осмелился бы нарушить или оскорбить закон. Пока он еще не пришел в такое состояние, но некоторые признаки уже стали заметны, когда мы сидели за обеденным столом. Предстояла серьезная схватка — из тех, которые отцу по душе и которых должен был бы опасаться любой благоразумный противник.

И все-таки у нас в семье не было единодушия насчет дела Скотти.

— Эллисон Эйр просто хочет показать себя хозяином, как и во всем другом, — объявил Том.

Несмотря на свои десять лет, он уже многое знал о неравенстве положения богатых и бедных, о людях высшего и низшего сорта. Особую неприязнь питал он к богачам из нашей скваттеровской аристократии. Ему очень хотелось, чтобы именно против них повел на этот раз войну наш отец.

Но отец, кажется, не ставил во главу угла эту сторону дела. Едва ли его занимало здесь одно только грубое нарушение закона. Этот случай был для него типичным случаем с английским бедняком иммигрантом, поставленным в невыносимо тяжелые условия, а сейчас еще попавшим в лапы такого богатого коренного австралийца, как Эллисон Эйр. И отец решил добиться, чтобы Скотти по крайней мере перед лицом закона был поставлен в равное положение с Эйром.

Для отца это было очень важно. Он видел, что закон

применительно к беднякам сплошь и рядом толкуется произвольно.

Том более осторожно следовало применять законы и несовершеннолетним. Об этом принципе британской юстиции, на которой основывалась и австралийская, мы не раз слышали за обеденным столом.

— Так как же с ними можно сладить? — спросил я.

— Прежде всего я поговорю с Джоном Стрэппом, он собирается выступить в этом деле обвинителем от полиции. Я постараюсь убедить его, чтобы обвинение в краже, выдвинутое против Скотти, было полностью устранено из дела. Хотя, правда, Джон Стрэпп — постоянный адвокат Эллисона Эйра...

— Мистер Стрэпп ничего не станет устранять, когда узнает, что Скотти будешь защищать ты, — сказала Джинни.

— Это было бы так, если бы Стрэппу в руки попало верное дело, — возразил отец. — Но у него нет никаких реальных доказательств, и он будет выглядеть дураком, если пойдет в суд с таким шатким обвинением.

— Он не уступит, — настаивала Джинни.

Моя сестра училась в частной школе для девочек, единственной в Сент-Хэлен, где училась и дочь Стрэппа Эллон. Джинни постоянно ссорилась с ней, соперничество отцов отражалось в непрерывной войне между дочерьми.

— Посмотрим, — сказал отец. Больше он ничего не добавил.

Но тут разгорелся спор между мной, Томом и Джинни, которая оставалась пока на стороне Джози Эйр. Она, правда, не хотела, чтобы Скотти судили, но была уверена, как и большинство девочек в ее школе, что Скотти украл чужого пони и должен его вернуть.

— У Джози сто валлийских пони! — запальчиво воскликнул Том.

— Но они совсем не то, что Бо. Все знают, как Джози и Бо привязаны друг к другу. Она просто не может без него...

— Ей ничего не стоит приручить другого,— не сдавался Том.

— Ну, это будет не то же самое.

— Да хватит вам! — сказала мать.

— Разве я не права, Кит? — спросила Джинни, обернувшись ко мне.

Это был редкий случай: Джинни всегда считалась только с собственным мнением и не искала поддержки в споре.

Но я не знал, кто прав.

Мне было жаль Джози Эйр. Все ее жалели. Блю Уотерс рассказывал своим приятелям в «Белом лебеде», как плохо Джози без Бо. Она ведь лишилась не просто пони, а свободы передвижения в окрестностях «Риверсайда». И она наотрез отказалась от любого пони, кроме Бо. Только Бо!

— Она даже из дому перестала выходить,— докладывал Блю Уотерс собутыльникам, которые на все лады толковали о пропаже Бо, используя ценную информацию очевидца.

Пиво лилось рекой, Блю ораторствовал:

— Вам бы потерять обе ноги, посмотрел бы я на вас!

Из реляций Блю трудно было понять, как ведет себя Джози. Подавлена она или возмущена? Кажется, она отказалась даже от занятий на дому, пока ей не вернут ее обожаемого Бо.

— «Ты должен его найти!» — вот что она без конца твердит отцу,— сообщал Блю.

И Эллисон намерен был его найти. Ведь для Джози этот пони стал спасителем. Я понимал чувства Эллисона Эйра. Я даже готов был понять сержанта Коллинза, на которого оказывали такое сильное давление. Что ему

оставалось делать? И все-таки мои симпатии все больше склонялись к Скотти, хоть он и не был для меня образцом совершенства. Но кто из нас безупречен? А Скотти может стать жертвой несправедливости, если не сумеет как-то отстоять себя. А может, и отстоит — драться он умеет, мы все ценили в нем это качество.

Теперь, когда Скотти проходил по городу, на его лице был написан вызов: пусть ищут, пусть найдут, где он прячет пони! Пусть поймают его, если смогут. Посмотрим, чья возьмет...

Так держался Скотти и в школе. Он стал болезненно чувствительным, чуть что — рвался в драку, и мы остерегались задеть его каким-либо неосторожным словом.

Да, у Скотти не было бы никаких шансов выиграть дело в суде — по закону или в обход закона, — если бы его дело не оказалось в руках моего отца. Если бы не отец, дело Скотти не заняло бы и десяти минут. Но из этого следует, что ты не можешь быть перед законом равным своему противнику, если у тебя нет «равного» адвоката? Значит, главное — адвокат, а вовсе не закон?

— Ну так как? — настаивала Джинни, видя мои сомнения. — Разве я не права, Кит? Разве этот пони — не Бо?

— Скотти не взял бы его, если бы не был убежден, что это его пони, — сказал я.

Джинни только усмехнулась в ответ.

— Когда будет слушаться дело, если его передадут в суд? — спросила мать.

— На следующей неделе.

— И долго оно продлится?

— Несколько часов, вероятно.

— И это все?

— Я не могу тебе точно сказать, Ханна, — ответил отец, начиная, видимо, сердиться.

Я знал, что было у матери на уме: отец будет высту-

пать бесплатно. Родители Скотти не могли, конечно, заплатить, да отец и не взял бы у них денег. Мы поэтому и были очень небогатой семьей. Лишних денег у нас никогда не бывало. Отец часто отказывался от сомнительных дел, суливших большой гонорар, что, естественно, не способствовало его популярности среди состоятельных жителей города.

— Конечно, ты должен был взяться за это дело,— сказала мать примирительно и стала раздавать нам сладкое — не слишком сладкий рисовый пудинг; мы знали, что сахар ей приходится экономить, но мы уже привыкли и ели с аппетитом.

В воскресенье, накануне суда, на ферму к супругам Пири приехал Эллисон Эйр. На нем были куртка и серые брюки вместо обычных бриджей. Он остановился на ступеньках крыльца и окликнул Энгуса, который в это время завтракал. Когда Энгус вышел (Скотти шел за ним), Эллисон сказал, что хотел бы переговорить с ними.

— Вам бы только разговаривать,— кисло отозвался Энгус.— Говорите, что вам надо, и уходите с моей земли.

У Энгуса не было никакой причины быть приветливым с Эллисоном, к тому же он чувствовал, что раз уж Эллисон пожаловал к нему собственной персоной, значит, жди какой-нибудь каверзы. Больше того, мой отец предупредил Энгуса: не говорить о судебном деле ни с кем, особенно с «противной стороной». А тут сам главный противник явился для переговоров.

— Может быть, побеседуем в моей машине? — сказал Эллисон.— Она тут недалеко, на асфальте.— Он был вежлив и любезен.

— А зачем? — недоверчиво спросил Скотти.

— Помолчи! — сурово оборвал его Энгус.

— Моя дочь Джози в машине, и она хотела бы поговорить с тобой,— объяснил Скотти Эллисон.

— Парень не двинется отсюда,— сказал Энгус,— даже если вы привезли за ним в машине полицию.

— Уверяю вас, что в машине только моя дочь Джози,— сдержанно ответил Эллисон.— И все, чего она хочет,— это поговорить пять минут с вашим сыном. Я даю вам слово.

Энгус в нерешительности молчал. Скотти и вышедшая из дома миссис Пири стояли за его спиной, и все трое были как будто сконфужены вежливостью и предупредительностью Эйра.

— Пожалуйста, убедите их пойти, миссис Пири,— сказал Эллисон Эйр.— Вы мать, вы поймете меня.

Должно быть, хозяин «Риверсайда» в эту минуту забыл, что это из-за него Скотти вызывают в суд по обвинению в конокрадстве. А может быть, он и не думал о том, каково Скотти сидеть здесь, в грязи, на этой захудалой ферме, и ждать, когда его вызовут и станут судить как уголовного преступника.

— Она мать своего сына,— отрезал Энгус,— того самого, которого вы собираетесь засадить в тюрьму. Так что кончайте ваши хитрые заходы и убирайтесь с моей земли!

— Извините,— спохватился Эллисон.— Вы не так меня поняли. Но, может быть, вы, миссис Пири, все-таки подошли бы и поговорили с Джози? И ты тоже,— обернулся он к Скотти, не называя его по имени.— Я уверен, что тогда недоразумение разрешилось бы и ты бы не остался в накладе.

— Не остался бы в накладе? — насмешливо прищурившись, переспросил Энгус.

— Я думаю, лучше вам все же сначала повидаться с моей дочерью.

Скотти первый раскусил, чем дело пахнет.

— Не ходи, па! — быстро сказал он отцу.— Это лопушка!

Энгус снова велел ему помолчать.

— А зачем нам говорить с вашей дочерью? Что она скажет такого, чего не можете сказать вы?

— Дело не в этом,— сказал Эллисон, стараясь сдержаться.— Просто моя дочь хочет поговорить с вашим сыном и объяснить ему, что значит для нее этот пони.

— Какой пони? — сердито прервал его Энгус.— О каком пони вы толкуете?

Терпение Эллисона истощилось:

— Ну Пири, будьте же благоразумны, черт возьми!

Тут Скотти стал пятиться, чтобы улизнуть, словно Эллисон наконец раскрыл свои истинные намерения и собирался схватить его, как в тот раз, на выставке. Заметив это, Эллисон сказал:

— погоди, мальчик, не уходи. Одну минуту...

Если бы он сказал «Скотти», а не «мальчик» и заговорил бы с ним дружески, спрятав подальше высокомерие богатого скваттера, все, может быть, обернулось бы по-другому.

— Джози ведь не может подойти сюда,— сказал он, обращаясь теперь только к Скотти,— и я подумал, что ты не откажешься пойти к ней.

Это была вторая его ошибка. И Скотти уже понимал — и все они понимали,— что, приглашая их встретиться с Джози, с ее мертвыми ногами, Эллисон рассчитывал на милостыню от тех, кто сам нуждается в милостыне, на сочувствие тех, кто живет за чертой человеческого сочувствия.

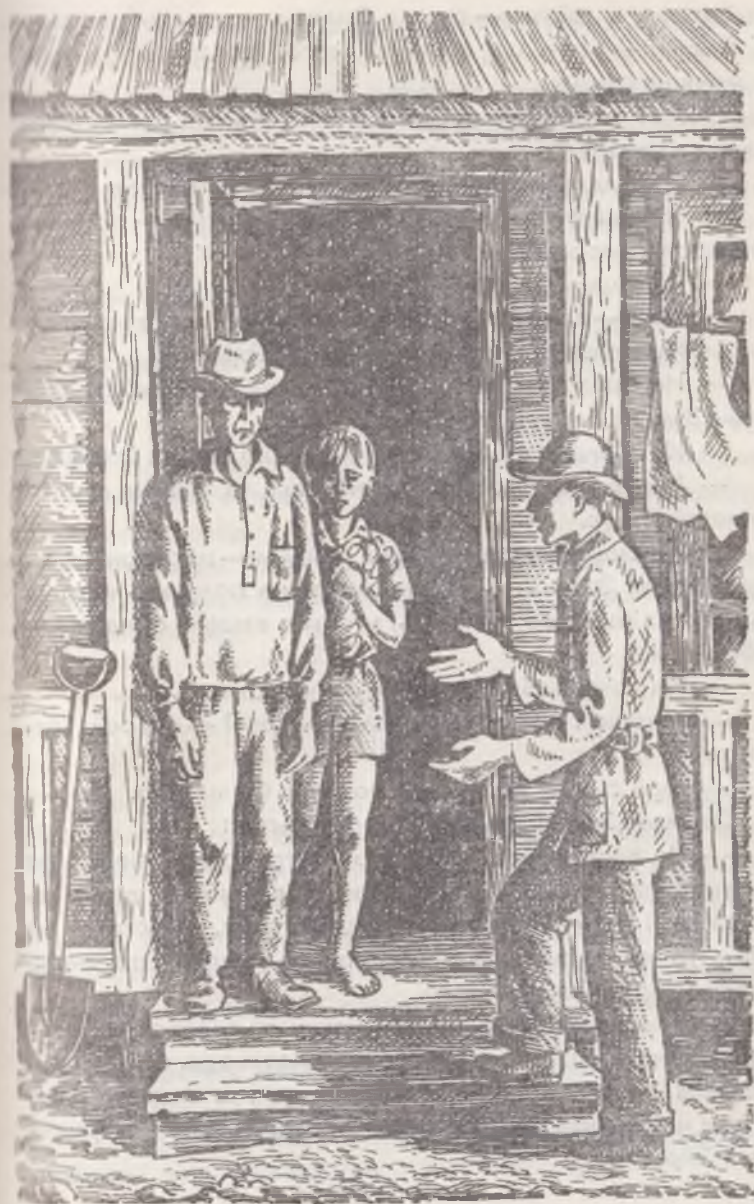
— Я не пойду,— сказал Скотти и попятился.— Я никуда не пойду с вами.

Эллисон понял, что ему не удастся растрогать этих людей, и сказал, словно примиряясь с неизбежным:

— Ну что ж, я все скажу вам сам.

— Ладно,— согласился Энгус.— Валяйте.

— Я предлагаю тебе любого пони, какого ты

выберешь в табуне,— сказал Эллисон, снова обращаясь к Скотти,— если ты вернешь того, которого ты взял у меня на ферме.

Скотти уже было собрался улизнуть, но тут остановился и крикнул:

— Не надо мне никаких ваших пони, мистер Эйр!

— Я уплачу сверх того двадцать фунтов,— добавил Эллисон, поворачиваясь к Энгусу.

— Двадцать фунтов...— повторил Энгус.

— Нет! — закричал Скотти, умоляюще глядя на отца.

— Не слушайте мальчика,— сказал Эллисон.

— Не брал я вашего пони! — кричал вне себя Скотти.— У меня нет вашего пони!

— Но я знаю, что он у тебя,— резко сказал Эллисон.

— Где же он тогда? Почему вы не нашли его? — спросил Энгус.

— В конце концов мы его найдем,— нахмурившись, продолжал Эллисон.— Но тогда вы не получите ничего. А я хотел было похлопотать, чтобы с вашего сына сняли обвинение.

— Он хочет тебя надуть! — кричал Скотти.

— Миссис Пири, а вы-то как думаете? — спросил Эллисон.

— Мой сын не крал у вас лошади. Он не вор.

Эллисон Эйр сделал еще одну попытку:

— Но послушайте, ведь это всего только пони. Вы можете получить хорошего пони и в придачу двадцать фунтов. Я сниму обвинение с вашего сына, и поставим на этом точку. Будьте же рассудительны, Пири. Это очень щедрое предложение...

Энгус молчал. Казалось, он начинает склоняться к тому, чтобы принять предложение скотовода. Но потом, призвав на помощь остатки гордости, а может, видя упрек и отчаяние на лице сына, он решительно повернулся к Эйру:

— Бесплезное это дело — являться сюда с вашими деньгами и дочерью. Мой сын не вор. И нечего совать мне двадцать фунтов, все равно не заставите меня признать, что мой сын — уголовный преступник, способный присвоить чужое. То, что у него есть, мистер Эйр, принадлежит ему. Вот и все, и не старайтесь сбить меня с толку. Прощайте, мистер Эйр, зря беспокоились. Прощайте!

Энгус повернулся и ушел в дом.

На минуту Эллисон остался наедине со Скотти. Скотти с вызовом смотрел прямо ему в глаза, и в глазах этих Эйр прочел безжалостную решимость.

— Ну ладно,— сказал наконец Эллисон.— Помоги тебе бог. Ты ответишь за то, что ты сделал с моей дочерью.

— Ничего я вашей дочери не сделал! — крикнул Скотти ему вслед.

И, наверное, Скотти нелегко было тогда удержаться от слез, хотя он и был готов бороться до конца — так же, как Эллисон Эйр.

ГЛАВА XI

Пони так и не нашли. И никто нигде его не видел. Попытка Эллисона нажать на Скотти провалилась. Я тоже не сумел найти такое место, где Скотти мог бы перевести лошадь через реку посуху. Правда, я обнаружил наскоро сооруженный загончик на той стороне, где бродил Скотти. В нем, видимо, недавно стояла лошадь, кругом был лошадиный навоз. Но, двинувшись глубже в буш, я понял, что занимаюсь пустым делом; Скотти не стал бы прятать пони долго в одном месте, к тому же слишком близко к городу.

Отец от Тома знал о моих поисках и как-то спросил, не нашел ли я чего-нибудь.

— Нет, ничего,— ответил я. Про загончик я решил молчать.

— Виделся ты с младшим Пири?

— Только в школе.

Это было в понедельник. До сих пор отец еще ни словом не перемолвился со Скотти. Он сказал, что этого не требуется. Энгус Пири зашел в контору отца рассказать ему о визите на ферму Эллисона Эйра. Но Эйр уже сам звонил отцу и просил его уговорить Пири принять его предложение.

— Эйр объяснил мне, что говорит это мне неофициально,— рассказывал нам отец, больше, правда, обращаясь к матери.— Эйр добавил еще, что предпочел бы уладить все как можно скорее, в приватном порядке, чтобы прекратить всю эту шумиху.

— А что ты ему ответил? — спросила Джинни.

— Мне пришлось сказать, что ему следовало с самого начала хорошенько обдумать свое поведение и не ездить на ферму Энгуса с сержантом Коллинзом и не угрожать семье Пири судом.

Отец, видимо, не осуждал Эйра за его предложение, просто он нашел в нем два серьезных промаха. Во-первых, он не должен был обвинять Скотти в краже, не имея серьезных доказательств; а во-вторых, предлагая денежное возмещение за возврат пони, он тем самым заставлял Скотти признать себя виновным в краже, а это нечестный прием.

В общем, мы поняли, что суд над Скотти состоится.

— А как мистер Джон Стрэпп? — спросил Том.

— Он отказался взять обратно обвинение, предъявленное Скотти,— ответил отец.

— Я говорила, что он откажется,— торжествовала Джинни.

— Стрэпп сослался на то, что Эллисон сделал семье Пири великодушное предложение и что после их отказа

у него не было другого выбора, как оставить обвинение Скотти в силе.

Заседание суда было назначено на среду. Джон Стрэпп уже сообщил, что вызывает трех свидетелей. Отец решил пока не вызывать никого, а там посмотреть по ходу дела.

— Все, что я могу,— это опровергнуть выдвинутое ими обвинение, используя их же собственные доказательства,— сказал он.

Поэтому он не вызывал к себе Скотти. Он, правда, просил Энгуса Пири привести сына утром в день суда к нам домой. Уходя в школу, мы с Томом видели, как Скотти сидел на ступеньках нашей веранды; на нем были серые штаны, рубашка, даже галстук и знакомые нам старые башмаки. Он был готов предстать перед судом.

Потом отец вместе со Скотти отправился в свою контору. Отец не очень умел беседовать с чужими детьми, поэтому нам было особенно любопытно узнать, о чем же они все-таки говорили.

Как потом выяснилось, это был очень важный разговор: от Скотти отец узнал гораздо больше, чем все мы и даже его собственный отец. Как бы ни относиться к моему отцу, довериться ему можно было вполне. И, видимо, Скотти доверился ему полностью.

Во всяком случае, самого Скотти в зале суда не оказалось. Это, кажется, было не по правилам, но отец велел ему держаться подальше от здания суда и даже отослал его в школу и строго наказал: не являться в суд иначе как с констеблем Питерсом, если его за ним пришлют.

— Ни с кем другим! — еще раз подчеркнул отец.

Председатель суда и обвинитель от полиции Стрэпп пожелали узнать, где находится Скотти. Почему мальчишка нет в суде? Почему мистер Квэйл, то есть наш отец, представляющий интересы Скотти, не привел его? Может

быть, мальчик скрылся?.. Нет? Тогда где же он? Просил ли мистер Квэйл полицию разыскать и привести его?

Я пристроился в задних рядах судебного зала. В школу я не пошел. Разве можно было упустить случай увидеть своими глазами все, что произойдет в суде! Даже наши мальчишки не верили, что моему отцу удастся выручить Скотти. Но отец был спокоен и сдержан, как всегда перед началом процесса. Правда, на расспросы о Скотти он ответил достаточно резко.

— Я прошу суд признать, что присутствие мальчика в судебном заседании пока не является необходимым,— сказал он.— При создавшихся обстоятельствах будет лучше, если ему не придется выслушивать попытки обвинения очернить его в глазах присутствующих...

С этого отец начал защиту, и председательствующий немедленно сделал ему замечание. Но сделано оно было больше для Эллисона Эйра, который как раз появился в зале. Возможно, судья решил показать ему, что намерен заставить моего отца держаться в надлежащих границах. Вполне в духе мистера Кросса (мы его звали «крисс-кросс»¹). В прошлом он был ходатаем по коммерческим делам, устраивал закладные под фермы и всегда старался быть на короткой ноге с «земляками-скотоводами» вроде Эллисона Эйра.

Два других судьи не были юристами — один занимался политикой, другой был землемером,— поэтому на них никто не обращал внимания, в том числе и отец. Он, кстати сказать, довольно спокойно воспринял замечание председательствующего.

— Мне просто не хотелось, чтобы мальчик слышал, как о нем говорят в тех выражениях, в каких составлено обвинение,— объяснил он.

Последовал протест со стороны мистера Стрэппа, обвинителя от полиции.

¹ Крисс-кросс — игра в крестики и нолики.

— Хорошо. Тогда позвольте мне сформулировать иначе,— вновь начал отец нарочито терпеливым тоном.— Если рассмотрение дела даст доказательства против мальчика, мы охотно предоставим его в ваше распоряжение. Когда это будет необходимо.

— Необходимо или нет, мистер Квэйл,— сердито возразил судья,— а мальчик должен быть здесь. Таков закон. И вы это знаете.

— Были прецеденты, ваша милость, когда несовершеннолетний обвиняемый отсутствовал при слушании дела.

И отец, вооружившись томами юридической литературы и собственными заметками, привел полдюжины примеров из австралийского судопроизводства времен колонизации, в том числе такой случай, когда сын губернатора вместе с сыновьями других влиятельных граждан был избавлен от присутствия в суде. Он процитировал также мнение суда присяжных о том, что присутствие на процессе может иногда рассматриваться как вредное для юного обвиняемого, что могут быть допущены исключения и т. д.

— Ну хорошо, хорошо,— сказал мистер Кросс, стараясь остановить поток примеров и исключений, тем более что тон у отца был довольно иронический.

— Таким образом, мое ходатайство принимается, ваша милость? — спросил отец.

— Ваше ходатайство принимается к рассмотрению,— раздраженно подтвердил судья Кросс.

Мне уже приходилось видеть, как отец заставляет суд переходить к обороне, но никогда он не выкладывал сразу все свои козыри.

Отец поощрял мой интерес к судебным заседаниям, считая, что мне полезно наблюдать закон в действии: ему хотелось, чтобы я тоже стал юристом. Но случилось так, что из зала суда я извлекал другие уроки, пристально

наблюдая человеческие драмы, страдания, нищету, запутанность человеческих отношений. Так я стал писателем. Зато Том с его обостренным чувством справедливости собирался пойти по стопам отца.

— Мистер Стрэпп,— сказал судья,— вы настаиваете на том, чтобы мальчик присутствовал на суде?

Дж. Стрэпп был довольно тучный мужчина и всегда носил умопомрачительной белизны рубашки и воротнички. Иногда он надевал даже галстук-бабочку. Моего отца он, видимо, считал неисправимым чудаком, от которого никогда не знаешь, чего ждать.

— О, я полагаю, что в данном случае мы можем разрешить нашему юному правонарушителю пока не присутствовать,— сказал Стрэпп довольно небрежно.

Мой отец неожиданно ударил ладонью по столу.

— Ваша милость! Если бы я назвал обвинителя (мне показалось, что отец сейчас скажет «жирной свиньей»)... ну, например, юридическим комбинатором, обвинитель, вероятно, стал бы решительно протестовать? Не правда ли, мистер Стрэпп?

— Извините,— скривился Стрэпп.— Я снимаю свою характеристику обвиняемого. И, ради бога, покончим с этим!

— Что ж, пожалуйста,— откликнулся отец.— Но я прошу суд проследить за тем, чтоб обвинитель и в дальнейшем избегал подобных выражений в адрес моего доверителя. Скотт Пери — мальчик с хорошими задатками, и никто в суде не вправе забывать этого...

— Вам слово, мистер Стрэпп,— поспешно сказал судья, и я услышал в его голосе некоторую нервозность, словно он уже не был уверен, что сумеет угодить Эллисону Эйру.

По мнению мистера Стрэппа, дело было очень несложным. Он подробно изложил историю появления Бо на ферме Эйра. Особенно детально было описано

происшествие на сельскохозяйственной выставке, а затем указано, что в ночь накануне пропажи гуртовщиком была замечена маленькая фигурка на берегу возле фермы Эйра.

Стрэпп особо подчеркнул, что единственным лицом, имевшим реальный интерес в похищении пони, был обвиняемый Скотти Пири.

— Вся совокупность обстоятельств, — сказал в заключение обвинитель, — и существенные доказательства, приведенные здесь, указывают на то, что похитителем может быть только Скотти Пири. Более того: у нас есть свидетель, сообщивший, что он видел, как обвиняемый ехал верхом на пони по берегу в ранний утренний час, сразу же после того, как исчез Бо.

Это было сюрпризом для меня, и я посмотрел на отца. Он писал что-то на листке голубой бумаги и лишь на мгновение задержал карандаш, потом снова принялся писать.

Стрэпп сказал, что не стоило бы придавать этому делу большого значения, если бы не одно обстоятельство: похищение пони доставило страдания и осложнило жизнь маленькой Джози Эйр.

— Мы просим суд решить это дело быстро и гуманно. Мы не стремимся быть мстительными. Мы не желаем никого карать. Все, чего мы хотим, — это возвращение пони. Но, конечно, все должно делаться по закону...

Мой отец слушал его совершенно спокойно, но тут прервал вопросом:

— Выступает ли обвинитель в интересах какого-либо клиента или он является обвинителем от полиции?

Некоторое время шли препирательства на эту тему. Потом судья спросил, не имеет ли отец сказать что-либо более существенное, прежде чем будут вызваны свидетели обвинения.

— Нет, не имею, — сказал отец.

Он обернулся и посмотрел в зал суда, я тоже невольно посмотрел. Зал был полон — редкий случай на обычных судебных заседаниях. Кое-кого из присутствующих я никак не ожидал увидеть здесь, в частности нашу учительницу истории мисс Хильдебранд. Она, конечно, заметила меня, так что мне будет нагоняй. Но почему она здесь?

Год назад она приехала к нам из большого города. Она была застенчива, легко краснела и с трудом поддерживала порядок в классе; особенно трудно ей приходилось с мальчишками из буша, вроде Скотти, которые совали ей в стол ящериц. Но вообще она была хорошая. Только почему все-таки она здесь?

— Пожалуйста, мистер Стрэпп! Вызывайте ваших свидетелей.

Первым свидетелем был сержант Джо Коллинз. Тот рассказал, как было дело на выставке, как затем исчез пони Эйров, указав при этом, что совершенно неясно, каким образом вор сумел увести его. Потом сержант сообщил о визите на ферму Пири, произведенном там обыске и, наконец, о самодельном загончике, который он обнаружил у реки (том самом, который видел и я).

— На песке мы нашли несколько следов, явно принадлежавших босому мальчику, а также следы копыт неподкованного пони,— сказал Коллинз.

Приступая к допросу сержанта, мой отец с минуту помедлил. Коллинз уже шагнул было, чтобы вернуться на место, полагая, что его миссия окончена, но отец, не подымая головы, протянул руку и остановил его.

— Сержант Коллинз,— начал он,— почему вы выехали на ферму Пири после того, как получили сообщение, что у мисс Джози Эйр пропал пони? Это было первое, что пришло вам в голову?

— Да, конечно,— ответил сержант Коллинз.

— Ясно. И вы отправились прямо туда?

— Да.

— И, прибыв туда, спросили у мистера Пири и его сына, куда они девали пони?

— Ну да, примерно.

— И что бы вы сделали, если бы нашли там пони? — спросил отец, выпрямляясь за испачканным чернилами столом.— Иначе говоря, как бы вы поступили в качестве официального лица?

— Я вернул бы пони законному владельцу.

— Мистеру Эйру или, вернее, маленькой мисс Эйр?

— Да.

— Вы уверены, что, как официальное лицо, вы сделали бы именно это?

— Да.

Стрэпп выразил протест, утверждая, что мистер Квэйл подсказывает свидетелю ответы. Но отец попросил судью разъяснить, является ли подсказкой, если он спрашивает полицейского, как тот понимает свой служебный долг. Председательствующий только нетерпеливо кивнул.

— Почему же вы отправились именно на ферму Пири, сержант Коллинз? Я подчеркиваю: почему именно туда?

— Я ведь уже сказал вам, потому что думал, что пони там,— язвительно ответил Коллинз.

— Нет, нет. Я спрашиваю, поехали ли вы туда, выполняя свой служебный долг, как представитель полиции, или потому, что мистер Эллисон Эйр велел вам поехать туда?

Стрэпп заявил строгий протест, и судья сказал отцу, что так ставить вопрос нельзя.

Отец покраснел от гнева.

— Я намерен ставить вопросы именно так,— сказал он резко.— В данном суде я вправе задавать любые вопросы, относящиеся к делу, а сержант Коллинз вправе

отвечать или не отвечать на них. Мой вопрос сержанту Коллинзу важен, и позже я покажу, почему он важен. Если он считает, что он только выполнял свой служебный долг, пусть он так и скажет. Именно это я хотел бы знать.

— Ну хорошо, хорошо,— сказал судья.— Но мне все это кажется несколько странным.

— Я настаиваю на четких формулировках, иначе нам не удастся вникнуть в суть дела,— сурово отпарировал отец.— Итак, вы считали, что ваш долг, мистер Коллинз, повелевал вам направиться прямо на ферму Пири?

— Да,— ответил Коллинз.

— Ясно. Но несколько месяцев назад пропал другой пони, принадлежащий мальчику, который здесь выступает в качестве обвиняемого. Вам это было известно, не так ли?

— Да.

— А как вы узнали об этом?

— Мистер Пири пришел и сообщил мне.

Я впервые услышал о том, что Энгус Пири ходил в полицию заявлять об исчезновении Тэффа; наверное, он не сказал об этом даже Скотти.

— И когда мистер Пири явился с этим заявлением, вы что же, прямо поспешили к мистеру Эллисону Эйру и спросили у него, куда он девал пони?

Сержант Коллинз растерялся:

— Почему я должен был ехать к мистеру Эйру?

— А почему все-таки вы этого не сделали?

— Почему не сделал?..

— Да, почему? Поехали же вы сразу на ферму к Пири, когда пропал пони Эйров, и спросили, где пони. С вами даже был мистер Эйр. Почему же вы прежде всего не пошли к мистеру Эйру, когда пропал пони у Скотти Пири?

— Это было бы смешно, мистер Квейл, вы же сами знаете.

— Ничего такого я не знаю. Разве есть какая-нибудь разница между Эллисоном Эйром и Энгусом Пири с точки зрения вашего долга как служащего полиции? Или ваш долг предписывает вам оказывать предпочтение первому?

— Нет. Конечно, нет.

— Тогда объясните ваше непоследовательное поведение, сержант Коллинз. Мне непонятно, как может официальный представитель закона поступать подобным образом.

Я все ждал, что Коллинз сошлется на то, что Скотти уже был к тому времени на подозрении из-за случая на выставке. Возможно, Коллинз и собирался об этом сказать, но отец не дал ему такой возможности.

— И еще один вопрос, сержант Коллинз. Вы говорите, что вы вернули бы пони законному владельцу, семье Эйров.

— Ну да...— сказал Коллинз уже более осторожно.

— Тогда скажите, пожалуйста, как вы могли удостоверить, что пони и есть тот самый, который принадлежит мистеру Эйру?

— Ну, а чей же он мог быть при таких обстоятельствах?

— А не мог это быть пропавший пони мальчика— при таких обстоятельствах?

— Ну, вряд ли...

— Ах, вряд ли.— Отец поднялся и подошел к маленькому пюпитру, за которым сидел Коллинз, что было необычным для отца в суде и даже, кажется, не полагалось.— Итак, вы не нашли пони на ферме Энгуса Пири?

— Нет.

— Тогда, помня о вашей присяге перед судом в качестве свидетеля, скажите мне: вы видели пони мисс Джози Эйр до или после пропажи?

— Нет, не видел.

— Вы его никогда не видели? Даже на выставке в тот день?

— Никогда не видел.

— И все же вы говорите, что если бы нашли пони на ферме Пири, то решили бы, что это пони мистера Эйра, хотя никогда его не видели. Так ведь?

— Но в данном случае, это был бы разумный ход, мистер Квэйл. В данном случае.

— Может быть, в ваших глазах это разумный ход, сержант, но я хочу спросить: кто дал вам право решать, что кому принадлежит? Как у представителя закона у вас нет права — не так ли? — решать, мой ли на мне галстук или не мой. Вы что же, сами назначили себя арбитром, судьей, стоящим выше закона?

Тут я понял, что отцу удалось взять дело в свои руки и что ни мистер Стрэпп, ни сержант Коллинз не дали себе труда разобраться как следует в сути вопроса. Я думаю, что ни тот, ни другой не были так глупы, как выглядели сейчас на суде, и мне даже стало немножко жаль, что Эллисон Эйр поставил их в такое дурацкое положение. Но, с другой стороны, я нисколько не осуждал отца за то, что он умело использует слабость их позиции: отсутствие убежденности, безразличие к истине, уверенность в том, что дело все равно будет ими выиграно.

Но вот мистер Стрэпп снова заявил протест.

— Во имя всего святого! — воскликнул он, поднимаясь, чтобы перебить отца. — Мой процессуальный противник изложил здесь свою точку зрения, нам было очень интересно выслушать ее, но ведь это ничего не меняет в существе дела. Мы здесь не для того, чтобы решать, правильно ли сержант Коллинз понимает свой служебный долг.

Отец принял замечание и не стал продолжать атаку на Коллинза, тем более что судья явно был согласен со Стрэппом.

— Да, мистер Квэйл,— сказал судья,— вы высказали свою точку зрения. А теперь нет ли у вас более конкретных вопросов к мистеру Коллинзу вместо этих туманных намеков?

— Нет. Пока нет,— сказал отец.

Сержант Коллинз торопливо поднялся с места, не чая, как выбраться наконец из нелепого положения. Но отец снова остановил его:

— Простите, я забыл спросить, сержант. Что вы предприняли для розыска пони Скотти Пири, когда вам сообщили, что он пропал и, возможно, украден?

— Я мало что мог сделать. Я позвонил в полицию городов Лайа и Мундоо и попросил заняться этим. Написал рапорт в полицейское управление округа и сообщил в городской загон для скота.

— Понимаю. А у мистера Эйра вы не спрашивали?

— Я же сказал вам, что не заходил тогда к Эйрам,— огрызнулся Коллинз.

— Я имею в виду вот что: не попросили ли вы мистера Эллисона Эйра быть столь любезным и приказать посмотреть его табун валлийских пони на случай, если пропавший пони Скотти Пири снова пристал к этому табуну?

— Нет.

— Жаль...— заключил мой отец, выразительно разведя руками.

Вторым свидетелем был Скиттер Биндл, гуртовщик из «Риверсайда», тот самый, который видел маленькую фигурку, переплывшую реку в ночь накануне кражи. Он сказал, что мальчика учуяла его собака и зарычала. А мальчик тут же бросился в реку, переплыл на ту сторону и был таков.

— Чертенюк плавает, как рыба,— сказал свидетель.

Мистер Стрэпп спросил его, знает ли он мальчика по имени Скотти Пири. Да, он видел его раньше. Тогда об-

винитель спросил, может ли свидетель утверждать, что мальчик, переплывший реку, был Скотти Пири.

— Да, по-моему, это был он,— ответил гуртовщик.

Тактика поведения моего отца на суде была достаточно гибкой. Иногда он будто и не слушал того, что ему отвечают, а в других случаях, наоборот, был весь внимание.

Именно так он повел себя сейчас. Учítывая печальный опыт Джо Коллинза, гуртовщик Скиттер был насто-роже, а отец словно гипнотизировал его вежливым и строгим вниманием к каждому его слову. В общем, наступил черед и для Скиттера.

— Какого цвета волосы у Скотта Пири, мистер Биндл?— спросил отец.

— Я не знаю,— сказал Скиттер,— вроде светло-коричневого, так мне кажется.

— А может быть, каштанового?

— Вы имеете в виду — рыжеватого? — переспросил Скиттер.

— Вот-вот. Рыжеватого.

— Да, пожалуй, чуть рыжеватого.

— Вы уверены?

— Да.

— Вам известно, мистер Биндл, сколько в Сент-Хэлене этих чертенят-мальчишек тринадцати лет с рыжеватыми волосами, которые плавают, как рыба?

— Нет.

— Я тоже не знаю, но, наверно, мог бы привести сюда с полдюжины. Что же помогло вам отличить Скотта Пири от других рыжеватых мальчиков?

— Собственно, ничего. Просто тот был похож на Скотта Пири.

— Ясно. Были ли на нем подтяжки?

Скиттер закатил глаза.

— Не знаю. Может быть, были. Я не видел.

— Послушайте, мистер Биндл, я стараюсь помочь вам, а вы как будто противитесь этому. Если вы не смогли увидеть, носит он подтяжки или нет, значит, вы находились не на очень близком расстоянии от него?

— Я был совсем близко, но не заметил, были ли на нем подтяжки.

— Вы не заметили. Тогда что же вы заметили? Назовите какой-нибудь один простой, неоспоримый признак, который убедил бы нас всех, что это был Скотт Пири, тринадцати лет, чертенок с рыжеватыми волосами.

— Очень трудно выбрать один какой-либо признак,— нагло вато усмехнулся Биндл.— Это был он, вот и все.

Тут мой отец словно утратил интерес к свидетелю, повернулся к Скиттеру спиной и неожиданно сказал, обращаясь к членам суда:

— Если обвинение основывается на уликах, подобных тем, с какими мы уже ознакомились, я напишу соответствующее представление в более высокую инстанцию. Это просто смешно!

Он бросил карандаш на стол и сел.

Председательствующий, кипя негодованием, предложил отцу высказывать подобные замечания в установленное для этого время, а не при допросе свидетелей.

— Иначе вы повредите своему клиенту и себе самому, мистер Квэйл,— добавил он.

Отец никак не отозвался на слова судьи, и тот разрешил Скиттеру Биндлу сесть.

Последним свидетелем обвинения был Алан Смит, инспектор штата по каналам и рекам, специалист по ирригации и борьбе с наводнениями. Он раз в месяц посещал Сент-Хэлен и работал в этой должности тридцать лет. Это у него можно было узнать, сколько примерно воды получают фермеры в засушливый сезон. Все в городе уважали его. Смит был высокий, худой человек с седыми волосами и усами.

Отвечая на вопросы Стрэппа, он сказал, что хорошо знает мальчика Скотта Пири, так как бывал у них на ферме и давал его отцу советы по осушению участка. Где же он видел Скотта Пири в последний раз? Он видел его в то утро, когда был украден пони у Эйров. Было это в пять часов утра возле отмели на большой реке, у буша. Мальчик ехал верхом на пони. Смит окликнул его, но тот, услышав его голос, ударил пятками пони в бока, пустился наутек вдоль берега и скрылся в буше.

— И вы уверены, что это был Скотт Пири? — торжественно спросил Стрэпп.

— К сожалению, да,— сухо подтвердил Алан Смит.

Это был сильный удар. Я ломал себе голову, как отец справится с неоспоримым свидетельством всеми уважаемого человека.

— Так вот, мистер Смит,— начал мой отец.— Вы рано встали в тот день. Что вы делали тогда на речном берегу?

— Я регулярно инспектирую все отмели.

— Понятно, вы ведь эксперт по нашим водным системам, не правда ли?

— Да.

— Вы, можно сказать, всю жизнь отдали изучению рек и каналов?

— Да, тридцать лет.

— А знаете ли вы кого-нибудь, кто после одного или двух лет практики мог бы тоже считаться экспертом в вашей области?

— Нет. Требуется намного больше времени, мистер Квэйл, чтобы научиться тому, что знаю я.

— Ясно. Вы, значит, считаете, что дело надо знать основательно. Именно поэтому вы хороший эксперт, так ведь?

— Видимо, так.

— Самоучка, например, даже толковый, не мог бы

знать столько, сколько знаете вы, и, возможно, допускал бы серьезные ошибки?

— Да, конечно. Но, откровенно говоря, я не вижу, к чему ведут ваши вопросы.

— Мы тоже не видим! — со вздохом сказал Стрэпп.— Но мы уже привыкли к таким вещам, мистер Смит, так что будьте терпеливы с моим процессуальным противником.

— Я вот к чему веду, мистер Смит,— спокойно сказал отец.— Являетесь ли вы экспертом, например, по валлийским пони?

— Нет.

— А экспертом по мальчишкам-школьникам?

— Нет. Едва ли.

— Наверно, в обоих этих вопросах вы считали бы себя дилетантом, способным допускать ошибки?

— Если вы так ставите вопрос, то да.

— Вы говорите, что видели в то утро мальчика Скотта Пири верхом на пони?

— Да.

— И он пустился наутек (это ваши слова), когда вы окликнули его?

— Да.

— А откуда вы знаете, что он пустился наутек?

— Это было видно невооруженным глазом.

— Признавая, что вы не эксперт в вопросе о поведении детей, мистер Смит, вы все-таки считаете возможным сказать, что мальчик вел себя именно так, а не иначе?

— Мне казалось это естественным.

— Так! Это уже ближе к делу: это казалось вам естественным. Ну, а пони вы хорошо разглядели, мистер Смит?

— Да, хорошо.

— Была у него подстрижена грива?

— Думаю, что нет,— чуть помедлив, сказал Смит.

— А хвост подрезан?

— Кажется, нет.

— Когда мальчик бросился наутек, как вы говорите, было ли ясно по поведению его и пони, что они спасаются бегством?

— Я не могу этого сказать: вы ведь сами предупредили меня, мистер Квэйл, что я не эксперт по детскому поведению. И уж тем более я не решаюсь судить о поведении лошади.

В зале послышался смех. Но отец только кивнул.

— Совершенно верно,— вежливо сказал он.— Вы честный человек, мистер Смит, и я ценю это. Значит, вы уверены в том, что на берегу видели мальчика?

— Да.

— И пони?

— Да.

— А какого пони? — Отец словно вцепился в Смита мертвой хваткой.

Мистер Смит заморгал.

— Ну-у,— протянул он,— это был один из валлийских пони, которых разводит мистер Эйр...

— Нет, нет! — нетерпеливо перебил его отец. — Я имею в виду, был ли это тот самый пони? Вы ведь знаете, что мальчика обвиняют здесь в краже пони у мистера Эйра. Так вот, пони, которого вы видели, и был именно тот, что украден у мистера Эйра?

— Я, право, не знаю. Это был просто пони. Вот и все, что я могу сказать об этом.

— Иными словами, вы говорите нам: «Откуда мне знать, был ли это тот самый пони, которого украли?»

— Да, если угодно.

— Итак, вы твердо уверены насчет мальчика, но вы не можете быть уверены, был ли пони, на котором он ехал, украденный или его собственный?

— Да, не уверен. Я не вдавался в подробности, мистер Квэйл. Меня попросили рассказать, что я видел, это я и пытаюсь сделать.

— Я хотел бы задать вам еще только один вопрос, мистер Смит,— сказал отец.— Я не высказываю предположения, я предлагаю вам самому решить: если бы вы видели этого пони очень близко, если бы вы потратили часы, даже дни на изучение его, могли бы вы тогда явиться в суд и сказать под присягой, что это и есть украденный пони?

— Нет, не мог бы, мистер Квэйл.

Отец жестом дал понять, что он кончил допрос и, по сути дела, доказал несостоятельность обвинения.

Потом отец оглянулся вокруг, словно недоумевая, что здесь, собственно, происходит. Но я понимал, что он еще не выручил Скотти из беды. Он отчасти поколебал показания свидетелей, даже высмеял их, но судьи были еще далеки от того, чтобы отпустить Скотти на все четыре стороны.

— Не полагаете ли вы, что было бы правильно теперь разрешить вашему юному доверителю предстать перед судом? — саркастически осведомился у отца судья.

— Отчего же? — небрежно бросил отец.— Пусть мистер Кафф пошлет за ним кого-нибудь.

Судья велел судебному приставу Каффу, старому однорукому солдату, послать констебля Питерса в школу и привести Скотти.

— Есть ли у вас еще какие-либо замечания, мистер Стрэпп? — обратился судья к обвинителю.

— Да нет...— сказал Стрэпп.— Мы ведь исходим здесь из фактов и доказательств, ваша милость, а не из хитроумных дискуссий и перекрестных допросов. Перед нами простое, достойное сожаления дело. Нам тоже неприятно судить ребенка. Но, я думаю, мы смогли показать здесь, что пони взял он. И, как это ни печально, обя-

занность закона и данного суда — действовать соответственно, невзирая на положение мальчика и на то, что будет еще говорить здесь мистер Квэйл. Закон не может уклониться от исполнения своего долга. Так пусть же свершится правосудие, невзирая ни на что!

Это было хорошо сказано. Стрэпп явно не хотел вдаваться в подробности: дело приняло такой оборот, что чем меньше он будет говорить, тем лучше. Так что отец не мог пока еще считать себя победителем. Он не любил Стрэппа, но считался с ним, поскольку Стрэпп тоже хорошо знал законы, хотя, по мнению отца, был слишком многословен в своих выступлениях.

— Итак, мистер Квэйл, я думаю, что в заключительном слове вы намерены сказать нам кое-что в назидание,— кисло сказал судья.

Настал момент сделать решительный шаг, если отец не хотел проиграть дело.

— Если суд нуждается в назидании,— начал отец,— тогда я, конечно, готов оказать ему эту услугу. Я надеюсь, что к моим словам внимательно прислушаются и судьи и все, кто находится в этом зале. Ибо речь идет о вещах гораздо более серьезных, чем заурядная кража пони. Мои ученый коллега мистер Стрэпп упомянул о правосудии. Пусть свершится правосудие, сказал он. Но что такое, по сути дела, правосудие?

— Ваша милость! — Стрэпп даже застонал от возмущения.— Если нам собираются читать лекцию о том, что есть правосудие, то я предложил бы отложить заседание, с тем чтобы мы могли отдохнуть, подкрепиться и приготовиться выслушать замечательное определение правосудия, хотя пока это не удавалось даже самым великим умам.

— О нет, сэръ! — повысил голос отец, прежде чем судья успел раскрыть рот.— Мой противник, надеюсь, не хочет сказать, что обращение к сути правосудия излиш-

не, неуместно или безнадежно.— Он повернулся к Стрэппу.— Обвинитель сказал: пусть свершится правосудие. Очень хорошо. Но я хотел бы спросить: о каком правосудии вы здесь толкуете? Вернее, я хотел бы подчеркнуть, что здесь имеет место явное нарушение закона. И независимо от того, каким будет решение суда, я этого так не оставлю, потому что данное дело вообще не должно было стать предметом разбирательства в суде!

— Давайте посмотрим, что же все-таки произошло,— продолжал отец.— Пропали два пони. Мальчик, сын бедного иммигранта, лишился лошади, и богатый человек тоже лишился лошади. Когда пропала лошадь у мальчика, полиция ограничилась выполнением формальностей и фактически ничего не сделала для того, чтобы ему помочь. Поэтому, когда мальчику показалось, что он обнаружил своего пони у мисс Джози Эйр, он попытался там, на выставке, силой вернуть его себе. Полиция, естественно, пресекает его попытку и препровождает его домой. Спустя некоторое время исчезает пони у Джози Эйр. Что предпринимает полиция? При поддержке мистера Эллисона Эйра она всей тяжестью обрушивается на мальчика. Итак, что мы видим? Равенство всех перед законом явно нарушается: одни правила применяются к мальчику, а другие — к взрослому. Ребенка обвиняют в воровстве, а взрослого обвинить никому даже в голову не приходит.

Я должен заявить суду следующее: если мальчик будет признан виновным, я перенесу это дело в более высокую инстанцию, и там, надеюсь, оно будет расследовано надлежащим образом, то есть мистер Эллисон Эйр будет вызван в качестве свидетеля, и я буду иметь возможность подробно допросить мистера Эйра о его прямой или косвенной роли во всей этой истории.

Судья постучал по столу костяшками пальцев.

— Мистер Квэйл,— сказал он раздраженно,— прошу

вас не высказывать угроз в адрес лица, которое не является, строго говоря, свидетелем в этом деле.

— В таком случае, сэр,— подхватил отец, постучав точно так же пальцами по своему столу,— не хотите ли вы, чтобы я попросил вас вызвать мистера Эйра свидетелем сейчас же?

— Вы меня не так поняли,— поспешил сказать судья, испугавшись одной мысли, что Эллисона Эйра усадят на скамью свидетелей.

— Нет такой статьи закона,— гневно продолжал отец,— которая запрещала бы мне упоминать имя или действия любого лица, так или иначе связанного с делом. Разве мистер Эйр не является владельцем пони, в краже которого обвиняется мальчик? Вы что же, запрещаете упоминать здесь мистера Эйра?

Отец умело воспользовался замешательством судьи и обвинителя. Я почти уверен, что в записке, посланной Стрэппом председательствующему, было написано примерно следующее: «Ради бога, постарайтесь замять это, Джек, и заставьте его перейти к другим вопросам».

— Я не запрещаю вам ничего, что не противоречит закону,— промямлил наконец судья.

— Вот почему я и держусь за закон обеими руками,— сказал отец, глядя прямо в глаза судье.— Все это дело с самого начала — сплошное нарушение закона. Конечно, мистер Эллисон Эйр был очень расстроен, когда пропала лошадь его больной дочери. Но то, что за этим последовало, выглядело так, будто полиция задалась единственной целью — любой ценой и как можно скорее вернуть мистеру Эйру пропавшего пони. Вы, господа судьи, слушали здесь показания сержанта Коллинза. Он, а не суд решил, что любой пони, которого он увидит на ферме Пири, будет пони мистера Эйра. Ну, а если бы он, скажем, забрал у мальчика пони, много ли было бы у Скотта Пири шансов получить его обратно? Помогла

бы ему тогда полиция против мистера Эйра? Где же в этом случае равенство перед законом?

— Вы делаете слишком широкие обобщения, мистер Квэйл,— недовольно сказал судья.

— Да, конечно. Я делаю это намеренно.

— Мы это очень ценим, но если у вас есть какие-либо конкретные соображения, прошу вас высказать их.

— Хорошо, ваша милость. Мои основные соображения следующие. Уголовное преследование несовершеннолетнего Пири не должно было иметь места: полиция не должна была оперировать тем, что «казалось». Сначала следовало установить, что у мальчика есть пони, затем доказать, что это — пони мистера Эйра, и лишь после этого передать дело в суд. Но сержант Коллинз вообще никогда не видел этого пони и понятия не имеет, какого пони он собирается конфисковать. Вопрос, который следует решить прежде всего,— это вопрос о пони.

— Во имя всего святого, ваша милость, разве не этот именно вопрос мы с вами старались здесь выяснить? — вмешался Стрэпп.

— Нет,— возразил отец.— Здесь стоит вопрос о мальчике. И похоже, что некоторые лица используют закон против мальчика: запугивают его, угрожая законом, чтобы он выдал им пони и они могли бы вернуть его мистеру Эллисону Эйру. Но я говорю вам: этого не случится, какое бы решение ни вынес суд.

Теперь уже отец угрожал авторитетом закона, который знал досконально, и спор начинал принимать совершенно другое направление. И все же я почувствовал, что свой главный козырь отец еще не открыл.

Судья снова недовольно постучал костяшками пальцев по столу.

— Вы высказываете совершенно недопустимые суждения, мистер Квэйл, я не могу позволить вам продолжать в том же духе!

Отец даже не взглянул на него, он смотрел куда-то вверх, через голову председательствующего.

— И так, я повторяю,— сказал он, словно не слыша предупреждения,— суть вопроса в пони.

— И что же дальше? — воскликнул судья.

— Дальше... У нас есть пони...— медленно произнес отец.

— Что?! — вскочил Стрэпп.

— Да, да, у нас есть пони. Мы этого не отрицаем. И никогда не отрицали.

— А чем же, черт возьми, вы здесь занимались все это время? — закричал побагровевший Стрэпп.— Вы только и делали, что отрицали.

— Я только стремился доказать, что мой подзащитный не украл пони. И когда свидетели говорили, что видели его верхом на пони, я только старался выяснить, твердо ли свидетели уверены, что это был именно украденный пони. И ни один из свидетелей не пожелал подтвердить это под присягой. Ни один. Они ясно говорили, что они этого не знают.

— Так где же пони, мистер Квэйл? — сердито спросил судья.

— Одну минуту, ваша милость. Я прошу внимания. У нас есть один пони и есть два претендента на него. Каждый из них утверждает, что пони принадлежит ему. Бо ли это, принадлежащий мистеру Эйру, или это Тэфф, принадлежащий мальчику Скотту Пири? Вот в чем вопрос. И его надо разрешить средствами правосудия. Обоих претендентов надлежало бы поставить в равное положение перед законом, если бы, конечно, мистер Эллисон Эйр счел возможным выступить в суде против Скотта Пири. А такими бесчестными...

— Мистер Квэйл! — прервал его судья.

— Хорошо, я не стану повторяться. Но только участие в суде дало бы возможность человеку такого

положения, какое занимает мистер Эллисон Эйр, действовать достойно, вместо того чтобы способствовать преследованию мальчика...

— Я решительно протестую! По праву, предоставленному мне законом!..— Слова беспорядочно слетали с толстых губ мистера Стрэппа.— Перед глазами мистера Эйра была его несчастная дочь...

Отец резко повернулся к нему.

— Вы забываете, что у нас перед глазами также несчастье мальчика,— процедил он сквозь зубы.— Своим обвинением вы усугубили несчастья, которых и без того было немало в его жизни. Ведь не маленькая же мисс Эйр предстает перед судом. Вы преследуете оборванного, полуголодного тринадцатилетнего мальчика. Разве ваше обвинение — не новое несчастье для него после пропажи его единственного пони? Может быть, мне процитировать слова Шейлока о боли, которую причиняет несправедливость?

— Излагайте, пожалуйста, ваши соображения по существу дела,— сказал судья, стараясь остановить отца, который все больше распалялся.

— Мои соображения очень просты,— сказал он, устремив взгляд на Эллисона Эйра.— Я предлагаю снять обвинение в уголовном преступлении со Скотта Пери без всяких последствий для него. Затем, если мистер Эллисон Эйр пожелает, он может избрать другую форму иска против моего доверителя, не выставляя его в качестве вора с целью отнять у него пони.

— Ну нет! Ну нет! — воскликнул мистер Стрэпп.

— Тогда пусть мистер Эйр докажет, что это его пони,— продолжал отец, глядя теперь на Стрэппа.— Пусть предоставит суду решить, Бо это или Тэфф. А если обвинение будет продолжать свою игру, обвиняя Скотта Пери в уголовном преступлении, мне придется доказать, что в нарушении закона замешан еще целый ряд лиц.

— Но где же все-таки пони? — спросил снова судья.

— Да, ваша милость, я настаиваю на том, чтобы пони был предъявлен! — крикнул Стрэпп.

— Кому? — спросил отец.— Мистеру Эйру? Сержанту Коллинзу? Оба они давно решили, кому принадлежит пони. Нет уж, извините!

— Ваша милость! — вскочил Стрэпп.— Мистер Квэйл намеренно утаивает от суда вещественное доказательство!

— Какое доказательство? Докажите, если можете, чей это пони, а потом обвиняйте меня во всех смертных грехах. Откуда вы знаете, сэр, что это как раз тот пони, о котором вы толкуете здесь? Докажите это!

— Прошу вас, джентльмены! — воскликнул судья, видя, что отец и мистер Стрэпп уже готовы столкнуться лбами.— Так не годится. Садитесь, оба садитесь.

— Я стою, потому что делаю свои заключительные замечания,— возразил отец.— Вы предлагаете мне прекратить, ваша милость?

— Я только предлагаю обеим сторонам вести себя надлежащим образом,— сказал судья.

— Но, ваша милость, я настаиваю: защитник скрывает вещественное доказательство! — твердил Стрэпп.

— Можете повторять это без конца,— заметно успокаиваясь, ответил отец,— но я не позволю предъявить пони раньше, чем с мальчика будет снято обвинение в том, что он украл свою собственную лошадь. У него давно был пони. И теперь есть. Это его псни. Преступления тут нет. И ни один порядочный суд не признает это преступлением.

Стрэпп вздохнул, видимо, понимая, что его карта бита.

— Я еще раз предлагаю снять обвинение против мальчика,— сказал отец. Он услышал вздох Стрэппа.— Я приглашаю мистера Эйра участвовать в качестве сторо-

ны при решении вопроса о том, кому принадлежит пони, который находится у моего клиента: Бо он или Тэфф.

Я видел, как Эллисон губами делает знаки Стрэппу: «Да, да, да, только пусть они приведут пони».

— Мистер Стрэпп,— устало проговорил судья,— есть у вас замечания к предложению мистера Квэйла?

Прошло довольно много времени, пока мистер Стрэпп приводил в порядок мысли, и я видел, как он то-ропливо написал что-то своему помощнику (у отца моего не было помощника, пока Том не вступил в эту должность). Наконец Стрэпп нехотя встал.

— Трудно сделать какие-либо замечания, ваша милость, которые не выражали бы негодования и осуждения тех методов, какими пользуется здесь мой процессуальный противник. Но,— добавил он поспешно, не давая отцу вставить слова,— мы все заинтересованы в правильном решении существа дела. И если предложение мистера Квэйла поможет урегулировать этот злосчастный конфликт мирно, то мы готовы снять обвинение, но при условии, что пони будет предъявлен,— он дважды повторил это условие,— и будем рекомендовать, чтобы вопрос был решен иным путем, как это предлагает и мистер Квэйл.

Послышался смех, шум и иронические возгласы в зале, кое-кто принялся аплодировать. У нашей учительницы мисс Хильдебранд пылали щеки, она счастливо улыбалась.

Подумать только: мисс Хильдебранд, оказывается, тоже на стороне Скотти! А я-то считал, что она не простит ему ящериц...

— Если суд позволит,— заговорил отец, когда судья восстановил относительный порядок,— есть одно обстоятельство, которое я хотел бы уточнить. А именно: мы представим пони только в том случае, если обеими сторонами будет строжайше соблюдена буква закона, пре-

дусматривающего подобные случаи. Пони будет передан в полицию, его поместят в полицейский загон, где он будет находиться под неусыпным надзором полиции при гарантии, что не будет допущено никакого вмешательства сторон, иначе как по обоюдному соглашению. Мы передадим пони только на этих условиях, которые не должны быть нарушены никем и ничем.

— Прекрасно! — сказал судья. — Только это не моя задача — давать указания полиции, как ей выполнять свои обязанности.

— Тогда я попрошу сержанта Коллинза заверить честным словом, что будет соблюден изложенный мною порядок.

Коллинз встал:

— Я могу заверить суд, что мы будем охранять пони, как положено.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал отец. — Но необходимо строгое соблюдение буквы закона. Нарушение повлечет за собой серьезные осложнения.

— О боже милостивый! — простонал Стрэпп.

— Итак, мистер Стрэпп, вы снимаете обвинение Скотта Пири в краже? — спросил окончательно потерявший терпение судья.

— Да, ваша милость, мы снимаем обвинение.

— Тогда пусть будет занесено в протокол, что обвинение снимается с повестки дня суда.

Так была восстановлена гражданская честь Скотти, и как раз в это мгновение констебль Питерс ввел его в зал суда.

Вид у Скотти был довольно всклокоченный, но на его загорелом лице была написана решимость бороться.

— Привет, Скотти! — крикнул кто-то из зала.

Это был старик Питерсон, ночной сторож лесного склада. Он любил пошутить с нами, школьниками. Бывало, даст шестипенсовую монету и наказывает купить

«полосатой краски». И мы уж знаем, что это он дарит нам монетку.

К Скотти подходили, хлопали по плечу. Вокруг Эллисона Эйра тоже вертелись люди, что его здорово раздражало. Картина была весьма примечательная. Город на глазах раскололся на два лагеря: одни — за Скотти, другие — за Эллисона или, точнее, за Джози.

— К порядку в суде! К порядку! — прокричал судебный пристав Кафф.

— Я велю очистить зал, если не прекратятся эти демонстрации! — крикнул и судья.

Но публика уже расходилась. Было объявлено очередное дело — тяжба двух братьев.

Все еще надеясь, что отец не видел меня, я пробрался через толпу к двери, вышел на улицу и побежал. Не успел я завернуть за угол, как меня окликнули:

— Кит! Кит Квэйл!

Это была мисс Хильдебранд. Я знал, что она заметила меня в суде, и остановился, надеясь уговорить ее не жаловаться на меня директору.

— Что ты тут делаешь? — спросила она громко и покраснела.

Она краснела, даже застав нас за какими-нибудь проказами, и всегда говорила громко, стараясь быть строгой и суровой. Ей это никогда не удавалось.

Оправдания мне не было, и я переминался с ноги на ногу, сжидая заслуженной взбучки.

— Ну ладно,— сказала она.— Пойдем в школу.

Идти с учителем не очень-то приятно в любое время, а уж с мисс Хильдебранд, да еще при таких обстоятельствах, тем более.

— Твой отец — очень умный человек,— сказала она.

— Я знал, что он выручит Скотти,— гордо ответил я, хотя не был в этом уверен до самой последней минуты.

— Я думала, что они отправят Скотти в тюрьму. Если бы они так сделали,— добавила она, по своему обыкновению, смущаясь,— я бы встала и заявила протест.

— В суде, мисс Хильдебранд?

— Да. Именно в суде.

Я был поражен. Мысль о том, что эта робкая, легко краснеющая женщина могла подняться в суде и протестовать, привлекая к себе всеобщее внимание, казалась настолько невероятной, что я только подумал: сколько же волнения вызвало в городе дело Скотти!

— Я не могла видеть, как несправедливо с ним обращались,— продолжала она.— Скажи, пожалуйста, отцу, что им восхищаются.

— А как вы думаете, что случилось бы со Скотти, если бы мой отец не взялся его защищать? — спросил я.

— Страшно подумать,— сказала мисс Хильдебранд; ее легкие, быстрые шаги словно сопровождали нашему разговору.— Они быстро осудили бы его и, наверно, посадили бы за решетку, если бы он не сказал, где пони. Но я убеждена, Кит, что это его пони. Не может быть, чтобы это был пони Джози Эйр. Я просто не могу поверить...

ГЛАВА XII

Когда мы пришли в школу, было уже ясно, что мисс Хильдебранд не пожалуется директору. Вместо этого она велела мне сто раз написать: «Мы должны уважать того, кто ищет справедливости для всех». Я воспринял эти слова как комплимент моему отцу да и самой мисс Хильдебранд за ее решимость защищать Скотти. В то же время я все-таки понес наказание. Таким образом, справедливость была восстановлена. С тех пор я еще больше стал уважать нашу учительницу истории.

Учителя в классе еще не было, и мое сообщение о том, что обвинение со Скотти снято, было встречено громкими одобрительными криками половины класса. Правда, раздалось и кошачье мяуканье противников. И немедленно разгорелся яростный спор. Он продолжался до тех пор, пока одна из девочек, Джиль Адамс, не спросила меня:

— Но они установили, что Скотти увел пони?

— Ну конечно! — И я рассказал, как мой отец признал это в суде.

И снова — взрыв одобрения одних и возмущенные крики других.

А когда я сказал, что теперь суд будет решать, кто этот пони — Бо или Тэфф, — началась уже настоящая перепалка. Может ли суд вообще решить такой вопрос?

— Неужели это все, чего твой старик мог добиться? — спросил кто-то.

— А этого мало? — возмутился я. — Не может же Скотти бесконечно прятать Тэффа. Они нашли бы его, и Скотти не видать бы пони как своих ушей.

— Они и должны были найти пони и отдать его Джо-зи Эйр, — сказала Пинни Пайпер, лучшая наша исполнительница шотландских танцев. — Все знают, что Скотти переплыл реку и украл его.

— А я никак не пойму, каким образом суд может установить, чей это пони, — настаивала Джиль Адамс. — Все пони у Эйра как близнецы.

Мне пришлось признаться, что я и сам не знаю, каким именно способом суд может это установить.

— В таком случае, его получит Джо-зи Эйр, — заявил сутулый, длинноногий Боб Снид, завзятый пессимист. — Они ни за что не дадут Скотти оставить его у себя.

Только теперь мы заметили, что учитель английского языка мистер Кэннон стоит в дверях и слушает. Мы стали рассаживаться, а он подошел к своему столу.

— Ты был сегодня в суде, Квэйл? — спросил он.

— Да, сэр, — сказал я.

— Доложил ты об этом директору?

— Нет, сэр. Мисс Хильдебранд видела меня там и задала мне написать сто строчек.

— А что она велела тебе написать?

— «Мы должны уважать того, кто ищет справедливости для всех».

— Тогда я даю тебе написать пятьдесят раз нечто другое: «Я никогда не должен идти против закона, даже если он кажется мне несправедливым».

Я удивился. Нам всегда нравился мистер Кэннон, потому что он был хорошим футболистом — быстрым и точным. Но он явно примкнул к противоположной стороне, и я во второй раз за этот день изменил свое отношение к человеку.

Когда вернулся в школу Скотти, все началось сначала.

На перемене десятка два ребят собрались вокруг него у старой колоды, издавна лежавшей на школьном дворе. Всех нас интересовало, где он скрывает пони, когда приведет его и как он догадался, что это Тэфф. И самое главное — какой секретный знак он собирается поставить на пони, чтобы сержант Коллинз или Эллисон Эйр не подменили его. Одни советовали впрыснуть в ухо синей краски, другие — намазать дегтем хвост, третьи — забить в копыто пенсовую монету.

— Ничего этого мне не надо, — сказал Скотти, — я и так его всегда узнаю.

— Послушай, ты все-таки сделай какую-нибудь отметку, чтобы знали о ней только мы, — настаивал Джек Синглтон, страстный любитель кино; он носил очки с толстыми стеклами, а большой палец на руке у него был кривой. — И самое лучшее, — добавил Джек, — это поставить клеймо каленым железом.

— Ну да! — возразил Боб-пессимист. — Они сразу заметят и поставят такое же на другом пони.

Скотти молча слушал наши споры и советы. Он все еще был под впечатлением суда и явно обрадовался, когда раздался звонок и надо было возвращаться в класс. А как только занятия кончились, он мгновенно исчез. Мы с Томом уходили из школы под шум нового спора между враждующими партиями.

Оказалось, что Скотти ждет нас возле дома доктора Тэплоу. Башмаки, в которых он явился в суд, висели теперь на шнурках у него на шее. Он, как обычно, неожиданно вынырнул откуда-то нам навстречу.

— Послушай Кит, — сказал он, — твой отец сказал, что надо привести Тэффа. Говорит, что если это действительно Тэфф, то он его отстоит. Как, по-твоему, он может доказать это?

— Я не знаю, Скотти, — признался я. — Но раз он говорит, значит, может. Вот только ты сам-то уверен, что это действительно Тэфф?

— Я-то уверен. Но почему бы тебе не спросить, как он будет это доказывать?

— Я попробую.

— Мне надо знать.

— А почему ты не спросишь его сам? — сказал я Скотти.

— Мне не хочется спрашивать у него.

Я его понимал. Даже нам не так просто было задавать отцу вопросы, что уж говорить о Скотти.

— Попробую, — повторил я. — Но не думаю, чтобы отец что-нибудь сказал мне. Когда ты приведешь Тэффа?

— Завтра утром. Твой отец будет ждать меня у полицейского загона в половине девятого.

— Не беспокойся, Скотти, — сказал я, — отец знает, что делает.

— Он говорит, что пройдут недели, пока соберется

новый суд по этому делу, а пока Тэффа будут держать в полицейском загоне...

Мы втроем шли по улице, опускавшейся с холма, когда нас догнал «мармон», и Исси Сайон, владелец фабрики прохладительных напитков, крикнул:

— Хотите прокатиться, ребята?

У нас были хорошие отношения с Исси. Иногда, правда, мы утаскивали пустые бутылки из-под кока-колы, грудой лежавшие у него на заднем дворе, и продавали ему же по пенсу за штуку. Он знал об этом, но не очень сердился.

— Ну? — крикнул он, видя, что мы колеблемся.

Поездка в «мармоне»! Мы с Томом не стали ждать повторного приглашения, но Скотти вдруг кинулся в сторону и махнул через забор. Он по-прежнему не доверял людям, особенно тем, которые ездят в собственном «мармоне».

— Куда он удрал? — спросил Сайон.

— Он не хочет ни с кем разговаривать, — ответил Том. — Он сыт по горло.

Мистер Сайон рассмеялся:

— И правильно делает. Надо чують тех, кто за тобой охотится.

— А кто охотится? — спросил Том.

— Я шучу, Том, — сказал Сайон. — Это за Роб-Роем всегда охотились шотландские таможенники. Во всяком случае, ваш старик сегодня честно заработал свой хлеб. Вообще-то я не очень люблю его выверты, но, кроме Квэйла, никто не сумел бы вызволить мальчишку из западни. И готов держать пари, что он выиграет и второе дело...

Ай да Исси Сайон! Я-то думал, что владелец фабрики должен непременно быть на стороне Эллисона Эйра. Но тут, видимо, был особый случай — что-то толкнуло его в ряды защитников Скотти.

Высаживая нас из машины, Исси сунул руку в карман и вытащил два шиллинга:

— Отдайте их вашему приятелю, скажите, что от меня.

Вернувшись домой, я с особенной старательностью взялся исполнять свои домашние обязанности — на тот случай, если отец видел меня в зале суда и собирается наказать. Я наколот дров, налил керосина в его лампу (он любил этот свет, и на счетах за электричество выходила меньшая цифра), вычистил сток в кухне и вымыл миски, из которых отец кормил двух кошек и собаку.

Он пришел в шесть часов. Я усердно выписывал заданные мне в наказание сто пятьдесят фраз. Отец не сказал ни слова, но это еще ничего не значило. Пришло время обедать, а мне так и не было приказано наклониться над диваном и получить причитающуюся мне порцию за прогул. Гроза явно миновала. Но я догадывался, что отец все знает. И потому ли, что его порадовал мой интерес к этому судебному делу, или потому, что он видел, какое огромное внимание вызвал процесс у нас в городе, он решил отпустить мне мое прегрешение.

— Сколько времени потребуется Эллисону Эйру, чтобы возбудить новое дело против Скотти Пири?— спросила мать.

— Эллисону Эйру не терпится заполучить пони, и он будет действовать быстро. Так что, возможно, Стрэпп поставит дело на следующую сессию. Я думаю, недели через две.

— Мне очень жаль их обоих, и Скотти и Джози,— сказала мать.— Для них это настоящая мука — ждать так долго.

— А мне жаль только Джози Эйр,— заявила Джинни.

Я видел, что она в затруднении: как любимица отца, она всегда была ему ближе всех, а сейчас они оказались в разных лагерях.

— Как ты можешь жалеть Джози? — вскипел Том.—
Ведь у нее сотни пони!

— Но ей нужен Бо, и Бо — это ее пони.

— Пусть ей нужен Бо, но ведь она хочет отнять
у Скотти Тэффа!

— Ну, довольно! — резко вмешался отец.— Можете
спорить об этом во дворе, а не в комнате да еще за
обедом. И потом, спорить, когда ни у кого из вас нет
доказательств,— это пустое занятие.

— Да, но...— начал Том.

— Хватит! — остановил его отец.

Тут я почувствовал, что могу задать отцу тот самый
вопрос:

— А как же ты докажешь, что это именно Тэфф?

Отец посмотрел на меня и снял с рукава невидимую
пушинку.

— Я еще не знаю,— сказал он.— Но если это Тэфф,
внутренняя логика приведет к такому выводу. Истина
откроется сама собой.

Отец твердо верил, что истина непременно обнару-
живается,— надо только тщательно и всесторонне изу-
чить вопрос.

«Правда сама себя покажет» — так примерно можно
было выразить его кредо. К сожалению, Скотти я этого
не смог бы объяснить.

Назавтра утром, за полчаса до школы, мы с Томом
уже стояли возле полицейского загона и ждали появле-
ния Тэффа. К нашему удивлению, там уже толпилось де-
сятка два горожан. Приехали и Эллисон с Джози. Скотти
подъехал верхом на пони, не обращая ни малейшего вни-
мания на этих двоих, словно они прятались где-то за
кустами.

Пони был весь покрыт репьями, ноги и густая шерсть
над копытами забрызганы грязью, грива и хвост спутаны,
как у диких пони. К тому же он слегка прихрамывал. И он

и Скотти — оба являли собой яркую и скорбную картину обездоленности и нищеты.

— Это Бо! — громко воскликнула Джози. — Это он, Бо! Это он!

Она сидела в «пикапе» Эйра возле ворот, как всегда выпрямившись, в блузке и брюках, очень уверенная в себе, с аккуратно заплетенными косичками.

Она настояла на том, чтобы ее взяли с собой. Блю на следующем своем субботнем сеансе в «Белом лебеде» рассказывал, как Джози кричала и плакала, когда мать сказала, что она не поедет.

— Ты ведь только расстроишься, — говорила ей мать.

— Но я все равно уже расстроена, — с обезоруживающей логикой отвечала Джози.

В конце концов родители сдались, но ей пришлось остаться в машине, кресло они не взяли с собой.

Скотти даже не взглянул в ее сторону. В загоне были еще две лошади, старый ломовик и больной жеребец с грустными глазами. Но для пони отгородили особый угол. Скотти, хмурый, босой, слез с пони с таким видом, словно сдирал с себя кожу. Потом одним ловким движением снял уздечку.

— Подожди, — остановил его отец.

Он стоял в середине загона. Я знал, что отец не только ничего не смыслит в лошадях, но даже остерегается близко к ним подходить.

— Придержи-ка его минутку, — сказал он Скотти.

Скотти придержал пони за гриву. Эллисон Эйр, соскочив с «пикапа», направился было к пони, но остановился, увидев, что отец поднял руку.

— Позвольте, пожалуйста, сначала мистеру Криспу взглянуть на пони, — сказал отец.

Крисп был старый гуртовщик, живший теперь бобылем в домишке, задняя стена которого была вся из

жести от керосиновых бидонов. В свое время он был знаменитейшим лошадником во всей округе.

Когда старик подошел к пони, тот пригнул назад уши, а голову резко вздернул вверх. Скотти чуть не упал и едва не выпустил гриву. Многим было известно это своенравное движение Тэффа. Но Крисп, спокойно и ласково приговаривая: «Ну, ну, сынок. Тихо, тихо...»,— взял его за холку, и пони покорился.

Вот это уже было не похоже на Тэффа, который никогда не подпускал так легко чужого.

— Подними ему переднюю левую,— сказал Крисп Скотти.— Я придержу его.

Скотти наклонился и поднял большую ногу пони. Крисп осторожно взял ее и стал рассматривать копыто.

— Треснуло,— сказал он отцу,— и врезалось в мясо.

— Это серьезно?

— Нет. Все будет в порядке, надо только смазать мазью.

Крисп открыл пони рот и стал осматривать зубы. Пони и не думал противиться, и это опять-таки не похоже было на поведение Тэффа; правда, все лошади стоят смиренно, когда имеют дело с опытным человеком.

— Все в порядке,— сказал Крисп, кончив осмотр.

— Вы кончили? — спросил отец.

— Да,— сказал Крисп.

Когда я увидел мистера Криспа так близко к лошадиной морде, мне вдруг пришло в голову, что, вероятно, от многолетнего общения с лошадьми его лицо приобрело грустное, серьезное и несколько недоуменное выражение, свойственное лошадям.

— Мистер Крисп является моим консультантом,— объяснил отец Эллисону Эйру.— Он говорит, что теперь узнает этого пони среди тысячи других. Это, естественно, послужит гарантией для нас с вами, что не будет каких-либо недоразумений...

— Вы что же, хотите сказать...— раздраженно начал Эллисон Эйр.

— Я ничего не хочу сказать. Просто в городе слишком много людей проявляют необычный интерес к этому делу. Их действия мы, к сожалению, не можем контролировать. Оглянитесь хотя бы на собравшуюся толпу.

— Ладно,— буркнул Эллисон Эйр.— Но мне будет наконец позволено подойти к пони, мистер Квэйл?— спросил он саркастически.

— Разумеется. Скотти, отпусти его.

Как только Скотти выпустил гриву, пони помчался по загону, увертываясь от людей. Эйр растерялся, но Джози крикнула ему из машины:

— Не заходи спереди! Он этого не любит.

Эллисон и Блю, который поспешил на помощь хозяину, стали заходить сзади и с боков, и пони остановился, как бы поджидая их,— значит, Джози была права.

Они хлопали его по шее, и пони терпел, хотя, видимо, заподозрил что-то неладное. Но, прежде чем он опомнился, Блю уже накинул ему на морду недоуздок. В руках у Блю я не видел недоуздка — он, видимо, прятал его от пони.

И в то же мгновение Скотти стрелой ринулся к Блю. Никто не успел этого заметить, кроме сержанта Коллинза, который перехватил Скотти буквально в воздухе.

— Только не безобразничать! — строго сказал Коллинз, стараясь удержать бьющегося у него в руках Скотти.

— Они уведут его! Они хотят его забрать! — неистово кричал Скотти.— Пустите меня!

— Перестань! — резко сказал Скотти мой отец.— Кит! Скажи ему, что все в порядке.

Зрители стали кричать сержанту, чтобы он отпустил Скотти, но кое-кто, впрочем, предлагал надеть ему наручники и отправить куда следует.

— Все в порядке, Скотти,— сказал я, подходя к нему.— Никуда его не уведут.

Сержант Коллинз все еще держал мальчика за шиворот.

— Откуда ты знаешь? — крикнул Скотти; голос у него прерывался.

— Потому что мой отец не допустит!

Что еще я мог ему сказать?

Конечно, вид Эллисона Эйра в хорошо сшитых бриджах и сапогах, да еще с Блю в придачу и с машиной, ожидавшей за воротами,— все это не могло внушить Скотти доверия. Тут я заметил, что Том подбежал к Блю и тянет за недоуздок, а Блю старается оттолкнуть его.

— Том,— сказал отец,— сейчас же подойди сюда.

— Может быть, вы как-нибудь совладаете с этим мальчиком? — обратился Эллисон к отцу, указывая на Скотти.

— Я прошу извинить его выходку,— сурово ответил отец.— Но естественно, он был введен в заблуждение...

— Я просто хочу показать пони моей дочери. Вы возражаете?

— Конечно, нет. Кит, открой ворота.

Сержант Коллинз выпустил Скотти, я открыл ворота, а Эллисон и Блю повели пони прямо к «пикапу», где сидела Джози.

При виде машины пони шарахнулся в сторону, но Блю успокоил его, и Джози смогла наконец положить руки ему на голову.

Мы все стояли и смотрели на них, как в театре. Джози была слишком горда, чтобы давать волю слезам на людях, и крепко сжимала свой упрямый маленький рот, но мы увидели, как две непокорные слезинки скатились по ее загорелым щекам.

— Бо! — сказала она.— Гадкий звереныш!

Я повернулся к Скотти. Полуоткрыв рот, он пристально, широко раскрыв глаза, следил за Джози.

Может быть, до него впервые дошел смысл их соперничества. Может быть, именно в ту минуту он понял, что это не только его, но и ее беда. И, может быть, такое же чувство проснулось в этот момент и в душе Джози.

— Забирайте пони и везите его домой! — крикнула миссис Стаут, пламенная проповедница из одной небольшой христианской секты.

Она усердно занималась благотворительностью и не терпела беспорядка.

— И прихватите заодно эту дуру Стаут! — добавила миссис Мэдди, мужеподобная дама, которая целыми днями не выпускала изо рта сигарету и держала множество кошек и собак.

Перебранка разрядила напряженную атмосферу. В толпе раздался смех, пони тоже как будто успокоился. Мне даже показалось на мгновение, что он чувствует двусмысленность своего положения и видит, какие неприятности он причиняет людям. Он вдруг толкнул Джози мордой в плечо, словно бодаясь.

— Уведи его, Блю! — приказала миссис Эйр; ей хотелось поскорее прекратить душеспатательную сцену. — Убери его!

Блю повел пони в загон, и еще две слезинки скатились из глаз Джози.

— Позор! — крикнул кто-то.

Я обернулся, ища Скотти. Он исчез. Отец приказал нам с Томом идти в школу — было уже около девяти. У загона, оказывается, толпились еще с десятков школьников. Уходя, мы слышали, как взрослые, облокотившись на ограду, ожесточенно спорили, ища какие-то приметы, которые могли бы подтвердить, Бо это или Тэфф. Я слышал голос мисс Джеймс, работавшей в кондитерской и изредка тайком угощавшей нас старым, подсохшим безе.

— Я видела его десятки раз, — твердила она. — Я уверена, что это пони Скотти Пири.

Джек Даймонд, что возил на ферму Эйров керосин для тракторов и насосов, кричал негодуя:

— Посмотрите на его задние ноги! У пони Скотти Пирри они суживались книзу, а у этого они жирненькие до самых бабок. Это пони Джози Эйр, какое может быть сомнение!

Мы рысцой бежали в школу. Вдруг Том сказал:

— Смотри-ка, кто идет.

Я молча кивнул. Это был Дормен Уокер. В суде я его не видел. Уокера, видимо, Скотти не интересовал. Его занимал только пони.

— Он рассчитывает заполучить Тэффа, если Скотти выиграет дело,— сказал Том, отдуваясь на ходу.— Но мы еще посмотрим!

Том был в своей стихии. Охваченный очередным приступом благородного негодования, он уже готов был к следующей битве.

ГЛАВА XIII

Вечером началось массовое паломничество — половина города устремила к полицейскому загону поглядеть на пони.

В последующие две недели я не помню дня, чтобы мы с Томом не забежали туда по дороге в школу или на обратном пути. А Скотти прямо проходу не давали.

Стоило ему появиться на улице, как со всех сторон сыпались приветствия, подбадривания или насмешки. Вскоре мы с Томом уже могли, не колеблясь, сказать о каждом прохожем на улице, о владельце каждой машины, встречавшейся нам на пути, о жителях каждого дома, мимо которого мы проходили,— за Скотти они или

против него. Очевидно, тут играли свою роль подспудные социальные противоречия, но случались и неожиданные вещи.

Однажды Скотти вдруг получил отрез сукна на костюм от торговца мануфактурными товарами мистера Уилсона,— значит, этот за Скотти!

Миссис Симс, жена городского контролера, обвинила его в краже апельсинов,— против Скотти!

Доктор Тэплоу окликнул его из своего «бьюика»: «Хэлло, сынок, как поживаешь?» Таких нежностей от доктора еще никто не слышал,— за Скотти!

Миссис Кэтлоу, содержательница пансиона на Трэд-стрит, посоветовала нам с Томом держаться подальше от этого сорванца Пири,— против Скотти!

В школе все было проще: либо твои симпатии на стороне Скотти, либо на стороне Джози; либо ты завидуешь Джози, либо сочувствуешь ей. Во всяком случае, у нас были более четкие мерки, чем у взрослых.

В тот день, когда Скотти привел пони, он оставался в городе и просидел всю ночь у ограды полицейского загона. Он был уверен, что Эллисон Эйр снова приедет с машиной и увезет Тэффа. Сержант Коллинз нашел его на рассвете спящим.

Надо отдать должное сержанту Коллинзу: он поднялся в три часа ночи и вышел поглядеть, все ли в порядке. Утром он позвонил отцу и пожаловался ему на Скотти. Отец велел мне поговорить с ним.

— Ворота загона заперты,— уговаривал я Скотти на перемене.— Никто не может туда войти.

— А ключ от ворот у кого? — презрительно возразил он.

Ключ был у сержанта Коллинза, и ничто не могло рассеять подозрений Скотти. Он твердил свое: Коллинз и Эйр в сговоре, они собираются ночью украсть Тэффа или подменить его.

— Они не украдут его, Скотти,— убеждал я.— Они не могут сделать этого, просто не могут.

Скотти не понимал, что Эллисон Эйр все-таки солидный, уважающий себя человек. Скотти видел только надменность богача и его уверенность в том, что закон призван служить ему, а не какому-то оборванному мальчишке.

Том был согласен со Скотти и даже спросил у отца, уверен ли он, что Эйр и Коллинз не подменят пони.

— Эйр богач,— говорил Том,— а богачи могут делать все, что им вздумается.

— Нет, не могут,— сердился отец.— Богатство или бедность тут ни при чем. Эйр — джентльмен, и Коллинз тоже знает свои обязанности. А это главное.

Отец мой не испытывал презрения к богатым вообще, просто Эллисон Эйр его разочаровал. По мнению отца, на богатом человеке лежит особая ответственность, он должен быть абсолютно чист перед законом и не использовать преимущество своего положения во вред кому-либо. Беспокоил отца не Эллисон Эйр, а Скотти, который, как ему казалось, не прочь был снова увести пони.

Он даже вызвал однажды Скотти в свою контору и полчаса разговаривал с ним. Впрочем, отец и сам ежедневно наведывался в загон, чтобы убедиться, что с псни все в порядке.

Джози тоже часто приезжала в город. Отец привозил ее в «пикапе» вместе с креслом, и она сама въезжала через ворота, которые услужливо отпирал для нее сержант Коллинз.

— Главное, не волнуйся,— предупреждал ее отец.

Однажды и Джинни по приглашению Джози была там. Она рассказала нам, как Джози потихоньку подъезжала к пони все ближе, а он следил за ней, прижав уши, вздрагивая мускулами шеи и не двигаясь с места.

— Она трогала его руками? — спросил я Джинни.

— Еще бы, конечно! — насмешливо заметил Том.— Если только это называется — трогать...

— Да, трогала,— сказала Джинни, голосом и глазами напоминая в эту минуту Джози.— Потом мистер Эллисон хотел увезти ее из загона, а она не захотела. Она даже не хотела, чтобы отец стоял рядом с ней. Она ездила в кресле вокруг пони и гладила его. У нее была с собой скребница, и она пробовала расчесывать ему гриву и даже чистить колени и бабки.

— И пони позволял ей это? — спросил отец.

— Да, конечно.

Это было не в пользу Скотти, и Том недоверчиво фыркнул.

Не одна Джинни наблюдала свидания Джози с пони. Споры в городе разгорались все сильнее, тем более что многие впервые видели Джози, как она выглядит и как себя ведет. А она внушала уважение. Джинни говорила: «Даже забываешь, что она калека».

Нелегко было Скотти с ней соперничать. Чем он мог привлечь симпатии окружающих? У него ничего не было, кроме загорелого мускулистого тела, босых ног, молчаливой серьезности, упрямого сжатого рта и озорных глаз.

Правда, у Скотти были другие заслуги. Сержант Коллинз был доволен, что Скотти раз в день наполнял водой корыта. Он таскал воду из колонки в старых бидонах изпод керосина. Бидоны были огромные, и Скотти с трудом управлялся с ними, обливая штаны и ноги.

Была еще проблема корма для пони. Юридически это было обязанностью Скотти как ответчика по суду, но Эллисон Эйр предложил присылать сечку и овес. Отец принял это любезное предложение с условием, однако, чтобы Скотти сам кормил пони. Я только позже понял, почему отец так настаивал на этом.

Скотти выглядел очень внушительно, когда ухаживал за Тэффом. Джози продолжала чистить пони, расчесы-

вать ему гриву, а Скотти делал все остальное. Обращался он с пони весьма своеобразно — толкал его, дергал за гриву, тыкал в бок. Он не был с ним ни подчеркнуто ласков, ни особенно груб. Это было привычное для него, естественное обращение с лошастью. И столько в нем было простоты и доверия, что, наверно, любой пони принял бы его. Свой старый гребень Скотти пускал в ход только для того, чтобы расчесывать длинный хвост пони — Джози это было не под силу. Пони, правда, старался убежать, но Скотти крепко держал его за хвост или плечом оттеснял в угол.

А когда однажды пони решил сам прижать Скотти к загородке, тот моментально нырнул ему под брюхо и выскочил по другую сторону, не дав пони даже опомниться. Словом, Скотти с ним не церемонился.

Постепенно общими усилиями Скотти и Джози пони приобрел приличный вид, но все-таки это была какая-то сложная игра.

Скотти являлся в загон в начале девятого и после четырех, а Джози, не связанная со школой, приезжала то к одиннадцати, то даже к трем часам пополудни. Обычно Эллисон Эйр строго следил за учением дочери. Но теперь гувернантка позволила Джози временно нарушить распорядок занятий и иногда даже приезжала вместе с девочкой в город.

— Держись подальше от загородки! Ради бога, Джози, береги руки! — покрикивала она, не выходя из машины.

И, конечно, настал день, когда Джози и Скотти столкнулись.

Скотти задержался утром дома — отец повредил руку, и мальчику пришлось подоить коров. В одиннадцать часов, когда приехала Джози, Скотти все еще возился в загоне со своими керосиновыми бидонами. Джози ждала, сидя вместе с мисс Стил в «пикапе», пока Скотти

наносит воды, засыплет в кормушку сечку, сгребет навоз и сложит его в кучу в углу загона.

«Я вымыл руки и лицо в корыте с водой,— с возмущением рассказывал нам потом Скотти,— а ее гувернантка вдруг говорит: «Это негигиенично». Джози, правда, на нее шикнула — не разговаривайте, мол, с ним».

Умывшись, Скотти прислонился к загородке и стал наблюдать за Джози. Девочка расчесывала пони гриву хорошим, дорогим гребнем и при этом все время разговаривала с ним, гладила его, даже прижимала к себе его голову. Мы уже знали, что Джози любила ласкать Бо, а Скотти обращался с Тэффом без сантиментов — как с ровней. И Скотти был возмущен разыгрывавшимся у него на глазах спектаклем. Он был уверен, что Тэффу это противно.

В другой раз он поспорил с Эйром. Эллисон привез Джози раньше обычного и стоял и смотрел, как Скотти засыпает сечку в кормушку.

— Ты слишком много ему даешь,— сказал Эллисон.

— Он все съедает,— ответил Скотти.

— Все-таки это слишком много,— повторил Эллисон.— Он же мало двигается. Давай ему немножко сечки и немножко овса. Будет вполне достаточно.

— Овес он не ест,— возразил Скотти.— Он его не любит.

— Чепуха! — фыркнул Эллисон.

— Он не любит овес, это правда!— крикнула Джози отцу из машины.

Нам, зрителям, казалось очень забавным видеть, как Джози и Скотти переговариваются через Эллисона Эйра, словно через переводчика. До сих пор они не обменялись прямо ни единым словом, и я часто сожалел, что они не могут поговорить между собой.

— Скажи ему, чтобы он не дергал Бо за гриву! — крикнула Джози Эллисону.

А Скотти просто мешало, что пони тычется мордой в кормушку, когда он засыпает сечку, вот он и тянул пони за гриву, словно якорь из воды.

— Зачем ты таскаешь его за гриву? — сердито спросил Эллисон.

Скотти возмутился:

— Скажите ей, что ему не больно. Если его не придержать, он весь корм рассыплет...

Я увидел, как Эллисон усмехнулся, — наверно, и он уловил печальный юмор сложившейся ситуации. Помому, ему даже нравилось, что Скотти — этот голубоглазый мальчишка в рубашке из старой плюшевой портьеры, — умеет постоять за себя. Словом, чем дальше заходило это соперничество, тем больше мы запутывались. Пони вроде благоволил и к тому и к другому. За обедом, когда мы обсуждали этот вопрос, отец сказал:

— Животные чувствуют, когда они оказываются в центре внимания. Не исключено, что пони это даже забавляет.

Я поверил отцу. У маленького валлийского пони и впрямь был лукавый вид. Не ставя его на одну доску с человеком, я бы все-таки сказал, что его действительно веселила возможность дразнить обоих. Но я видел и другое: пони, словно собака, ходил за Скотти по загону, и он же опускал голову на колени Джози и мягко толкал ее мордой, когда она ласкала его.

Однажды, сидя верхом на ограде, я улучил момент, когда пони оказался возле меня, и крикнул ему прямо в ухо:

— Ах ты сукин сын!

Клянусь, он вздрогнул, прижал уши, поднял голову, и взгляд у него, честное слово, был как у собаки.

Между тем бумаги поступили в суд, и мистер Дж. Ч. Стрэпп, теперь уже представлявший интересы Эллисона Эйра, сообщил, что дело будет слушаться первым

на ближайшей сессии. Прошел слух, что оно будет рассматриваться более высокой инстанцией, для чего к нам прибудет разъездной судья мистер Лэйкер, известный своей неразговорчивостью, зато страстный любитель скачек. Он не пропуская ни одного состязания в округе и слыл большим знатоком лошадей.

За день до суда к нам зашел молочник мистер Пэйли и сказал, что хочет поговорить с отцом. Он сказал следующее:

— Я знаю этого пони, мистер Квэйл. Я хорошо рассмотрел его в полицейском загоне и готов принести присягу в суде, что он принадлежит сыну Пири. Я видел этого пони сотни раз и разбираюсь в лошадях. Я ведь вожу молоко на лошади уже двадцать лет.

— Вы очень любезны, мистер Пэйли,— сказал мой отец.— Но видели ли вы вблизи пони мисс Джози Эйр?

— Нет, не видел никогда.

— Значит, вы не можете под присягой сказать, что пони, о котором идет речь,— это не пони Джози Эйр?

— Нет, этого я не могу.

— Тогда боюсь, что вы не сможете помочь нам, мистер Пэйли,— сказал отец.

Молочник сразу смекнул, в чем загвоздка.

— Если вы ищете, кто бы показал это под присягой, так ничего у вас не выйдет, мистер Квэйл. Никто в городе не видел близко пони мисс Эйр.

— В том-то и дело,— сказал отец.

— Ну что ж, помощи вам бог,— с сожалением сказал мистер Пэйли.

— Если вы мне понадобится,— сказал отец,— я дам вам знать. Может быть, ваши показания помогут нам.

За ужином отец сказал, что мистер Стрэпп снова выдвинул четырех свидетелей, в том числе и специалистов. У отца их было теперь тоже четыре, включая его консультанта Криспа, старого гуртовщика. Но он не поде-

лился с нами планами своего выступления на суде. Сказал только, что постарается, чтобы Скотти не вызвали для свидетельских показаний.

— Если Стрэпп вздумает допрашивать Скотти,— сказал отец,— тогда я потребую допроса Эллисона Эйра.

А Эйру очень не хотелось, чтобы его допрашивал отец, да еще в таком деле — богатый человек против бедного мальчика.

В одной из парикмахерских ставили восемь против четырех, что дело выиграет Скотти. В баре «Белый лебедь» предлагали семь против пяти.

А в последний субботний вечер перед судом Блю поставил четыре фунта на Джози, сообщив, что девочка будет присутствовать на суде: мистер Стрэпп приглашает ее в качестве свидетеля, и тут уж каждому ясно, что симпатии будут на ее стороне.

— Почему ты не хочешь, чтобы Скотти тоже вызвали свидетелем? — спросил Том отца.— Он ведь знает, что надо сказать.

Отец сквозь очки посмотрел на нас обоих:

— Опыт судебной защиты показывает, что дети всегда вызывают симпатию в суде, но часто именно из-за них проигрывается дело. Во всяком случае, я надеюсь, что показания Скотти не потребуются.

Пришел наконец день суда. И начался этот день с телефонного звонка сержанта Коллинза моему отцу в половине восьмого утра. Он сообщил, что пони пропал!

— Не может быть! — крикнул в трубку отец.

— Кто-то взломал замок на воротах,— сердито говорил Коллинз.— Пони нету.

— Вы искали его? — спросил отец.

— Где же искать? Его украли. И совершенно очевидно, мистер Квэйл, кто это сделал.

— Довольно, сержант Коллинз! — резко осадил его отец.— Если вы снова обвиняете мальчика, то предуп-

реждаю вас, что я учту это, когда мы оба явимся в суд. Хватит мне ваших прежних маневров.

— Я никого не обвиняю,— поспешил поправиться Коллинз.— Я только хотел сказать, что собираюсь поехать на ферму к Пири. И просто хотел сообщить вам, что я намерен предпринять, чтобы вы не подумали, что я действую за вашей спиной...

— Иначе говоря, вы хотите, чтобы я санкционировал ваши действия?

— Ну мое-то положение какое, мистер Квэйл! Что же еще я могу сделать?

— Меня больше интересует положение моего подзащитного,— сказал отец,— и я не потерплю, чтобы ему был нанесен какой-либо ущерб! Это все, что я имею вам сказать.— И он повесил трубку.

С минуту он стоял неподвижно, потом обернулся к Тому и ко мне.

— Как вы думаете, мальчики, и на этот раз пони увел Скотти Пири? — спросил он.

— Нет,— сказал я твердо.— Теперь — нет.

— Не валяй дурака,— возразил Том.— Конечно, увел!

— Кит,— сказал отец,— можешь ты взять у соседей велосипед, поехать на ферму Пири и узнать, дома ли Скотти и его ли это работа? Только быстро...

— Ладно,— сказал я.

— Но он еще не завтракал,— вмешалась мать.

— Я мигом,— бросил я на ходу и помчался через улицу к Филлипсам.

У Барни Филлипса был старый дамский велосипед высотой почти четыре фута. Ездить на нем было небезопасно, но я понимал, что выхода нет, и покатил по безлюдной дороге к ферме Пири.

Но не успел я проехать и полтора миль, как меня обогнал сержант Коллинз в полицейском «шевроле». Заметив меня, он остановил машину.

— Хочешь, подвезу, Кит? — крикнул он мне.

— Нет, спасибо, сержант Коллинз, я доеду сам,— сказал я, повинувшись строгому указанию отца быть вежливым и говорить уважительно со всеми взрослыми, кто бы они ни были.

Впрочем, мне было немного жаль окончательно запутавшегося сержанта Коллинза.

— Дело твое,— пробурчал сержант, включая мотор.— Твой старик в суде шкуру с меня сдерет, но что я могу поделать?

— Не знаю,— ответил я.

Задолго до того, как я добрался до фермы Пири, сержант уже возвращался назад, и с ним в машине сидел Скотти.

— Скотти! — крикнул я.

Но сержант что-то крикнул на ходу и промчался мимо. Я повернул обратно. Задыхаясь, весь красный, я вбежал в дом и рассказал все отцу. Он немного подумал, потом велел мне пойти в полицию и привести к нему Скотти, он позвонит туда. А мне без Скотти не возвращаться.

— Быстро! — напутствовал меня отец.

Я снова вскочил на велосипед и изо всех сил заработал педалями.

Когда я подъехал к полицейскому участку, там было полно машин и мотоциклов и толпился народ, возбужденный, спорящий.

В загоне стоял пони и мирно ел из кормушки. Скотти наливал ему воду в корыто. Еще не отдышавшись, я спросил его, что, черт возьми, тут произошло.

— Кто-то нашел его внизу, возле электростанции. Он ходил и щипал траву на обочине дороги.

— Но кто же его выпустил?

— Понятия не имею,— растерянно сказал Скотти.

Он был сыт по горло всеми этими сложностями и

с опаской поглядывал на толпу, шумевшую и спорившую за оградой.

Скорей всего, это кто-то из городских оболтусов смеха ради выпустил пони из загона. Или братья Мак-Кей на пари. Либо, наконец, постарался кто-нибудь из особо ярых ненавистников Скотти или Джози Эйр.

Я привел Скотти к нам домой, мать накормила его. Потом отец велел ему отправиться к себе на ферму, одеться поприличнее и быть возле суда вместе с отцом к десяти часам.

ГЛАВА XIV

Нет нужды вдаваться во все подробности второго слушания дела. С самого начала было ясно, что любое обвинение в адрес одной стороны, хотя бы и подтвержденное свидетелями, может быть с тем же успехом предъявлено другой стороне и тоже будет подтверждено свидетельскими показаниями. На этом и строилась тактика, избранная моим отцом. Казалось, он заботится только о том, чтобы никакое окончательное решение судом не было принято.

Но почему?

Мистер Стрэпп ринулся в бой, доказывая, что в полицейском загоне нет никакого другого пони, кроме Бо, принадлежащего мисс Джози Эйр. Но каждый раз, когда он пытался выдвинуть особо важный для него аргумент — что пони Бо был украден Скотти с фермы Эллисона Эйра, — мой отец заявлял резкий протест: Скотти не находится под судом по обвинению в воровстве! Единственное, что может сделать истец, это доказать, что предмет спора, пони, принадлежит его дочери. И это единственный вопрос, который суду предстоит решить.

В конце концов Стрэппу пришлось отказаться от этой своей идеи, так как отец снова и снова отметал малейший намек на то, что Скотти «увел» пони Эллисона Эйра.

Что же Стрэппу оставалось?

Он вызвал свидетеля Блю Уотерса и попросил его рассказать, как этот пони был отловлен в стаде.

— Протестую! — быстро вмешался мой отец. — Еще не доказано, что пони, о котором допрашивают свидетеля, есть пони, интересующий суд. Пускай же мой процессуальный противник и его свидетель говорят просто «пони», а не «этот пони».

Неразговорчивый судья Лэйкер, как всегда, руководствовался правилом «молчание — золото» и только согласно кивал. Поэтому все свои доказательства Стрэппу пришлось относить к какому-то «пони вообще». Блю рассказал, как он был пойман, как его приручали, учили, приспособляли к нуждам мисс Джози Эйр, сколько это стоило труда и сколько мужества и умения проявила сама Джози. Стрэпп особо подчеркивал, что значил этот пони для девочки, которая лишена возможности ходить.

Я сидел позади отца, недалеко от Скотти. На Скотти был старый серый костюмчик, из которого он давно вырос. Мистер Энгус Пири явился в саржевом пиджаке, больше похожем на куртку кондуктора. От обоих пахло нафталином. По другую сторону расположились Эллисон Эйр, Джози и миссис Эйр в шляпке с очень изящной вуалеткой, затканной бабочками. Все мужчины в зале, не исключая меня, были потрясены ее столичным величием.

Джози внес в зал на руках ее отец. Это было очень трогательное зрелище. Но Джози была чужда сентиментальности. Ей не нужно было излишнее внимание. Она поправила руками неподвижные ноги и выпрямилась, всем своим видом показывая, что не нуждается в собо-

лезновании. Когда Стрэпп стал распространяться насчет ее положения, она нагнулась к отцу и сердито спросила:

— Зачем ему понадобилось болтать об этом?

— Он излагает суть дела, Джози. Будь терпеливой.

Джози раздраженно тряхнула косичками и на мгновение пристально посмотрела на Скотти. Он сидел, подсунув ладони под колени, настороженный, взъерошенный, глядя прямо перед собой. Но тут Джози перехватила мой взгляд и поняла, что и за ней наблюдают. Она покраснела и резко отвернулась.

— Итак, мистер Блю...— заговорил Стрэпп.

В зале рассмеялись, Стрэпп растерянно оглянулся.

— Меня зовут мистер Уотерс,— с достоинством поправил его Блю.

— О, конечно, прошу прощения,— спохватился Стрэпп.

Новый взрыв смеха. Я чувствовал, что переполненный зал за моей спиной ожидает, что здесь разыграется занятное представление. Для них суд был вроде их излюбленных рысистых бегах: кто-то выиграет, кто-то проиграет,— может, Джози, может, Скотти... В заднем ряду я заметил нашу учительницу мисс Хильдебранд с раскрасневшимися щеками. Видно было, что она не уйдет, пока не будет принято справедливое решение.

Когда Блю кончил давать показания, отец спросил его, видел ли он когда-нибудь Тэффа, который был куплен мистером Пири для Скотти тринадцать месяцев назад.

— Да, я его видел,— сказал Блю.— Я же его и отловил и доставил на ферму Пири.

— Какого он был роста? — спросил отец.— Укажите точно: четырнадцать ладоней, тринадцать с половиной?

— Ну, ладоней, пожалуй, тринадцати с половиной,— сказал Блю.

— Нет, нет, мистер Уотерс, я спрашиваю о точном размере, о размере, который у вас записан.

- Я его, собственно, не мерил.
- А вы или кто-нибудь другой зарегистрировали какие-нибудь особые приметы того пони, который был продан Пири?
- Нет, не думаю.
- Значит, у вас нет точных данных о пони, проданном мистеру Пири, не правда ли?
- Точных сведений нет.
- Значит, вы не можете сказать с уверенностью, обоснованно, что пони, который находится сейчас в полицейском загоне, не есть пони мистера Пири?
- Нет, но я думаю все-таки...
- А вы когда-нибудь измеряли рост пони мисс Эйр? — перебил его отец.
- Этого не требовалось.
- Значит, вы не можете утверждать — по способу, принятому в зоотехнических лабораториях, — что пони, находящийся сейчас в полиции, есть пони мисс Эйр?
- Таким способом не берусь доказывать. Но есть другие способы.
- Какие же другие способы? — поинтересовался отец. — Если руководствоваться методом, применяемым в науке, то вы должны предъявить записи об общих размерах лошади, о ее росте, цвете, особых приметах и т. д. Разве не так?
- Да, но не с этими пони. Они все как один.
- Но если вы хотите доказать что-то в суде, вы должны иметь эти данные, мистер Уотерс. Иначе, как вы можете утверждать, что пони, о котором идет речь, есть именно тот, а не другой?
- Очень вы все усложняете, — недовольно сказал Блю.
- Возможно. Но, к сожалению, мистер Уотерс, одного вашего слова недостаточно, чтобы суд удостоверился, что этот пони — Бо. Потому что я могу представить

несколько заслуживающих доверия свидетелей, которые скажут, что это Тэфф.

— И они здорово ошибутся, черт возьми! — сказал Блю.

Но отец уже покончил с его допросом. Теперь я окончательно уяснил себе его тактику: не только нейтрализовать все, что говорит Стрэпп и его свидетели, но и настойчиво показывать, что такие же точно доказательства он может привести в пользу Скотти. Я недоумевал. Зачем выпячивать этот мотив равенства сейчас? Не лучше ли было просто подорвать позицию той стороны и всячески отстаивать правоту Скотти?

Я видел, что Стрэпп явно обескуражен, да и Эллисон Эйр тоже. Даже судья надел на нос пенсне и серьезно, молча глядел на отца, словно стараясь разгадать его дальнейшие намерения.

Единственными реальными доказательствами, которыми располагал Стрэпп, были неподкованные копыта, две мозольные отметины на задних ногах пони, оттенок его масти, а также его привязанность к Джози. Это подтверждали два свидетеля — Блю и скотник Скиттер Биндл, который тоже имел дело с обоими пони, но ни тот ни другой не могли представить требуемые моим отцом научные доказательства, что пони, содержащийся в полиции, — это Бо.

Последней была вызвана Стрэппом сама Джози. Эллисон Эйр перенес ее на свидетельскую скамью.

Судья спросил, не желает ли она сесть в кресло на возвышение, рядом с судьями.

— Нет, я хочу сидеть здесь, — ответила она.

— Так вот, Джози, — начал Стрэпп, — позволь мне спросить тебя: ты уверена, что пони в полицейском загоне есть именно Бо, твой пони?

— Да, мистер Стрэпп.

— Откуда ты это знаешь? — продолжал Стрэпп.

Джози прикусила губу.

— Ну, я ведь знаю моего отца и мою мать. Я знаю, что моя мать — это моя мать. И знаю, что Бо есть Бо. Я не могу вам сказать, откуда я знаю.

Это был очень хороший ответ, он понравился присутствующим, даже мой отец поднял брови, видимо, оценив его.

— Какой он, твой пони?

— Он упрямый и умный, иногда хитрый. Он не любит, когда кто-нибудь, кроме меня, трогает его руками, и не любит еще сорёк, которые ищут червей в его стойле. Он их ненавидит.

Даже судью проняло.

— А что пони, который содержится в полицейском загоне, делает так же, как твой Бо?

— Ну, он вскидывает голову вот так,— она показала как,— когда подходят к нему близко. Он позволяет мне чистить его шею скребком, а многие пони моего отца терпеть этого не могут. Он тихонько подталкивает меня, когда я глажу его, а еще наклоняет голову, когда я хочу его причесать и не достаю до него.

— Он действительно все это делает? — спросил судья, словно впервые услышав что-то интересное.

— Да. И еще много другого.

— А как зовут твоего пони? — спросил Стрэпп.

— Бо, конечно. Вы это знаете, мистер Стрэпп.

— Конечно, Джози. Я только хотел узнать: когда ты в полицейском загоне кричишь ему «Бо!», он подходит к тебе?

— Да.

— Сразу подходит?

— Да.

— Он когда-нибудь кусал тебя? Я имею в виду пони, что в этом загоне.

— Нет. Конечно, нет.

— А валлийские пони с вашей фермы склонны брыкаться или кусаться?

— Они любят бить друг друга копытами, а людей не бьют. Но кусаются очень часто.

— А ты видела, чтобы пони, который в полицейском загоне, кусал кого-нибудь?

— Да.

— Кого же?

— Его!

Джози показала пальцем на Скотти, и оба они на несколько мгновений уставились друг на друга. Джози сглотнула слюну.

Скотти, и без того подавленный непонятными подробностями судебной процедуры, покраснел до ушей. Он смотрел на нее расширенными глазами и, словно они были близнецы, сжал губы в точности так, как это делала Джози.

— Протестую! — мягко сказал отец, не вставая с места.

— Хорошо, — сказал Стрэпп, — не будем об этом. Два последних вопроса, Джози. Ты любишь своего пони?

— Конечно.

— Что бы ты сделала, если бы потеряла его навсегда?

— Я бы умерла, — с неистовой страстностью сказала Джози.

Судья улыбнулся, а мой отец нахмурился. Он всегда возражал против того, чтобы детям задавали в суде вопросы, возбуждающие чрезмерные эмоции.

— Я вынужден заявить протест, — сказал отец, — исходя из интересов самой же мисс Эйр.

Судья кивнул и что-то пометил огрызком карандаша у себя в блокноте.

Но я-то понимал, что Джози ответила правильно, и большинство женщин в зале готовы были аплодировать ей.

— Это все, Джози,— сказал Стрэпп.— Впрочем, мистер Квэйл, вероятно, тоже пожелает задать тебе несколько вопросов, поэтому останься пока здесь, если не возражаешь.

— Я не возражаю,— сказала Джози тоном королевы. Мой отец встал.

— Мисс Эйр...— начал он.

Он вежливо подождал ее ответа, и Джози это понравилось.

— Да, мистер Квэйл,— сказала она.

— Мисс Эйр, вы сказали, что пони в полицейском загоне подходил к вам, когда вы называли его «Бо».

— Да, я так сказала.

— Он подходил каждый раз, когда вы его звали? Джози заколебалась.

— Нет, не каждый раз.

— Значит, иногда вы звали его, а он не подходил?

— Да, но это потому, что он коварный.

— Еще один вопрос, и вы можете вернуться к вашим родителям.

— Мне все равно. Я могу посидеть и здесь.

Это тоже был правильный ответ. Все засмеялись, и, кажется, судья тоже кивнул в знак одобрения.

— Итак, последний вопрос: ваш пони кусал кого-нибудь еще, я имею в виду — дома?

— Нет, не кусал. Иногда только чуть покусывал.

— Значит, ваш пони не был кусачим в отличие от того, который находится в полицейском загоне?

Чуть запнувшись, Джози поспешила объяснить:

— Это потому, что он всех нас любил, а этого не любит.— И снова ее палец указал на Скотти.

— Это мы увидим позже,— сказал отец как бы самому себе и сел за свой стол.

Джози перенесли на прежнее место. Глубокая тишина в зале говорила, что она завоевала сочувствие публики.

Пришла очередь моему отцу отстаивать свою позицию. Но у него не было в запасе более существенных аргументов, чем те, которыми располагал Стрэпп.

Он начал издали.

— Валлийские пони,— говорил он,— известны тем, что у них у всех одна масть, один и тот же рост, что все они одинаково упрямы и капризны, и едва ли можно их отличить друг от друга. Поэтому без точных записей, без научных доказательств просто невозможно установить, бо перед вами или Тэфф. Я счел своим долгом сделать эти предварительные замечания,— продолжал отец,— отдавая себе отчет в том, что доказательства, которые я представлю здесь, не лучше и не убедительнее тех, что представила другая сторона.

Снова все были поражены. Что же он собирается доказывать? Он ведь сам признал, что невозможно доказать, тот ли это пони или другой.

— Откровенно говоря,— впервые прервал свое молчание судья,— я не понимаю, к чему вы, собственно, клоните, мистер Квэйл.

— Вам станет это ясно через несколько минут, ваша честь,— ответил отец.

Эллисон Эйр насторожился, ожидая какого-то хитрого маневра.

Отец попросил вызвать свидетеля-эксперта мистера Криспа. Крисп сказал, что очень хорошо знает пони Скотта Пири. Мальчик не раз приводил Тэффа к нему лечить от ссадин и трещин на копытах.

— И вы уверены, как старый и опытный лошажник, что пони, которого я показывал вам в полицейском загоне, есть Тэфф, принадлежащий Скотту Пири? — задал вопрос отец.

— Да, я уверен.

Затем Криспа принялся допрашивать Стрэпп. Ему очень хотелось вынудить старика признать, что он, воз-

можно, ошибается и что вообще нельзя ничего утверждать с уверенностью. Но он уже понимал, что даже сомнительность показаний свидетелей играет на руку отцу.

Было еще три свидетеля. Одна из них — мужеподобная миссис Мэдди, та, что целый день не выпускала изо рта сигареты. Она сказала, что ей известно все, что касается лошадей (все знали, что это верно: ее отец занимался приручением лошадей), и что она твердо убеждена: интересующий суд пони есть Тэфф, она его хорошо рассмотрела.

Стрэпп стал было допрашивать и ее, но как-то вяло, и дело не сдвинулось с места. Потом отец вызвал одного фермера, соседа семьи Пири, а четвертым — самого Энгуса Пири.

Энгус с горечью рассказывал о том, как он купил для Скотти пони, чтобы мальчику не ходить пешком за пять миль в школу; как добывал деньги, чтобы заплатить за пони; как Скотти, не имея ни малейшего опыта, приручил пони и они с пони стали как родные братья. Но все это не могло ослабить впечатления от картины несчастья, постигшего маленькую Джози. Даже Стрэпп растерялся. Он не мог постигнуть, какой новый ход придумал мой отец. Поэтому и вопросы, заданные им Энгусу Пири, были недостаточно четкими и целенаправленными.

Позже отец говорил нам:

«Даже если ты не можешь решить для себя, что на уме у твоего противника, все равно непоколебимо отстаивай свою позицию. Так должен был действовать и Стрэпп. Хотя вряд ли это что-нибудь изменило бы...»

Наконец, ко всеобщему удивлению, отец вызвал Скотти. В течение тех нескольких минут, что Стрэпп потратил на допрос Энгуса Пири, отец успел переговорить со Скотти, и тот уже знал, что от него требуется. Он шел к свидетельской скамье, как солдат через минное поле.

Штаны у него были безнадежно коротки, пиджак болтался, как на вешалке, в расширенных глазах читались страх, враждебность, растерянность и в то же время мрачная решимость.

— Ну, молодой мистер Пири,— шутливо сказал мой отец, приступая к допросу,— ты уверен, что пони в полицейском загоне — это твой Тэфф?

— Да,— ответил Скотти тихо, опустив голову.

— Говори громче, пожалуйста,— сказал судья.

— Ты просто забудь, где ты находишься,— отец повел рукой в сторону суда,— и говори со мной так, как говорил бы со своими учителями и товарищами по школе. Подними-ка голову,— сказал он.

— Ладно,— сказал Скотти и поднял голову.

— Этот пони подходил к тебе, когда ты его звал «Тэфф»?

— Да.

— Каждый раз? Только говори правду — это все, о чем я тебя прошу. Каждый раз?

— Нет, не каждый раз.

— Кусал тебя этот пони когда-нибудь, как говорит мисс Эйр?

— Да.

— Часто ли?

— Не знаю...— Скотти, видимо, почувствовал себя несколько свободнее, но смотрел по-прежнему только на моего отца.— Раза два или три.

— Это было случайно? Или твой пони Тэфф всегда кусал тебя?

— Да. Но не по-настоящему. Он только и ждет, когда ты зазеваешься, и непременно выкинет какой-нибудь номер. Чуть отвернешься, он и цапнет.

— Как это — цапнет? — спросил отец.

— Ну, укусит за голую ногу. А потом смеется.

— Что значит «смеется»?

— Ну, как все лошади смеются. Не как люди, конечно. Просто он доволен, что сыграл с тобой шутку.

— А ты не возражал против таких шуток?

— Нет. Мы с ним так играли.

— А что еще такого он обычно делал?

— Опрокидывал кормушку с сечкой.

— А тот, что здесь, в загоне, тоже так делает?

— Нет. Здесь он не может: кормушка прибита гвоздями.

— Что же делает этот пони?

— Раза два он опрокидывал бидон с водой.

— А как ты его за это наказывал?

— Давал ему тумака.

— Крепко?

— Иногда да.

— То есть как — палкой?

— Да нет! Рукой.

— Подними руку, чтобы все могли ее видеть.

Скотти протянул вверх худую, маленькую руку.

— Да, тут не о чем беспокоиться,— пробормотал отец, потом вздохнул и сказал, словно это только сейчас пришло ему в голову: — А скажи-ка, Скотти, если бы ты так или иначе лишился своего Тэффа, хотел бы ты, чтобы тебе дали другого пони?

— Нет, я хочу только Тэффа,— хмуро сказал Скотти.

— Другого пони ты не хочешь?

— Нет, только Тэффа! — повторил Скотти и насупился, словно мой отец уговаривал его отказаться от Тэффа.

— Мистер Эйр уже великодушно предлагал тебе любого пони из своего табуна.

— Нет! Я хочу Тэффа, и все! — В голосе Скотти слышалось нарастающее отчаяние, он, видимо, и впрямь решил, что отец отступился от него.

— Почему? — вдруг спросил отец.— Почему ты хочешь только Тэффа?

— Это мой пони,— возмущенно сказал Скотти,— вот почему!

Мой отец сел на место, и его сменил мистер Стрэпп. Я думаю, все мы ждали того самого вопроса, который Стрэпп должен был задать мальчику.

— Как у тебя оказался этот пони? — спросил Стрэпп.

— Я купил его,— ответил Скотти.

— Я спрашиваю, как у тебя оказался пони, что сейчас стоит в полицейском загоне?

— Я купил его,— повторил снова Скотти.

— Да нет, я хочу сказать — позднее. А ты не взял его как-то по-другому?

— Протестую! — резко, во весь голос заявил отец.— Мой противник требует от моего клиента, чтобы он признал себя виновным в преступлении.

— Но, ваша честь, это же жизненно важный вопрос! — воскликнул Стрэпп.

— Вы не должны ставить вопросы, ведущие к самообвинению, мистер Стрэпп,— сказал судья.— Вы это знаете.

Стрэпп раздраженно пожал плечами. Раз ему нельзя прямо спрашивать у Скотти, украл ли он пони, тогда бесцельно вообще допрашивать его. И он жестом дал понять, что Скотти может вернуться на свое место.

Казалось, слушание дела закончено. Но, несмотря на то что отец обезвредил показания свидетелей противной стороны, решающее слово оставалось за Стрэппом. В конце концов, Скотти лишился Тэффа много месяцев назад, и вдруг оказывается, что пони снова у него, и он даже приводит его через очень короткое время после того, как был украден Бо у Джози. Это и было реальным доказательством, хотя пока о нем не упоминали.

Нейтрализовав все остальное, мой отец не затронул это доказательство, которое, однако, значило больше, чем все свидетельские показания. Оно явно работало в пользу Джози Эйр.

Но отец, оказывается, еще не кончил. Он, конечно, представлял, что на суде сложится именно такая ситуация и что ему так или иначе придется из нее выходить. И вот, получив заключительное слово, он сказал:

— Я поставил своей задачей показать, что нет абсолютно никакой надежды ни для одной из сторон привести такие доказательства, которые убедили бы всех нас, что этот пони есть Бо, принадлежащий мисс Эйр, или Тэфф, владельцем которого является Скотт Пири. Это безнадежно! И я полагаю, что совершенно исключается любое конкретное решение суда на основе тех доказательств, которые приводились здесь. Любое решение было бы неверным и несправедливым...

— Так как же, по-вашему, суд должен решить этот вопрос, мистер Квэйл? — спросил судья.

— Никак,— сказал отец.

— Никак?..

Зал замер, как в столбняке.

Стрэпп в изумлении выпрямился, а Эллисон Эйр воздел руки вверх с видом полного недоумения.

— Потерпите еще минуту, ваша честь,— продолжал отец.— Здесь, в Сент-Хэлене, мы еще живем в стране лошадей. Я уверен, что вы, ваша честь, это чувствуете, как и все присутствующие. Лошади — старая австралийская традиция. Более того, наш суд — не суд в большом городе. Это сельский суд, и дела подобного рода — о лошадях, фермах, овцах, рогатом скоте — неотъемлемая часть здешней судебной деятельности. Поэтому я считаю, что к данному делу мы должны подойти особым путем, в соответствии с нашими особыми обстоятельствами.

Отец замолчал, как бы для того, чтобы перевести дыхание, но я понял, что он просто хотел усилить эффект.

— Какой же именно особый подход к делу вы имеете в виду? — спросил судья.

— Я считаю, что мы должны призвать на помощь естественное правосудие!

— Что вы хотите этим сказать?

— Естественное правосудие,— нарочито медленно повторил отец,— это та серебряная нить, которая пронизывает собой все наше право. Бывают случаи, когда без естественного правосудия не обойтись. По-моему, сейчас перед нами как раз такой случай.

— Тогда, может быть, вы раскроете наконец конкретную суть вашего предложения, мистер Квэйл?

— Поскольку мы не можем формальным путем решить, кому принадлежит интересующий нас пони, я предлагаю суду создать условия, при которых пони мог бы решить этот вопрос сам.

Мощный взрыв смеха потряс зал суда, разбившись тут же на десятки мелких взрывов. Стрэпп вскочил на ноги. В общем шуме я различил голос Джози Эйр, которая кричала отцу:

— Что он сказал? Что случилось?..

Судья откинулся на спинку кресла и принялся стучать карандашом по стене у себя над головой, а пристав безуспешно призывал аудиторию к порядку.

— Но, мистер Квэйл, — заговорил судья, когда установилось нечто вроде порядка,— объяснитесь, пожалуйста...

— Это очень просто, ваша честь, причем я должен подчеркнуть, что не обсуждал свое предложение с моим доверителем и вообще не советовался ни с кем. Но поскольку каждый из наших юных противников убежден, что пони принадлежит ему, и раз уже ясно, что даже мудрому Соломону не найти тут правильного решения, почему бы не создать условия, при которых пони сам сделает выбор?

— Но как?! — Гулкий вопрос Стрэппа будто вылетел из глубины его живота.

— Как? — переспросил отец, словно еще не додумал

до конца.— Ну, предположим, суд укажет открытую территорию, где мы сможем создать эти самые условия...

— Ради бога, ваша честь!..— взмолился Стрэпп.

— Продолжайте, мистер Квэйл,— сказал судья.— Как вы представляете себе эти условия? И как они помогут лошади высказать свое мнение по данному делу?

— Это не так сложно, ваша честь,— сказал отец, словно приглашая судью в союзники.— Ну, например, окруженное веревочной оградой место, где будет ждаться пони; затем — узкий проход для пони, чтобы он мог пройти дальше; и, наконец, такая же огороженная территория побольше, в разных углах которой будут сидеть наши юные соперники. Пусть они оба зовут к себе пони, и пусть пони сам решит, к кому из них ему идти. Такой случай описан даже в классической мифологии...

— Не надо классической мифологии! — отмахнулся судья.— Идея достаточно ясна.— Судья уже смотрел на отца повеселевшими глазами заядлого игрока на скачках.— Вы сделали интересное и даже увлекательное предложение. Но сработает ли оно? И примет ли его мистер Стрэпп и его клиент? Согласится ли ваш собственный доверитель?

— Я думаю, что смогу убедить моего юного доверителя согласиться,— сказал отец.— Кроме того,— он повернулся к залу и посмотрел на Джози,— все присутствующие оценили ум и твердый характер мисс Эйр; я уверен, она тоже согласится, что это честный путь для решения интересующего всех нас вопроса. И ее отец тоже.

Поднялся Стрэпп и сказал, что должен проконсультировать предложение со своими клиентами.

— Вы желаете, чтобы суд объявил перерыв, мистер Стрэпп?

Эллисон Эйр уже втолковывал что-то Джози и своей жене. Я видел, как Джози энергично кивает головой: «Да. Да. Да».

— Ваша честь,— заговорил Эллисон Эйр,— могу я подойти и обменяться несколькими словами с мистером Стрэппом?

— Пожалуйста.

Гул разговоров в зале суда нарастал, будто шум поезда, подъезжающего к станции. Зрители горячо спорили, пререкались. Эллисон совещался со Стрэппом, мой отец объяснял что-то Скотти и его отцу. Я видел, что Скотти все сильнее сжимает губы. Но он все-таки сказал:

— Ладно, пусть так, если она согласна.

— Ваша честь! — проквикал Стрэпп лягушачьим голосом.

Шум стал стихать.

— Ваша честь! Хотя предложенная процедура несколько необычна, мои клиенты решили согласиться с внесенным предложением при условии, что оно будет тщательно организовано судом в интересах обеих сторон и будет представлять собой действительное заседание суда.

— Мистер Квэйл,— спросил судья,— вы, очевидно, посоветовались с вашим клиентом? Он дал согласие?

— Без колебаний,— сказал отец.— И я думаю, что замечания мистера Стрэппа должны быть приняты.

Судья подергал себя за верхнюю губу. Он был очень доволен.

— Что ж, я полагаю, что это честное спортивное предложение,— заявил он.

Итак, мой отец трезво и хладнокровно сделал ставку на искони присущий австралийцам спортивный азарт.

Оглядываясь на судебный зал, я уже видел в каждой паре глаз предвкушение острых переживаний. Да, коренному австралийцу трудно противостоять этому чувству! И оно несомненно захватит и Джози Эйр, и ее родителей, и Скотти, и мисс Хильдебранд, и, конечно, нас с Томом. Но только не моего отца, который все заранее

спланировал, руководствуясь своей любимой «внутренней логикой».

— В таком случае,— подытожил судья,— я откладываю слушание дела и прошу мистера Квэйла и мистера Стрэппа посоветоваться со мной в здании суда с приглашением сержанта Коллинза и судебного пристава мистера Каффа. Мы выберем подходящее место и разработаем основные «правила игры». А потом я соберу суд в установленный день и на условленном месте, и пусть серебряная нить естественного правосудия приведет нас к правильному решению.

ГЛАВА XV

Отцу с самого начала было ясно, что дело Скотти выиграть невозможно, потому он и ухватился за мысль предоставить пони самому сделать выбор. Эта идея, видимо, пришла ему в голову в ту минуту, когда он впервые увидел пони и мальчика вместе в полицейском загоне. Может быть, поэтому он так и настаивал, чтобы Скотти сам задавал лошади корм. У нас дома жили кошки, собака и сорока, и все они были очень привязаны к отцу, потому что он их кормил. Скотч-терьер Микки часто сидел в суде у его ног, уютно пристроясь под адвокатским столом.

Я спрашивал себя: задавал ли отец себе самому тот самый вопрос, который он так и не дал возможности задать мистеру Стрэппу: переплыл ли Скотти реку, увел ли он пони из поместья Эйров? Честность моего отца была вне сомнения. Но, видимо, так уж повелось, что некоторые вопросы адвокаты не задают себе, когда защищают кого-либо в суде...

Проходя по улицам, отец никогда не смотрел на то,

что находилось непосредственно у него перед глазами; взгляд его всегда был устремлен в какую-то неизвестную далекую точку, и я думаю, что этот особый вид слепоты в отношении близких предметов служил ему как бы средством самозащиты. Но, помимо того, ему просто доставляло удовольствие играть ту роль, которую ему навязали сограждане.

Тогдашний раскол в городе напоминал разделение болельщиков на матче по боксу или римлян во время боя гладиаторов, боя, который кончится победой для одного и последним и окончательным поражением для другого.

В поисках места для решающего испытания судья и стороны остановились на территории сельскохозяйственной выставки: во-первых, потому, что она была окружена высоким забором и изолирована от города, и, во-вторых, на ее большом стадионе легче поддерживать порядок среди «болельщиков», которые пожелают поглазеть на эту небывалую сессию «естественного правосудия».

Правила разработали очень простые. Суд соберется на выставке через неделю. В течение этой недели ни Джози, ни Скотти не разрешается приближаться к полицейскому загону. Площадки на арене распланировали в соответствии с предложением моего отца: маленький загон, где будет ждать пони, калитка, ведущая в узкий огороженный проход в двадцать ярдов, и большая площадка, в углах которой будут сидеть Джози и Скотти. Выбор, сделанный пони, будет иметь силу лишь при том условии, что оба претендента не станут передвигаться или вставать с места, пока пони не подойдет вплотную к одному из них. Решение судьи будет окончательным. Джози и Скотти обязуются быть на месте в десять утра. Все зрители должны находиться вне арены и соблюдать абсолютную тишину.

— А что, если пони не подойдет ни к ней, ни к нему? — спросил Том, когда мы прослушали за обедом эти правила.

— Будут сидеть, хоть весь день, пока не подойдет, — ответил отец.

— Это жестоко, — негодовала Джинни. — Если Джози проиграет, она не переживет этого.

— И Скотти тоже! — запротестовал Том.

— Ну, он мальчик! Ему что!

— Это очень много значит для них обоих, — сказал отец. — В том-то и беда, что один должен выиграть, другой — проиграть.

— А обязательно было устраивать из этого массовое публичное зрелище? — спросила мать.

— Правосудие всегда должно быть более или менее гласным, Ханна, — сказал отец, — иначе оно не будет голосом общественной совести.

Громкий голос общественной совести города Сент-Хэлен становился просто оглушительным.

Даже в школе открыто заключались пари. Среди школьников дело приобрело такой накал, что директор вынужден был устроить собрание, на котором пригрозил суровым наказанием всякому, кто будет биться об заклад в здании школы или вне ее. Но это ничего не изменило. В школе, как в зеркале, отражались события, происходившие в городе. Мы заключали пари на все, что оказывалось под рукой: на деньги, перочинные ножи, мраморные шарики, рогатки, крикетные мячи, теннисные ракетки, перчатки, футбольные мячи и бутсы, удочки — все шло в ход.

Одна из девочек, Сэнди Уильямс, попробовала вызвать на пари самого Скотти, утверждая, что он проиграет. Скотти ужасно разозлился, толкнул ее, дернул за косы, она завизжала. Это был единственный случай, когда я увидел Скотти плачущим! Злые, молчаливые слезы.

Все были удивлены: что тут особенного — ему просто предлагают пари, пусть даже против него самого.

Я тоже заключил пари, поставив старую отцовскую удочку против новенькой катушки для спиннинга.

В городе держали пари на деньги, правда, не делая таких отчаянных ставок, как во время бегов. «Поставлю-ка пару шиллингов за мальчика», — слышалось в парикмахерских, пивных, на улице, на почте или в кегельбане¹. Пит, сын мясника, огрызком карандаша записывал ставки домохозяек на переплете книги заказов:

«Миссис Эндрюс (4—6), супруга пожарника; не путать с миссис Эндрюс, женой столяра;

миссис Джонсон (2—1);

миссис Рид (4/3)» и так далее.

Я с восхищением читал этот список. Деньги, которые вносили спорящие, Пит держал в бараньем черепе, висевшем над холодильником.

В субботу (испытание было назначено на среду) я увидел в городе Джози. Она сидела в отцовском «мармоне» перед домом капитана Элвина Джонса, бывшего военного летчика, компаньона Стрэппа по юридической конторе.

— Кит, — позвала меня Джози, — пэйди-ка сюда.

Я подошел. Глаза Джози так и сверлили меня.

— Все держат пари, правда? — сказала она.

— Да, — сказал я.

— А ты на кого ставишь? — напрямик спросила она.

Я не ответил.

— Почему у вас в школе все меня ненавидят? — продолжала Джози.

Я удивился.

— Никто не ненавидит тебя, Джози, — сказал я. По правде говоря, большинство ребят восхищалось ею. — Ты ошибаешься...

¹ К е г е л ь б а н — помещение для игры в кегли.

— Нет, нет, они меня ненавидят,— повторила Джози.

— Откуда ты взяла?

— А почему же тогда меня ненавидит Дорис Даулинг? — не отвечая, спросила она.

Дорис Даулинг была у нас главной и яркой сторонницей Скотти среди девочек.

— Ей просто нравится Скотти, вот и все,— сказал я.

— Вы там без конца меня обсуждаете.

— Мы всегда и всех обсуждаем.

— А что говорит он?

— Кто? Скотти?

— Да, он!

— Ничего. Он вообще не хочет об этом разговаривать.

— Я тоже не хочу! — страстно воскликнула она. — Почему вы не верите, что это мой пони?

— Не знаю,— сказал я. — Но многие считают, что пони твой.

— А сколько их?

— Не знаю. Откуда мне знать?

— Больше всего — девочки,— мрачно сказала Джози.

— Нет. И мальчики тоже.

— Городские мальчики! — сказала она презрительно.

— Да, пожалуй.

— А сельские все за него, да?

— Да, большинство.

— Ну, а почему же ты на его стороне? Ты ведь городской.

Я не мог объяснить ей, что у меня куча причин поддерживать Скотти, но что симпатии мои принадлежали одинаково и ей и ему. Я знал, что мне будет очень жаль любого из них, кто проиграет.

— У вас на ферме так много пони, Джози,— сказал я. — Ты могла бы выбрать себе любого.

Это был не ответ, конечно, но что другое я мог ей сказать?

— Но это мой пони!— сказала она сердито.— Почему они не могут мне поверить? Почему все вы вбили себе в голову, что он не мой? Вы ведь ничего не знаете. Если бы я была в вашей школе...

Она не договорила. Джози знала все о наших спорах и стычках, но наша жизнь не была ее жизнью. Ей бы очень хотелось быть в самой гуще драки. Не в городе вообще, а именно в школе, где она могла бы сама постоять за себя. Но она была в стороне, и это ее мучило.

— Если пони достанется ему, я никогда больше не приеду в город и ни с кем не буду разговаривать,— пригрозила она.

Как и Скотти, Джози тоже готова была заплакать. Поэтому я отошел — я вообще не люблю видеть чужие слезы, чем бы они ни были вызваны. Тем более слезы Джози Эйр — она ведь не из плаксивых...

Так я узнал, что на душе у обоих соперников. И, наблюдая за Скотти в эти дни, я чувствовал, что оба они все время думают друг о друге.

Скотти как будто находился во взвешенном состоянии, выжидая, куда повернет его судьба, которой сам он уже не мог управлять. Один шаг отделял его от той грани, за которой он мог окончательно затеряться в равнодушной пустыне жизни. У него была натура бойца, но беда заключалась в том, что он не знал, с кем и с чем ему надо бороться. Перед ним был безликий суд, который вправе решать его судьбу и, главное, отдать или не отдать ему Тэффа. Я-то знал, что, если бы Скотти окончательно потерял пони, он взбунтовался бы против всего общества. Ни к чему хорошему это его бы не привело.

— Кит! — позвал он меня, перелезая через забор какого-то сада и доедая сорванный мимоходом осенний

апельсин.— Как ты думаешь, мне позволят завтра захватить с собой старую уздечку Тэффа?

Завтра был решающий день.

— Не знаю,— сказал я.— Почему бы нет?

— Ты спросил бы у своего старика.

— Ладно.

Скотти был слишком горд, чтобы выпрашивать себе какие-то преимущества. А меня спросить можно, я ведь «свой».

— Джек Саммерс сказал мне, что ты говорил с девчонкой,— сказал Скотти.

— С какой девчонкой? С Джози Эйр?

— Ну да. С ней.

— Говорил.

Мы как раз шли мимо дома Пикерингов, где Скотти любил дразнить через забор собаку. Но это развлечение, как и другие, теперь было, видимо, забыто. Скотти овладело какое-то безразличие ко всему, и он словно расстался со старыми привычками.

— А что она сказала?

— О чем?

— Обо мне.

— Ничего,— ответил я.— Она хотела узнать, что говоришь о ней ты. Я сказал ей, что ты не хочешь о ней разговаривать.

— Но что она сказала... ну... об этом? — настаивал Скотти.

— Сказала, что об этом тоже не хочет говорить.

Мы шли, подымая клубы пыли. На худых ногах Скотти были все те же башмаки, тяжелые, как два деревянных ящика.

— Она думает, что выиграет, так, что ли? — спросил Скотти.

— Не знаю.

— Они все за нее.

— Кто «они»?

— Все, кто сидел в зале, там, в суде.

— Ничего подобного. Многие из них на твоей стороне: мистер Кафф, судебный пристав и даже сержант Коллинз.

— Ну, ты совсем спятил! — усмехнулся Скотти.— Коллинз всегда делает, что они ему прикажут.

— Потому что его заставляют.

Скотти пожал плечами:

— Все равно все они уверены, что я проиграю. Но я не проиграю, Кит. Это мой пони.

— Я знаю, Скотти.

— И когда я засвищу, или пощелкаю языком, или покажу ему уздечку, он пойдет ко мне! Вот увидишь...

— Я знаю...

— Пусть она кричит сколько хочет или зовет его по-всякому — Бо или как там,— это ей не поможет.

— Конечно, Скотти,— охотно подтвердил я.

— Она будет сидеть в своем кресле?

— Думаю, что да.

— Разве она все время в кресле? И дома тоже?

— Вроде да. Джинни бывала в «Риверсайде», она говорит, что Джози ездит в кресле взад и вперед среди всякой мебели очень ловко, как на мопеде.

— Мне наплевать,— нахмурился Скотти.— Я принесу с собой уздечку. А если они мне не позволят, я сделаю вид, будто она у меня в руках.

В отличие от Джози, Скотти не угрожал в случае проигрыша навеки порвать с городом. Скорее, он не простил бы этого самому себе.

Мы были уже почти у самого нашего дома, когда он вдруг перебежал дорогу и скрылся за углом недостроенного здания. И я понял, что он так же не уверен в исходе дела, как Джози. Ведь оба они не знают, как поведет себя завтра пони.

ГЛАВА XVI

Назавтра выдался чудесный денек ранней осени. Четирем ученикам из каждого класса разрешили пойти на сельскохозяйственную выставку — поглядеть на «естественное правосудие» за работой. В их числе были и мы с Томом.

Директор благоразумно рассудил: раз вся школа взбудоражена, то лучше уж отпустить некоторое количество учеников на выставку, с тем чтобы остальные получили сведения из первых рук.

Депутация примерно поровну разделилась на два лагеря, но по городу мы шли чинно, парами. Шествие возглавляли мисс Хильдебранд и мистер Кэннон, два непримиримых противника среди учителей в противоборстве Джози — Скотти.

Когда мы дошли до широких старых ворот выставки, затененных камедными и перечными деревьями, мы очень удивились: человек пятьдесят уже ждали очереди у входа. В воротах стоял мистер Белл, владелец велосипедного магазина, которого отрядили к воротам для поддержания порядка. Мистер Кэннон, наш футболист, быстро договорился с мистером Беллом, и нас пропустили внутрь.

Трибуны были уже почти заполнены, и деревянная ограда вокруг арены была облеплена народом. Сержант Коллинз в кавалерийском мундире верхом на черном чистокровном жеребце торжественно разъезжал по арене. Он прекрасно держался в седле и выглядел очень внушительно.

Мистер Кэннон был дельным организатором. Он уже с утра побывал здесь и даже помог окружить веревочной загородкой площадку, предназначенную для Джози и Скотти.

Нам разрешили стоять или сидеть, где нам вздумается, и все мы, числом двадцать четыре, конечно, постарались пробраться поближе к ограде. Мы увидели загончик, где уже разгуливал пони, огороженный переход и площадку, по углам которой стояли стулья для Джози и Скотти. Позади площадки стояли стол и стулья, очевидно, для членов суда. Туда же притащили высокую трибуну, которая во время бегов стоит у финиша.

— Смотрите-ка, Скотти!

Скотти в одиночестве сидел на стуле на площадке и болтал ногами. Оказывается, он забрался туда еще в девять часов. Теперь было уже десять, а Джози Эйр все нет как нет.

— Может, она не приедет? — с надеждой в голосе сказал кто-то из сторонников Скотти.

Публика начинала волноваться. На трибунах слышались нетерпеливые выкрики, требования начинать. Кто-то завопил:

— Лошадь подохнет от тоски, пока вы там будете копать!

Пони между тем беспокойно ходил по кругу в своем маленьком загоне. Животное, видно, чувствовало нарастающее напряжение, исходившее от окружающей его человеческой массы.

— Ага! — воскликнул я, увидев на стуле рядом со Скотти уздечку (отец сказал, что посоветуется об этом с судьей и мистером Стрэппом). — У Скотти есть в запасе один трюк, — объявил я торжествующе.

— А какой? Какой? — закричали вокруг.

— Сами увидите, — ответил я, сделав загадочный вид.

Тут появилась Джози. Она сидела в «мармоне» вместе со своими родителями, сзади подъехал «пикап» с ее креслом. Блю снял кресло и подкатил его к дверце машины. Джози каким-то образом ухитрилась в него перебраться сама, отказавшись от чьей-либо помощи.

— Молодчина, Джози!— крикнул кто-то в толпе.

Были и еще приветственные возгласы, было и шиканье. Джози не замечала ни того ни другого. А Скотти сидел, подсунув ладони под коленки, и затравленно озирался.

Джози подъехала к своему углу на площадке. Деревянный стул убрали.

— Начинайте! Хватит тянуть! — неслись теперь крики со всех сторон.

Кто-то заорал:

— Где он, этот чертов судья?

— Погляди-ка на пони! — сказала Дорис Даулинг, дергая меня за рукав.

Пони встряхивал головой и уже галопировал вдоль ограды своего загона, словно ища выхода. Один раз он даже попытался перескочить через загородку, но тут же отпрянул, чуть не запутавшись в веревках.

У судебного стола шло какое-то совещание. Судья, Стрэпп, мой отец и подошедший к ним Эйр переговаривались, близко наклонившись друг к другу. Потом мистер Кафф, судебный пристав, прошел к Скотти, что-то сказал, и Скотти протянул ему уздечку. Пристав взял ее и положил на землю по ту сторону ограды. Так Скотти лишился своего секретного оружия.

Сторонники Скотти завопили:

— Это нечестно!

— Вы еще руки ему отрубите!

Сержант Коллинз, сидя на своем чистокровном жеребце, кричал во все горло:

— Порядок! Соблюдать тишину! Вы находитесь в суде...

— Слезай-ка лучше со своего вороного, Джо! — крикнул ему кто-то.

— Почему они отобрали у Скотти уздечку? — возмущалась Дорис.

— Не знаю,— сказал я.— Наверно, судья велел или Эллисон Эйр не согласился.

— Это несправедливо! — Звонкий голос Дорис Даулинг донесся, вероятно, до самого судьи.

— Успокойтесь вы там! — крикнул мистер Кэннон.

Мистер Кафф повернулся к трибунам и зычным голосом объявил, что заседание суда открывается.

— В суде должна быть полная тишина. Если не прекратите шум, то судья прикажет очистить территорию от публики, и дело будет слушаться за закрытыми воротами.

— Ай да Кафф! — выкрикнули с трибуны.

Тут уж зрители сами зашикали друг на друга, и скоро замолкли даже самые неумные крикуны.

Констебль Питерс встал у калитки, ведущей в маленький загон. Судья подошел к высокой трибуне, держа в поднятой руке платок. Наступила настороженная тишина. Я увидел, как Джози всем телом подалась вперед, а Скотти поднял пальцы ко рту, ожидая разрешения засвистеть.

— Вы готовы? — спросил судья.

Кажется, они ответили «да», но я не слышал.

Судья опустил руку с платком. Констебль Питерс отворил калитку.

Несколько мгновений пони недоверчиво смотрел на образовавшееся отверстие, потом рванулся вперед. Он пробежал по узкому проходу и остановился на большой площадке. И тут же мы услышали оглушительный свист Скотти и отчаянный крик Джози:

— Бо! Бо! Сюда, сию минуту сюда!

— Тэфф! — позвал Скотти, вынув пальцы изо рта.— Давай сюда!..— И он прищелкнул языком.

Я с удивлением заметил, что Скотти смиренно сидит на стуле,— должно быть, его предупредили, что вскакивать было бы нечестно по отношению к Джози.

Пони пробежал рысью вдоль ограды, снова остановился, вскинул голову и оглянулся вокруг, не обращая внимания на Скотти и Джози.

— Бо! Бо! — все громче звала его Джози, хлопая в ладоши. — Какой ты гадкий! Сейчас же иди ко мне!

— Тэфф! — крикнул Скотти и поднял руки над головой, будто держа уздечку. — Восемь часов, Тэфф! Восемь часов...

В это время Скотти обычно отправлялся в школу.

Пони посмотрел на Джози и сделал несколько шагов в ее сторону.

— Бо! Бо! Бо! — напрягая голос, звала она. — Иди же, милый! Иди!

Скотти снова неистово засвистел.

— Я не могу, не могу смотреть! — простонала Дорис Даулинг и опустила голову.

У меня было почти такое же чувство, но спортивный азарт взял верх.

— Сюда! — закричала Джози. — Сюда!

Пони сделал еще шаг к Джози, потом круто повернул к Скотти, но тут же остановился и посмотрел на судейский стол.

Я думаю, у всех в ту минуту мелькнула одна мысль: пони не только понимает, что он в центре общего внимания, но и нарочно разыгрывает из себя дурачка и дразнит всех своей нерешительностью...

Вот он повернулся и, словно испугавшись, бросился прочь. Джози и Скотти молчали. Оба, видимо, решили выждать, что станет он делать дальше.

Он остановился и опять повернулся.

— Что там происходит? — спросила Дорис Даулинг.

— Ничего. Вернулся на место.

В это время Джози и Скотти стали звать пони к себе. На этот раз в голосе девочки слышалось подлинное страдание.

— Бо! Бо!.. Ну, пожалуйста, подойди ко мне!.. А то, смотри, я никогда не прощу тебя... Никогда... Ну иди же...

Скотти старался сидеть смирно, но ему это плохо удавалось, он ерзал и подскакивал на стуле и снова звал пони:

— Восемь часов, Тэфф... Восемь часов... Пора!.. Слышишь?.. Тэфф! — завопил вдруг Скотти так громко и отчаянно, что где-то рассмеялись; это был единственный звук, раздавшийся с трибун.

А пони все кружил по площадке, не отзываясь на призывы, с таким видом, как будто ему хочется вообще выйти из игры. Когда он проходил мимо Джози всего в каких-нибудь пяти футах, она снова начала звать его, на этот раз так, словно она близка была к истерике:

— Бо! Ты отвратительный злюка! Как ты смеешь не идти, когда тебя зовут?

Голос ее прервался. Пони постоял, посмотрел на нее и пошел прочь. Джози яростно заколотила руками по подлокотникам своего кресла.

— Тебя надо бы отстегать как следует! Иди же сюда! Не будь таким гадким! — крикнула она ему вслед.

Теперь Скотти начал щелкать языком и легонько ударять ладонью по стулу. Но, когда пони остановился футах в пятнадцати и стал в него внимательно вглядываться, Скотти вдруг перестал его приманивать. Похоже было, что ему все это здорово надоело и он решил послать к чертям и пони и все на свете.

На мгновение воцарилась гнетущая тишина.

— Ну, что там? Что делает пони? — спросила Дорис Даулинг.

— Ничего. Ничего не делает, — нетерпеливо ответил я. — И Скотти тоже ничего не делает. Просто сидит, и все...

Скотти глядел на пони отчужденно и презрительно, словно тот перешел в лагерь его врагов.

— Бо! — Это был последний крик Джози, но пони только поднял голову и чуть вздрогнул шеей.

Однако этот крик отчаяния словно вызвал перелом. Пони вдруг двинулся прямо к Скотти и с ходу толкнул его так, что Скотти слетел со стула. Когда он поднялся и ухватился за шею пони, тот вздернул голову, поднял Скотти в воздух, но тут же стряхнул с себя. Это была их обычная грубоватая игра, которую оба так любили!

Весь стадион взорвался криками и одобрительными свистками!

— Это Тэфф! Теперь ясно, что это он! — вне себя от возбуждения кричал и я.

Сомнений больше не было. Половина нашей школьной группы самозабвенно прыгала и хлопала в ладоши. Гул на стадионе не ослабевал. Рот судьи беззвучно открывался и закрывался, но из-за шума не слышно было ни слова.

Наконец судья поднял руку и красноречивым жестом протянул в сторону Скотти.

— Я знала! — радостно визжала Дорис Даулинг.— А ты разве не знал?

Мисс Хильдебранд стояла раскрасневшаяся, торжествующая.

Разыгравшийся пони снова отбросил Скотти в сторону. И тут-то он проявил истинно фаустовский цинизм. Он двинулся прямо к Джози, которая жалобно глядела на него из своего кресла, и начал тыкаться в нее мордой.

— Ах ты сукин сын! — только и мог я сказать.

Все в молчании наблюдали за Джози. Она ласкала пони, как она всегда это делала, а он то толкал ее легонько, то хватал зубами за рукав. Мне казалось, я слышу, как она говорит ему:

«Какой ты гадкий! Ну почему ты так сделал? Почему пошел к нему?»

— Это Бо! — крикнул кто-то.

Разумеется, это был Бо. Это был Тэфф, и это был Бо. Споры еще продолжались, вспыхивали даже драки, но никто уже не сомневался, что победил Скотти. Пони подошел к нему первому, и судья вынес решение в его пользу.

Люди с трибун высыпали на арену. Всем хотелось подойти поближе. Но тут Скотти вдруг схватил с земли уздечку, подбежал к Тэффу, молниеносно, как всегда, накинул уздечку, вспрыгнул ему на спину, дернул за веревку, столбик ограды повалился, Тэфф легко перескочил через ослабшую веревку, и Скотти помчался через всю выставку, прежде чем кто-нибудь успел опомниться.

На какой-то момент показалось, что Коллинз вот-вот бросится на своем жеребце в погоню за Скотти, но сержант только проводил его глазами и не двинулся с места.

Остальные, не исключая и Джози, тоже напряженно смотрели ему вслед.

— Бедная Джози! — печально сказала Дорис Даулинг. — Бедняжка Джози!

Что еще можно было сказать!

Джози перенесли и посадили в «мармон», кресло погрузили в «пикап», и приспешники Эйров стали расходиться. Я успел только сказать Джози, сидевшей, по обыкновению, очень прямо:

— Не падай духом, Джози. Все тебе очень сочувствуют.

Джози смотрела прямо перед собой, лицо ее было бледно, губы сжаты. Она не желала ничего видеть и слышать.

— Ладно, — сказал нам мистер Кэннон. — Все кончилось. Давайте стройтесь.

Да, все, очевидно, кончилось. Но еще не совсем кончилось для Скотти и Джози.

Наверное, отцу даже в голову не пришло, что в тот день правосудие выбралось из тупика на спине капризной лошади. Он отказался обсуждать с нами это дело. Он запретил нам в тот вечер (и в последующие вечера) даже вспоминать о нем. Когда Том с Джинни горячо заспорили, были ли Бо и Тэфф одним и тем же пони (Том теперь отрицал это), отец стукнул ладонью по столу и приказал им замолчать.

— Довольно,— сказал он.— Все кончено. Вынесено ясное решение. Говорить больше не о чем. И я не желаю никаких поминок в этом доме.

Но нам с Томом не терпелось найти ответ на те вопросы, которые так и остались нерешенными в суде. Мы не могли успокоиться. Мы жаждали полной ясности. И на следующий же день, в субботу, шагая по дороге к ферме Энгуса Пири, опять принялись спорить.

— Тэфф, безусловно, переплыл реку и пристал к дикому табуну. Наверно, он испугался игуаны и упал в реку,— рассуждал я.— Скорее всего, его отнесло течением.

Том был решительно не согласен со мной.

— Бо и Тэфф — не один и тот же пони,— упрямо твердил он.— Этого не может быть. Почему же тогда Бо пришлось снова приручать?

— Потому что Тэфф ушел обратно в табун,— доказывал я.— Не так уж много времени надо лошади, чтобы снова одичать. Тем более Тэффу. Он и всегда-то был полудикий.

Но Тэфф, говорил Том, успел привыкнуть к людям. Почему же, если это был он, Эйры потратили столько времени и сил, чтобы его приручить?

— Они приучали его ходить в упряжке,— говорил я.— Тэфф никогда в жизни не знал оглобель.

— А как же копыта? Ни гвоздей, ни подков.

Я сказал, что Скотти никогда не водил подковывать своего пони. Я это заметил еще в тот раз, на выставке. И Джози тоже: Бо всегда бегал по мягкой земле, где без подков лошади лучше.

— Если это один и тот же пони,— сказал Том,— значит, Скотти все-таки переплыл реку и увел Тэффа.

— Конечно! — воскликнул я.— Потому-то наш старик и не допустил, чтобы об этом упоминали на суде.

— Не знаю! Просто не знаю,— говорил Том, обороняя свою позицию от окончательного прорыва.

Неделю назад Том радовался, что Скотти переплыл реку и увел у Эйров пони, а теперь, когда он увидел, как тяжело переживает свою неудачу Джози Эйр, он не хочет признать, что Бо и Тэфф — одна и та же лошадь!

— Как ты думаешь, что она теперь сделает? — спросил он.

— Не знаю,— сказал я.— Наверное, возьмет себе другого пони.

— Но ведь это будет совсем не то, правда?

Об этом думали теперь все, кто был свидетелем разыгравшейся на выставке драмы.

А мы с Томом ни к какому решению не пришли. Одно только было неопровержимо: то, что Скотти снова обрел Тэффа.

Добравшись до фермы Пири, мы застали Скотти и его отца за работой. Они сооружали для Тэффа настоящий загон с загородкой из старых железнодорожных шпал и ржавой проволоки. Они возводили для него маленькую крепость, и, глядя на Энгуса Пири, я понял, что он не забыл о Дормене Уокере — вдруг тому вздумается наложить лапу на Тэффа.

— Хэлло, мистер Пири! — сказал Том.— Не помочь вам?

— Хорошо бы,— отозвался Энгус Пири.— Поработайте-ка тут, а я займусь более полезным делом. Вот выройте ямы и поставьте в них столбы. А проволоку я натяну после.

Энгус Пири воткнул лом в твердую землю, поднял большой мешок с удобрениями, вскинул на худую спину и пополз, как муравей, со своей ношей через засохший выгон. Мы смотрели ему вслед, а Скотти смотрел на нас, словно мы пришли предупредить его о надвигающейся опасности.

Тэфф стоял в углу старого загона и глядел куда-то вверх наших голов, как это часто делают лошади.

— В чем дело? — спросил наконец Скотти.

— Ни в чем,— сказал я.— Просто мы пришли посмотреть, как ты тут.

— У меня все в порядке,— заявил он.— Они опять, что ли, приедут сюда насчет Тэффа? — спросил он подозрительно.— Из-за этого вы пришли?

— Да с какой стати? — рассердился я.— Суд ведь решил. Тэфф — твой, и всем это известно.

— Ну, они еще что-нибудь придумают...— Тон у Скотти был очень воинственный; видимо, пройдет немало времени, пока он сможет обрести прежнюю уверенность и восстановить с городом прежние отношения.

— В понедельник ты приедешь на нем в школу? — спросил Том.

— И не подумаю.

— Никто его не тронет теперь, Скотти,— убеждал я его.— Теперь ни за что!

— А откуда ты знаешь?

Из дома вышла миссис Пири и окликнула нас с Томом:

— Здравствуй, Том, здравствуй, Кит. Как поживает ваша мама?

— Прекрасно, миссис Пири.

— Хотите лимонада?

Лимонада? Откуда же у миссис Пири лимоны? Наверно, соседи принесли.

— Большое спасибо, миссис Пири,— поспешно сказал я. Я понял, что ей хочется как-то выразить свою благодарность нашему отцу.

Мы принялись копать ямы для столбов и работали усердно, когда миссис Пири снова появилась с двумя стаканами лимонада для нас и чашкой для Скотти. Я думал, что лимонад будет несладкий, но миссис Пири все-таки выделила столовую ложку сахара из своего драгоценного запаса. Напиток был отличный. Как раз то, что надо в жаркий день.

— Я дам вам с собой немного домашних лепешек. Это для вашей мамы. Не забудьте, когда соберетесь уходить.

Миссис Пири всегда казалась маленькой, и каждый раз, когда я ее видел, она казалась мне все меньше — очевидно, это мы подрастали. Но в тот день она выглядела особенно миниатюрной. На ней было какое-то удивительное платье. Наверное, оно было сшито из клетчатой скатерти. Но ей оно шло и делало ее похожей на маленькую застенчивую шотландскую девчушку.

— Я не забуду,— пообещал я.

Она постояла, посмотрела, как мы роем ямы, и, наверное, была очень счастлива видеть Скотти вот так вместе с его друзьями; я ведь знал, каково ей было всякий раз, когда Скотти пропадал из дому.

Мы долбили и долбили твердую, засоленную, упрямую землю — и вдруг услышали шум приближающейся машины. Мы перестали копать и поглядели на глинистую дорогу, связывающую ферму Пири с асфальтированным шоссе. Это был «пикап» для перевозки лошадей; он отчаянно прыгал и раскачивался на рытвинах, ухабах и корнях деревьев. В дождь по такой дороге и ярда не проедешь.

— Они! — крикнул Скотти.

Да, это были они — Эллисон Эйр, с ним кто-то еще на переднем сиденье, а сзади, на открытой платформе, — еще какая-то фигура, жалко мотавшаяся при толчках.

Скотти затравленно озирался, ища глазами отца, но Энгуса не было видно. Тогда Скотти схватил уздечку и мгновенно накинул ее на Тэффа. Он и ускакал бы прочь, если бы мы с Томом его не удержали.

— Они не возьмут его, Скотти, — говорил я, крепко держа его. — Не бойся.

— Нет, возьмут! — кричал он, задыхаясь и стараясь оттолкнуть меня.

— Нет, нет, Скотти, сто раз нет! — кричал ему Том. — Не имеют права.

— Пустите меня...

Том отпустил его, но я все держал, потому что знал, что, если я отпущу его сейчас, его уже ничто не удержит. Он вечно будет скрываться неизвестно где, появляясь и исчезая, как птица, опасаясь любого представителя власти, закона, любого запрета и требования.

— Черт побери, Скотти, возьми наконец себя в руки! Не станешь же ты удирать каждый раз, когда они тебе где-нибудь встретятся.

— Нет!..

— Если ты не устоишь на этот раз, тебе крышка! — крикнул я, изо всех сил держа его за рубашку.

Скотти, видно, и сам это чувствовал.

— Ладно, — вдруг сказал он мрачно. — Только не надо меня держать. — Он оттолкнул мою руку. — И сбрось вон ту перекладину в загоне, Том. На всякий случай...

Том убрал одну из перекладин на задней стороне старого загона Тэффа — это был запасный выход. Мы стояли, как три мушкетера, и ждали, чтобы «пикап» подъехал ближе. Рядом с отцом сидела Джози Эйр собственной персоной.

— Там эта девчонка,— сказал Скотти, словно не веря своим глазам.

— Спокойно,— сказал я.— Стой и молчи.

На платформе «пикапа» был Блю. Он помахал нам рукой в измятом, пропитанном пивом рукаве. «Пикап» трудолюбиво выбирался из огромной ямы. Судя по лицу Джози, это было для нее тяжелым испытанием.

— Хэлло, Том! Хэлло, Кит! — сказал Эллисон Эйр.— И, обращаясь к Скотти: — Хэлло!

— Почему вы не называете его по имени? — спросил Том, возмущенный барской спесью Эйра.

— Ладно, не волнуйся! — непонятно кому ответил Эллисон Эйр и натянуто усмехнулся.

— Хэлло, мистер Эйр,— храбро откликнулся Скотти.

Я слегка хлопнул его по спине: молодец, мол.

— Моя дочь хочет поговорить с тобой,— сухо проговорил Эллисон.

— О чем? — спросил Скотти, не скрывая враждебности, но твердо и решительно.

— Она сама объяснит. Можно мне перенести ее на веранду? После этой ужасной тряски ей надо бы отдохнуть.

— Ладно.

Джози молчала. Она глядела на Скотти, а он — на нее, не выпуская из рук поводьев Тэффа, который уткнулся мордой ему в спину.

— Я не хочу на веранду,— сказала Джози.— Посади меня там.

Она указала на груды шпал, которые мы использовали как столбы. Эллисон усадил ее на шпалы и, убедившись, что ей удобно, сразу отошел в сторону, чтобы не мешать.

Я не знал, куда спрятать глаза, но заметил, что Джози все смотрит на Скотти и Тэффа. Очевидно, и Тэфф почувствовал это: он любезно и нахально сделал несколько

шагов в ее сторону. Скотти придержал его. Но, видя, что пони настойчиво тянется к девочке, подошел ближе, продолжая крепко держать в руке поводья. Теперь они оказались лицом к лицу, и Джози, которая лучше владела собой, чем любой из нас (мы все трое были растеряны и смущены), сказала Скотти светским и рассчитанно-спокойным тоном:

— Я только хотела, чтобы ты знал — мы очень сожалеем, что по ошибке взяли твоего пони. Мы не знали, что он твой...

Она помолчала.

Тэфф уткнулся мордой в ее плечо, и она ласково прижалась щекой к его ноздрям.

— Вот и все...— добавила она и подняла глаза на Скотти.

Скотти никак не был подготовлен к такому обороту дела.

— Конечно... Откуда вам знать...— пробормотал он.

— Он был диким, когда его привели вместе с другими,— продолжала Джози.— Я бы не взяла его, если бы знала. Мне очень жаль, вот и все.

Скотти только краснел все больше, не в силах сказать ни слова.

— Ты тут ни при чем,— нашелся он наконец.— Он сам виноват...— Он ткнул пальцем в ребра Тэффа.

— Нет, он не виноват,— спокойно и уверенно возразила Джози.— Просто так уж случилось.

Пони покусывал рукав Джози. Скотти молча вручил ей поводья. Это было большим испытанием для Джози, несмотря на всю ее великолепную выдержку. Скотти оказался достойным противником.

— Ты видишь,— сказала она поспешно,— он Бо. Он ведь Бо, правда? Не мог бы ты иногда приезжать на нем в «Риверсайд»? По субботам, что ли, или по воскресеньям, если для тебя это не слишком далеко...

Скотти был скован, раздавлен смущением. Он понимал, что сейчас они равны. Беда одного, оказывается, была бедой и другого. Победа открыла Скотти всю горечь поражения, испытанную Джози.

— Я не хотел отнимать у тебя пони,— сказал он, запинаясь.— Но я ведь знал, что это Тэфф... Я это знал с той минуты, как увидел его на выставке.

— Теперь это уже неважно,— сказала Джози, стараясь показать, что она вовсе не пала духом, хотя и была сейчас близка к тому.— Но... ты не мог бы иногда приезжать? Ты бы ездил по выгону, а я бы смотрела...

Скотти оглянулся, ища помощи. Но кто мог ему помочь сейчас? Он не знал, что ответить. Потом, посмотрев на Эллисона Эйра, спросил:

— И все будет в порядке, если я сделаю так, как она хочет?

— Разумеется,— ответил тот.

— Ладно,— решительно сказал Скотти.— Приеду, когда смогу.

— Ты можешь позвонить мне, и я буду ждать тебя,— сказала Джози.

— У Пири нет телефона,— подчеркнуто громко сказал Том.

— О!..— Джози растерянно оглянулась, удивляясь, как можно жить без телефона.— Но у тебя есть телефон, Кит,— сказала она мне,— так что можешь ты позвонить вместо него, правда?

— Да, конечно,— сказал я.

— А ты приедешь в эту субботу? — не отступала Джози.

Пальцами босой ноги Скотти ковырял неласковую землю фермы.

— Нет,— сказал он вдруг с обычным упрямством.— Но могу приехать в следующую субботу, если хочешь.

Джози поняла, что проиграла этот раунд, и не стала настаивать.

В дверях дома появилась миссис Пири. Она несла кувшин с лимонадом и несколько стаканов на оловянном подносе.

— Лимонад свежий,— сказала она; я заметил, что она успела прицепить свою брошь «Эйлин».— Не хотите ли войти в дом?

На какую-то минуту мир, в котором жила миссис Пири, стал и нашим с Томом миром. Эллисон с обычной для него спокойной вежливостью сказал:

— Вы очень любезны, миссис Пири. Но здесь так приятно на воздухе, при утреннем солнце.

Он взял стакан, а другой передал Джози.

— Благодарю вас, миссис Пири,— произнесла маленькая леди из «Риверсайда».

Блю тоже получил стакан и тут же облил лимонадом рукав. Мы трое смотрели, как гости пьют лимонад, вежливо, несколько принужденно. Миссис Пири стояла молча, ее взгляд, как обычно, был устремлен куда-то вдаль.

— Благодарю вас, миссис Пири,— сказал Эллисон, возвращая пустой стакан.

Мне показалось, что только теперь, глядя на миссис Пири, Эллисон и Джози начали сознавать, где они находятся и что означает этот клочок бросовой земли. Миссис Пири, ее платье и все вокруг красноречиво говорили об этом.

— Я привез тебе пару мешков сечки для пони,— обратился Эллисон к Скотти.— Блю сейчас их сгрузит.

Голубые глаза Скотти сердито сверкнули. Джози, которая, казалось, прониклась к нему симпатией, поняла ошибку отца.

— Эти мешки случайно оказались в «пикапе»,— поспешила она сказать.

Скотти, хоть и был слишком горд, чтобы принимать подачки, решил все-таки сделать Эйру эту уступку и позволил оставить сечку. Пропасть разделяла их, но Скотти не даст больше себя унижать.

— Что ж, нам пора, Джози,— сказал Эллисон.— А где твой отец? — спросил он у Скотти.

Скотти показал рукой на выгон у дороги, где можно было заметить черную фигурку Энгуса Пири — он медленно плелся к дому, желая узнать, что здесь происходит.

— Я побеседую с ним на обратном пути,— сказал Эллисон.

Он подошел к Тэффу, потрепал его за уши и проговорил мрачно, сквозь зубы:

— Эх ты, звереныш! Это из-за тебя заварилась вся каша...

Тэфф вскинул голову. Джози вернула Скотти поводья. И в это мгновение маленький лукавый насмешник цапнул Скотти за мягкое место.

— Ах ты, негодяй! — крикнул Скотти.

Джози рассмеялась. Она была в восторге. Она назвала Тэффа гадким, непослушным, нехорошим. Но отец уже нес ее в машину. Скотти пошел за ними и минутку постоял у машины, а Тэфф обнюхивал его спину.

— У тебя другой теперь? — неловко спросил он.

Джози молча кивнула, словно ей было трудно говорить.

Эллисон Эйр завел мотор и крикнул:

— До свиданья, миссис Пири!

Мы увидели, как Джози кусает губы. Руками она крепко вцепилась в сиденье, приготовившись к испытаниям обратной дороги. Мы смотрели и ежились при каждом толчке «пикапа».

Поравнявшись с Энгусом Пири, они остановились. Что он говорил им? Что говорил ему Эллисон Эйр? Что пред-

лагал? Соглашался ли Энгус Пири? Это уже не имело значения.

Машина выехала на асфальт шоссе, и мы услышали, как «пикап» набирает скорость.

Теперь действительно все было кончено. Для всех. Нам оставалось только будущее. И в этом будущем были свои проблемы, свои трудности и загадки и неподвижные повороты судьбы.

Собственно, мне больше нечего сказать. Разве только напомнить, что единственным из нас, кто мог вволю посмеяться над этой историей, был Тэфф, он же Бо, легкомысленный, озорной, вздорный, умный и своевольный. И кто знает: может быть, он по-своему тоже оценил, что значит хорошее, вовремя сделанное спортивное предложение.

Для среднего
и старшего возраста

Джеймс Олдридж

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Повесть

Ответственный редактор
Н. В. Шерешевская.

Художественный редактор
А. Е. Цветков.

Технический редактор
И. П. Савенкова.

Корректоры

Э. Л. Лофенфельд
и З. С. Ульянова.

Сдано в набор 7-IV 1975 г. Подписано к печати 29-IX 1975 г. Формат 84x108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 10, 68. Уч.-изд. л. 8,59. Тираж 100 000 экз. Заказ № 655. Цена 49 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Детская литература“. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика „Детская книга“ № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров ~~СССР~~ по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, Суцевский вал, 49.

Олдридж Джеймс

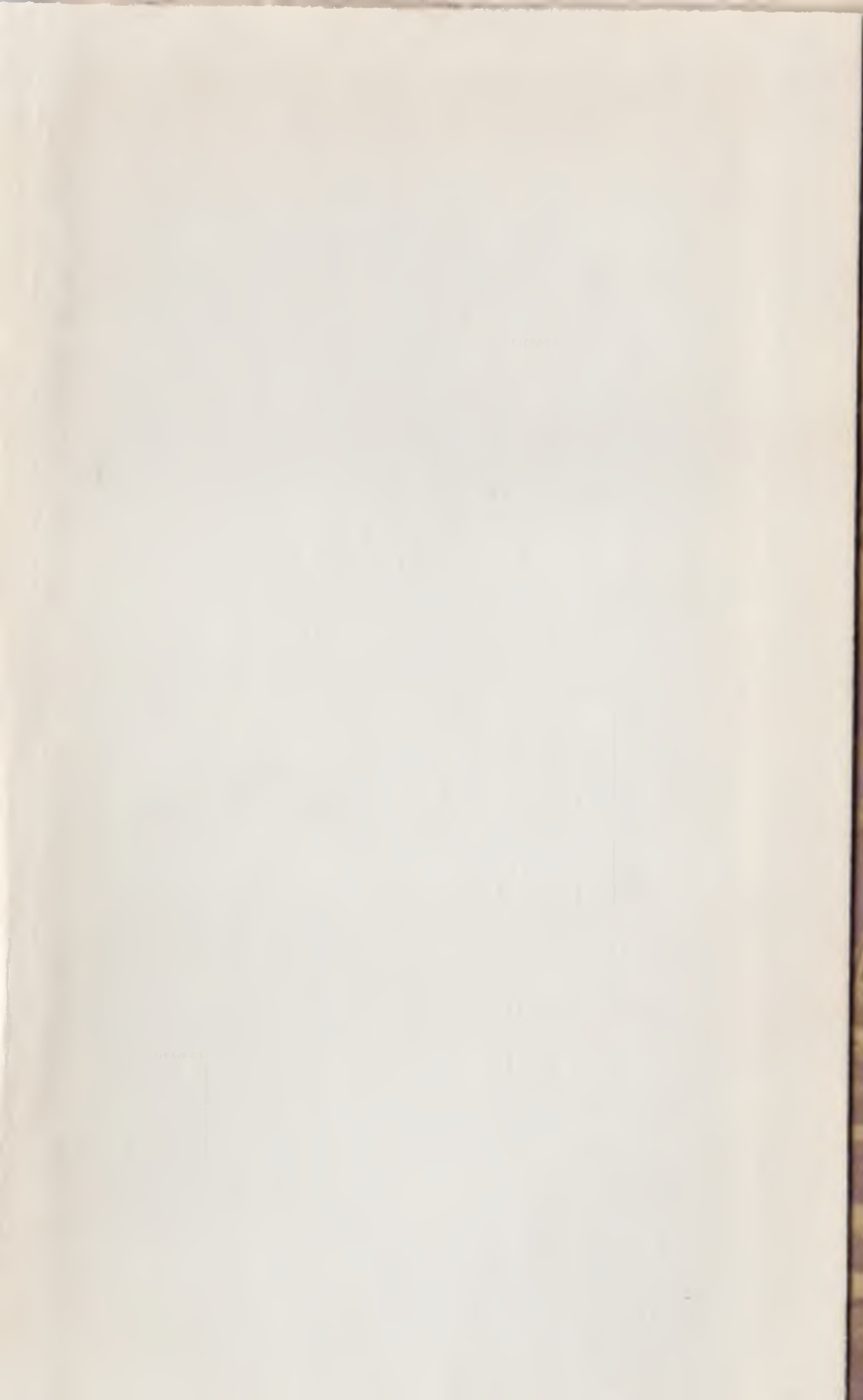
О-53 Спортивное предложение. Повесть. Пер. с англ. К. Федоровой и Л. Чернявского. Рис. Е. Попковой. М., «Дет. лит.», 1975.

191 с. с ил.

Повесть из жизни маленького австралийского городка в начале 30-х годов нашего века.

О 70803—602
М101(03)75 405—75

И [Англ]

Цена 49 коп.